

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МИР

ЕВРАЗИИ

научный журнал

ИСТОРИЯ
АРХЕОЛОГИЯ
ЭТНОГРАФИЯ

№4 ОКТЯБРЬ-
ДЕКАБРЬ
2009

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издаётся с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2009. №4(7) Октябрь-декабрь

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор
Н.С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАГН (г. Горно-Алтайск)

Первый зам. главного редактора
В.Г. БАБИН — кандидат исторических наук, проректор ГАГУ по научной работе (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА
Горно-Алтайский государственный университет

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Ю.В. ТАБАКАЕВ (председатель совета) — доктор философских наук, профессор, академик РАЕН, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)
А.Н. АЛЕКСЕЕНКО — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
В.Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук, профессор (г. Красноярск)
Н.Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)
А.Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)
В.Д. КУБАРЕВ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)
О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. Улан-Батор)
А.И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН (г. Кемерово)
В.Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)
Л.И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)
М.В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)
Э.М. ЩАГИН — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
М.И. ПАКЛИН (зам. главного редактора) кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)
А.П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)
О.М. ГАНБОЛД — профессор (г. Ховд, Монголия)
Э.П. ДВОРНИКОВ — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)
Д.М. КАРАЧАКОВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)

Подписано в печать 15.11.2009. Формат 60х84/8. Усл.печ.л. 11,57. Тираж 150 экз. Зак. №09703

Отпечатано в типографии Горно-Алтайского университета. 649000, Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1

© Горно-Алтайский государственный университет, 2008.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Алмуханова Р. Т. ОБ ОТНОШЕНИИ «АЛПАМЫС-БАТЫРА» К МИФУ: ИСТОРИКО-ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ	2
Белинская К. Ы. ИЗУЧЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЖЕНСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ТЮРОК ГОРНОГО АЛТАЯ (ПО ПАМЯТНИКАМ АРХЕОЛОГИИ)	6
Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. ВКЛАД НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В ИЗУЧЕНИЕ СИБИРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ	12
Дворников Э. П. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В КАРАКОЛЬСКОМ ПРИРОДНОМ ПАРКЕ «УЧ-ЭНМЕК», ОНГУДАЙСКОГО РАЙОНА, РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ	16
Зайцева Л. И. ДУХОВЕНСТВО ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917—1922 ГГ.	21
Иванцова Н. Ф. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ПРОПАГАНДИСТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ А. В. ШЕСТАКОВ	26
Кененсариев К. С. РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИИ ТЕРМООБРАБОТКИ МЕТАЛЛОВ В КУЗНЕЧНОМ РЕМЕСЛЕ У ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНА	30
Крашенинина В. Г. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО МОНГОЛИИ В XX ВЕКЕ	34
Летов А. В. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ГОРНОМ АЛТАЕ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	37
Малахова-Полякова О. В., Модоров Н. С. ЗАКРЕПЛЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ В XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА	40
Модоров Н. С. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПРАВИТЕЛЕ ДЖУНГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА «ХОТ-ХОЦИН-БАТУРЕ» («ЭРДЭНИ-БАТУРА-ХУНТАЙДЖИ» — — 1653 Г.)	50
Паклин М. И. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ СКОТОВОДСТВА У РУССКИХ КРЕСТЬЯН АЛТАЙСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ВЕКА	55
Рыжков И. Н. ПОВСЕДНЕВНАЯ И ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА СТАРОЖИЛОВ АЛТАЙСКОЙ ВОЛОСТИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.	60
Худяков Ю. С. ВЛИЯНИЕ ХУННОВ И СЯНЬБИ НА ЭТНОКУЛЬТУРОГЕНЕЗ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ	64
Черляков И. Г., Модоров Н. С. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ (XIX — НАЧАЛО XX В.)	69
Юдина А. Ю. ВОЕННЫЕ ГОСПИТАЛИ Г. БИЙСКА В 1941-1945 ГГ.	71
РЕЦЕНЗИИ	77
ИНФОРМАЦИЯ	79

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, Университет, редколлегия Журнала «Мир Евразии»,
Тел.: 8 (388-22) 2-62-33. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

УДК 902

*Р. Т. Алмуханова***ОБ ОТНОШЕНИИ «АЛПАМЫС-БАТЫРА» К МИФУ:
ИСТОРИКО-ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ**

В статье, на основе опубликованных литературных источников, проанализирована историко-культурная связь между эпическим наследием различных тюркских народов.

Тюркские народы Алтая, Башкирии, Казахстана и Средней Азии, народные сказания, исторические песни, былины, древнегреческие мифы

Среди тюркоязычных народов Центральной Азии широко известен «Алпамыс батыр» как в эпическом, так и сказочном оформлении. Самой архаичной из всех известных национальных версий на сей день считается алтайский «Алып Манаш», родившийся в среде тюркских народностей в период VI—VIII веков [1, с. 218]. Это был период расцвета Тюркского каганата. Во всех остальных национальных версиях, кроме алтайской, а это, свою очередь, башкирский эпос «Алпамыша и Барсын-хылу», сказка «Алпамыша», каракалпакский и казахский одноименные «Алпамыс», узбекский «Алпамыш» имеют общую линию исторического лейтмотива эпоса, где главными противниками были калмыки. Поэтому они и составляют более близкую связь друг с другом, тем более, что национально-географическое размежевание между ними произошло гораздо позже.

Разница между названными историческими сказаниями проявляется лишь в мастерстве бахшы, жыршы (т. е. исполнителя — Р. А.), в развертывании и освещении того или иного сюжета и мотива. Так, Барсын в узбекском «Алпамыше» как девушка-великан имеет более детальную разработку, чем остальные. Кстати, и башкирская Барсын-хылу тоже названа девушкой-великаном, правда, здесь только изменен способ ее изображения: она спускает с гор на Алпамыша камни размером с мельницу или дом [2, с. 227]. В казахских текстах образ девушки-великана утрирован, т. к. Гульбаршын как женщина нуждается в помощи эпического героя. Но появление на свет Алпамыса и Гульбаршын в одно и то же время — есть неопровержимый показатель архаики.

В указанном плане, следует отметить, и «Коркыт Ата китабы» (письменная версия сказания датируется XIV в. — Р. А.), в котором тоже присутствует девушка-великан, в лице Бану Шешек. Не раскрывая того, что она с колыбели является невестой Бамсы Барик, девушка пробует свои силы в состязаниях с ним. В конце концов, проведя три поединка по разным соревновательным видам, Бану Шешек признает себя побежденной и разрешает победителю поцеловать ее три раза поцеловать в щеки и принимает от него кольцо [3, с. 146].

Известный текст «Алып Манаш» в исполнении Н. Улагашева не имеет архаичных мотивов, присущих первой части эпоса: бездетность родителей, чудесное зачатие и рождение, чудесная сила

ребенка, брачное испытание героя. Это объясняется тем, что до нас не дошел более архаичный вариант [4, с. 216].

Но эти мотивы в полном объеме имеются в остальных тюркских национальных версиях. В частности, в алтайском эпосе не трудно разгадать мифического Алып Манаша.

Покраснеть — крови ему не дано

Умереть — души у него нет [4, с. 80].

У мифического героя и атрибуты должны быть мифическими. И, в этом плане, Алып Манаш и его конь представлены в тесной связи. Его конь предупреждает хозяина об опасностях, превращаясь в звезду. А чтобы вытащить Алып Манаша из глубокой ямы, становится волосинкой. Вторая атрибутивная связь с героем обнаруживается через оружие:

Если я умру

Или сильно стану страдать —

Стрела ржавчиной покроется.

Если победу одержу — эта стрела будет солнцем блеснуть [4, с. 87], —

говорит Алып Манаш перевозчику-лодочнику.

Во всех известных версиях посвященных эпическому образу, такая связь героя с его оружием не обнаруживается. Но в фольклорном активе казахского народа этот мотив имеется применительно к другим сказкам. Пример тому — «Уш батыр», «Бай мен баласы», «Ушар ханнын баласы», где противником героя выступает жалмауыз-кемпир. Она пытается жену, чтобы узнать, где же хранится душа мужа, после чего совершает задуманное. Бросает оружие — меч, нож — в воду. В древности железные орудия считались магическими, а вода — загробным миром. Таким образом, жалмауыз-кемпир лишает героя души [5, с. 63, 93, 112].

Мотив чудесного зачатия и рождения героя достаточно хорошо освещен в казахских текстах, сюжет которых оформлен при содействии мотивов посещения святых духов-предков родителей, вымаливания ребенка, вещего сна, где показывается сам Баба Тукти Шашты Азиз и дарит долгожданных — сын и дочь, предрекая им имена. В имени Баба Тукти Шашты Азиза, которого некоторые ученые считают мусульманским пророком, запечатлена архаика, ведь Шаш, Тукти — волосы есть магический атрибут архаической природы. К тому же он в белой чалме с крашенным посохом в руке, а посох — атрибут шамана. Ака-

демик С. А. Каскабасов считает его родовым культом, с чем мы согласны [6, с. 194].

Во многих тюркских эпических произведениях, например, в киргизском эпосе «Манас», мать героя, будучи беременной, горит желанием съесть внутренности тотемных животных — сердце льва, тигра и т. д. Этот мотив имеется в «Алпамысе». Жена Байбури, забеременев, просит мужа:

Я бы досыта поела,

Коль нашел бы ты мне каблана

Не принимает душа еды [обычной] [7, с. 213].

Изучая связь казахского Алпамыса с античностью, мы обнаруживаем ряд типичных особенностей, характерных мифическому герою. В казахских эпосах Алпамыс батыр:

Отка салса — жанбайды (Бросить в огонь — не горит)

Суга салса — батпайды (Бросить в воду — не тонет).

Алпамыс в этом плане показывает типологическую схожесть с Ахиллом. Стремясь сделать своего сына неуязвимым и, таким образом, дать ему бессмертие, Фетида по ночам закаляла его в огне, а днем натирала амброзией... Согласно другой версии, Фетида купала Ахилла в водах подземной реки Стикс, чтобы, таким образом, сделать его неуязвимым, только пятка, за которую она его держала, осталась уязвимой. Оскорбленная вмешательством Пелея, Фетида покинула мужа, и тот отдал Ахилла на воспитание мудрому кентавру Хирону, который накормил его внутренностями львов, медведей и диких вепрей, обучил игре на сладкозвучной кифаре и пению [8, с. 137]. Таким образом, мы обнаруживаем, что особые качества героя не являются результатами чьих-либо усилий, как кроме участие сверхъестественных сил, а это — боги, покровители.

Принимая это во внимание, сравнения «арыстандай айбатты, жолбарыстай кайратты» нередко связывают со съедением необычной пищи, но пример Ахилла показывает, что это не только формула эпического стиля, а знаковый символ бессмертия.

Заявляет о мифическом качестве будущего эпического героя Баба Тукти Шашты Азиз:

Имя твоему сыну Алпамыс [будет],

Имя твоей дочери Карлыгаш [будет].

Стрелять будут — не пробьет [его] пуля,

Рубить будут — меч не разрубит [7, с. 211].

А в казахской сказке «Алпамыс» покровителем является Кызыр, образ которого восходит к древним домусульманским верованиям, в частности, к культу предков и их духов [6, с. 173].

Являясь во сне Байбури, Кызыр раскрывает секрет, что он сотворил внутренние органы из стали, а тело из булатного железа, если стрелять — пуля не берет; если рубить — меч не разрубит; если в воду бросить — не утонет; кто ему замышляет зло — сам пострадает. Имя мальчика — Алпамыс [9, с. 272].

В древнегреческих мифах бессмертными являются боги, но и боги, в свою очередь, могут наградить бессмертием простого смертного. Например, Зевс подарил вечную жизнь Амфиарай, также Посейдон с целью сделать бессмерт-

ным Птерелая подарил золотые волосы [8, с. 132]. На счет золотых вещей у Алпамыса много примеров. Например:

— ...Приметы моего единственного? —

У него под лопаткой

Круглая родинка была.

Золотую застежку от треноги —

Надежду на батыра народ потерял...

Когда встал Култай, зарыдал,

И Алпамыс тогда...

С коня соскочил,

Снял, сбросил

Свой золотой пояс [7, с. 396].

А когда узнал Жадигера, Алпамыс с позыментом золотым тюбетейку Сыну [на голову] надел [7, с. 410].

Так что магические свойства у Алпамыса от верховных сил. То, что исследуемый нами образ изначально рожден особым, подтверждает башкирская сказка «Алпамыша-батыр». И в этой сказке говорится, что он имел на темени золотой месяц [10, с. 448]. А золото есть знаковый символ бессмертия. В казахском эпосе Алпамыс, «поясом золотым опоясавшись» [11, с. 295-297], идет на бой.

В числе главных критериев при определении архаичности героя — сущность Алпамыса. Он идет в бой

«Буырканып, бурсанып

Муздай темир курсанып», то есть

Разъярился он, разгневался,

Окутался, как в лед, в железо [7, с. 225].

Но в действительности «буырканып, бурсанып» говорится относительно стихийной силы природы, а «муздай темир курсанып» в семантике передает смысл: кованное железо, как лед. Ведь лед не одевается. А герой, таким образом, предстает в виде сотворенного из железа с природными стихиями. Такая особенность еще раз доказывает связь с глубокой древностью. В этом смысле есть созвучность и с узбекским Алпамышем:

Кованный булат — могущий мой кулак [12, с. 126].

Итак, мы видим, почему Алпамыс не горит в огне, не тонет в воде, не поддается рассеканию мечом. Малолетка-батыр один воюет с калмыком Каражаном, избивает все войско Тайшык-хана. В финале эпоса повествуется о том, что:

Отца с матерью Алпамыс — батыр

В молоке кобылицы белой выкупал,

Отца ханом на трон посадил он

Народу [об этом] знать дал он,

[Горе] во всем народе изжил он,

Смех, радость [народу] дал он, [7, с. 425] —

значит зажил счастливой жизнью, что типично для бессмертных.

В. Н. Басилов, ссылаясь на башкирское сказание «Барсын-хылу»:

Из девяти овчин не вышла шапка,

Из девяноста овчин не вышла шуба, —

считает, что это следы шаманского обличья

[8, с. 62]. Однако Алпамыш во всех национальных версиях сложился как героический образ.

Его высказывания, по нашему мнению, будут дополненными и раскроют магическую сущность

Алпамыша, как Одиссея. Если принять, что Алпамыс в начале был представлен в типе шамана, то исторический ход жанрового развития эпоса будет нарушен.

Путешествие Одиссея в загробный мир исследователь Л. С. Клейн оценивает как путешествие мага [13, с. 110-111]. И в Алпамысе, и в Алпамыше есть качества мага, которые выражены в умении предсказывания. Алпамыс перед тем, как выехать против Тайшык-хана, говорит:

— Когда, ата-жан, я уеду,
От раба ты мученья увидишь.
На коня положил я потник,
Когда, ата-жан, я уеду,
[Вдоволь горя ты испытаешь].
За тобою, отец,
Раб, в пять кобылиц оцененный, —
Враг, тебя стрегущий [7, с. 238].

А Алпамыш, будучи в калмыцкой стране, знает, что плохи дела у близких [12, с. 243].

Конь у Алпамыса также относится к мифическому существу. Не Байчубар, не узбекский Байчубар — конь Алпамыса (и Алпамыша) как серочубарый конь Алып Манаша не имеет превращений, но он существо особенное, неземное.

Крылатость — специфика мифического образа. Но эти кони не летают, не поднимаются на небо, но вроде реликта сохранили крылья. О чем свидетельствуют строки:

— Айналайын, Шубар ат,
Колтыгында бар канат.

— Дорогой мой конь Чубар,
Подмышками [у тебя] крылья, [7, с. 232] —
обращается своему коню Алпамыс.

Второе доказательство тому, что он мифический:

Мыстан, злобный враг, коварный,
На Байчубара сесть хотела.
Умней человека скотина,
Лягнул ее обеими ногами
Тогда старуха свалилась,
Во всю длину растянулась,
Потеряла [она] сознание [7, с. 243].

Тем самым Байчубар как неземное особое создание почувствовал и дал знать о противной сущности старухи.

Что касается вырастающего конского хвоста серочубара Алып Манаша, это имеется также в узбекском Байчибаре. В казахских сказках «Алпамыс», «Алты жасар Алпамыс», Байчубар как Байчибар опустил хвост в зиндан, где томится его хозяин и вызволил его оттуда [14, с. 274, 279]. Эти качества коней — Байчубара и Байчибара подтверждают связь с конем Алып Манаша. Эти качества дают основание полагать, что все-таки в предшествующих текстах фигурировал типичный архаичный конь. Одним из важных критериев при определении архаичности фольклорного произведения может служить тот факт, который показывает, что данный эпос создан при господствующем фатализме. Тайшык-хан собирает свой народ и рассказывает им сон, устранивший его.

— ...Корона с моей головы и богатства
По земле покатались,

[Какой-то] лев на меня
Бросился [изготовился],
Разорил, забрал мой город,
Разгробил мое добро,
Подбоченившись,
Захотел он взять
Из моих объятий любимую [7, с. 240].

Предполагая, что едет к нему Алпамыс, просит помощи мыстан-кемпир-ведьму, посредством чего добывает в свои руки Алпамыс и заточает в зиндан. Эти мероприятия были организованы с целью предотвращения вещего сна. Однако в финале известно, что Тайшык-хан и его войско были разгромлены.

Мотив письма на крыльях гусей в «Алып Манаше» сохранен в архаичном содержании, так как герой, брошенный в глубокую яму должен сообщить о себе родным. С этой целью он позвал к себе гуся, пролетевшего над ним, и, поранив палец, кровью пишет письмо. В такой ситуации посредническую роль выполняет не только гусь (в науке известна «голубиная почта»), но и приоритет отдается крови как фетишу. В позднейших записях эпосов («Алпамыс» и «Алпамыш») и в казахских сказках «Алпамыс» и «Алты жасар Алпамыс» [5, с. 274, 277] утрирован мотив крови как фетиш. А сказители ограничивались лишь сообщением, что герой пишет письмо на крыльях гуся.

«У узбекского народа эпос “Алпамыш” оказывается вне подобного цикла, в непосредственном соприкосновении с жанрами воинской повести, исторического дастана и народных романов», — писала в свое время проф. член-корр. Академии Наук КазССР Н. С. Смирнова [32]. Действительно, узбекский «Алпамыш» в исполнении Ф. Юлдашева достиг кульминации циклизации. В действиях Алпамыш и Барчин много наслоения романического дастана. Вследствие чего издатели оценили данное произведение как народный эпос. Тогда как казахский «Алпамыс» по природе создания эпоса в жанровом отношении сохранил качества героического эпоса и достиг по этой линии классического уровня. В пользу контаминации сюжетов в «Алпамыше» говорит образ Кайкубата, где он представляется плешивым, но на самом деле он оказывается шин-машинским, китайским царем и т. д.

Возвращаясь к архаичным мотивам, мы должны сказать, что есть еще одна прямая связь Алып Манаша со среднеазиатскими героями Алпамыша и Алпамыса. Это касается их разговора со своими женами. Алып Манаш интересуется:

— Кюмюжек-Ару! Шелковые косы
Сама ли заставила ты расчесывать?
Друга, с которым жить собралась,
Сама ли ты выбрала?
Кюмюжек-Ару! Золотые волосы
Сама ли заставила заплетать?
Друга, которого любишь,
Сама ли ты нашла?
Кюмюжек-Ару отвечает:
Шелковые косы мои
Поневоле я дала расчесать.
Жениха, с которым жить придется,

Сама я не выбирала.
Золотые волосы мои
Не по моей воле заплетают.
Жениха постылого
Сама я не искала.

Такую форму общения в стихотворной форме и признание своему суженому сохранились и в последних вариантах. Например:

Алпамыс:

— Теперь ты, Гульбаршин, —
келиншек, той устраиваешь,
О чем ты думаешь, той устраивая.
У меня к тебе есть один вопрос:
Сколько раз ты с рабом миловалась?

Гульбаршин:

— Пусть [вечно] Байсын-земля, будет,
Пусть красавцем сын мой, единственный будет,
Не [только] миловаться, а слова его слушать —
Так [уж] лучше с отцом [родным] свадьбу справить [15, с. 434].

Связь Алпамыса с Одиссеем тоже показывает типологию по мотиву муж на свадьбе своей жены как в сюжетном, так и в композиционном плане.

1. Уезжая в долгий путь, герой знает, что есть ребенок. Одиссей назначает срок, до какого времени ждать Пенелопе — до возмужания Телемаха. Алпамыс оповещает свой народ о беременности жены и завещает, если родится сын — назвать Жадигером.

2. Возвращаясь в свою страну, Алпамыс перодеет в диуана, а Одиссей превращен Афиной в старика.

3. Герои открываются только после того, как убьют злоумышленников.

4. Измененный облик не дает никому узнать героя. Но, увидев в его теле особые приметы, а это у Алпамыса — родимое пятно, у Одиссея — шрам на ноге, узнают Культай-баба и Еврикля. Еврикля — няня, которая знает Одиссея с детства. А Культай-баба, хотя представлен как старший среди пастухов, его узнавание измененного в облике Алпамыса указывает на статус родоначальника в прошлом. При этом мы не противоречим мнению В. М. Жирмунского, высказавшего, что образ старого табунщика в эпосе как монгольских, так и тюркских народов — весьма древний и сложился еще в условиях патриархально-родового общества: важная общественная роль хранителя табунов кочевого племени возвысила его образ, придав ему черты мудрого «ак-сакала», патриарха племени и почетное прозвище «дядюшки», т. е. старшего родича, иногда опекуна молодого героя (может быть, пережиток авункулата), вместе с тем его помощника, наделенного в богатырской сказке сверхчеловеческими знаниями и силой» [1, с. 218].

5. Пенелопа требует в доказательство, чтобы Одиссей рассказывая известное только ему. Этот мотив во всех последних версиях утрирован. Но

в «Коркыт Ата китабы» Бану Шешек просит рассказать о кольце, надетом ей Бамсы Барик.

6. За время отсутствия героя их отцы остались в затруднительных положениях. Байбури — отец Алпамыса пасет верблюдов, то есть он раб. Одиссей встретил Лаэрта, который работал на поле и в саду, который также попал в бедственное положение. В «Коркыт Ата китабы» отец Бамса Барик — ослеп, его лечит кровь сына, т. е. Бамса Барик дает свою рубашку, нанеся на нее кровь свою. А кровь — как фетиш, выполняет свою функцию, старик становится зрячим. Исследователями доказано, что гомеровская поэма «Одиссея» имеет «вторичную редакцию», вследствие чего мы можем понять гомерского Лаэрта, который не представлен слепым.

Ради справедливости нужно сказать, что в узбекском «Алпамыше» увидеть групповой брак все-таки сомнительно. «Девяносто богатырей хана (или «шаха») живут в пещере Токаистан. Они размышляют: то ли каждому в отдельности добиваться Барчин, то ли взять ее общей женою для всех?» — здесь отголосок времени группового брака [15, с. 123], — пишет Т. Мирзаев. Нам кажется здесь целесообразно видеть спор за Барчин среди братьев-сыновей Сурхайл-ведьмы. В этом заслуга Ф.Юлдашева, у которого богатый фольклорный актив. Секрет такого гротескного сюжета раскрывается каракалпакским вариантом, где бахши Жиёмурат Бекмуратов говорит о том, что из-за девушки возник спор между ханом и Кокеманом [16, с. 123].

Во всех национальных версиях называется мыстан-ведьма. Несмотря на это, она выполняет роль архаичной жалмауыз-кемпир.

Ведьма в отличие от жалмауыз-кемпир ограничена бытовыми функциями [16, с. 124]. Но, то что именно жалмауыз-кемпир помогает заточить героя в зындан, откуда он выходит измененным, указывает на функции жалмауыз-кемпир. В данном случае мы должны учитывать, что имеем дело с записями, совершенными в XX веке, здесь называется роль сказителей в обработке материала, к тому же роль жалмауыз-кемпир к этому времени потеряла актуальность.

Итак, типологическая связь с античностью дает полное основание полагать, что казахский эпос «Алпамыс-батыр» в основе архаичен. А отсутствие в эпосе мотивов девушка-великан и эпизод с верблюдом, свидетельствующий о симпатичной магии, не создает минус в такой оценке произведения. Тогда как во всех вариантах «Алпамыс-батыр» устойчиво сохранена мифическая сущность героя — он не одет как смертный или обычный воин, а все тело обложено сплавом из железа.

Что касается разветвления мотивов в сказках — письма на крыльях гуся, вызволение героя с помощью конского хвоста явствуют в пользу бытования сюжетов до полной циклизации.

Библиографический список

1. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. — Л., 1974.
2. Башкирское народное творчество. Эпос. — Уфа, 1987. Т. 1.
3. Коркыт Ата китабы. — Алматы, 1999.

4. Улагашев Н. Алтай-Бучай. — Новосибирск, 1941. С. 80.
5. Ертегилер. — Алматы, 1988. Т. 2.
6. Каскабасов С. А. Казахская волшебная сказка. — Алма-Ата, 1972.

<p>7. Алпамыс-батыр. — Алма-Ата, 1961.
 8. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. — М., 1987.
 9. Ертегилер. — Алматы, 1988. Т. 4.
 10. Башкирское народное творчество. Богатырские сказки. — Уфа, 1988. Т. 3.
 11. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л., 1874.</p> | <p>12. Алпамыш. — Л., 1982.
 13. Клейн Л. С. Бесплотные герои. — СПб., 1994.
 14. Ертегилер. — Алматы, 1994. Т. 4.
 15. Смирнова Н. С. О казахских версиях «Алпамыса» (очерк) // Алпамыс-батыр. — Алма-Ата, 1961.
 16. Казактын халык творчествосы (материалы, собр. А. Диваевым). — Алматы, 1989.</p> |
|--|--|

Евразийский государственный университет им. Л. Н. Гумилева
 Получено 15.08.09.

R. T. Almuhanova

ABOUT CONNECTION «ALPAMIS-HERO» TOMYTH: HISTORIC AND CULTURAL THE MEANING

In article, on the basis publish literary sources, analyzed historic and cultural the tie between epic legacy various of turks peoples.

Turks peoples Altai, Bashkiria, Kazakhstan, and Middle Asia, peoples legends, historic songs, true stories, myths

УДК 902

К. Ы. Белинская

ИЗУЧЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЖЕНСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ТЮРОК ГОРНОГО АЛТАЯ (ПО ПАМЯТНИКАМ АРХЕОЛОГИИ)

В статье, на основе изучения опубликованных материалов освещена проблема изучения гендерных отношений и женской субкультуры древних тюрок Горного Алтая по памятникам археологии.

древние тюрки, женщины, гендер, археология, субкультура, тюркский каганат, средневековье, Горный Алтай

В эпоху раннего средневековья исключительно важную роль в этнокультурной истории народов Степного пояса Евразии играли древние тюрки. Благодаря выдающимся военным успехам, в середине VI в. н. э. ими было создано огромное государство — Первый Тюркский каганат. Завоевания древнетюркских каганов способствовали миграции тюркоязычных кочевников из Центральной Азии в различных направлениях. Они расселились в южных районах Сибири, в Средней Азии, Казахстане, Приуралье и Восточном Туркестане.

Согласно свидетельствам исторических источников, Горный Алтай является исходным районом формирования этносоциальной организации, государственности и культуры древних тюрок [1, с. 27]. Тема культуры древних тюрок Алтая имеет особое звучание еще и потому, что именно с Алтаем связаны генеалогические легенды происхождения древних тюрок. Велико было влияние материальной культуры, военного дела, политико-административного устройства государства древних тюрок на родственные кочевые, а в определенной степени и на среднеазиатские иранские оседло-земледельческие народы [2, с. 5]. В период образования Первого Тюркского каганата характерные элементы древнетюркской военнотуркской культуры, в т.ч. погребения в сопровождении верхового коня, или барана, поминальные оградки с каменными стелами или изваяниями, наскальные рисунки и изображения тамговых знаков, рунические надписи и предметный комплекс получили распространение по всей территории Центральной Азии. Изучению памятников культуры и реконструкции различных сторон

жизнедеятельности древних тюрок в Саяно-Алтае, посвящено большое количество научных исследований, в т.ч. несколько монографий [3]. К настоящему времени выработана периодизация тюркских древностей, прослежена эволюция погребальной и поминальной обрядности, изучен корпус рунических надписей, памятники монументального, изобразительного и декоративно-прикладного искусства, реконструированы особенности государственного устройства, социальных отношений, военного дела, взаимоотношения древних тюрок с народами таежной зоны Западной и Южной Сибири. При анализе погребальных и поминальных комплексов, материальной и духовной культуры, относящихся к древнетюркской культуре, основное внимание уделялось исследованию памятников и вещей, характерных для взрослых мужчин-воинов. Значительно реже археологи и тюркологи обращались к изучению письменных, изобразительных и вещественных источников, характеризующих особенности положения женщин в древнетюркском обществе. В их числе мы можем назвать уже упоминавшихся выше С. Г. Кляшторного, Т. И. Султанова, Л. Н. Гумилева и А. А. Гаврилову [4]. Поэтому одной из актуальных задач современной археологической науки, исследующей памятники древнетюркской культуры, является систематизация и анализ имеющихся данных, относящихся к женской субкультуре древних тюрок. Эта задача включает создание классификационной схемы женских погребений, выявление особенностей женской поминальной обрядности, характеристику предметного комплекса, реконструкцию костюма и

набора украшений, изучение изображений женщин в петроглифике и монументальной скульптуре. На основе анализа разных видов источников представляется возможным проследить эволюцию заупокойной обрядности и выявить особенности социальной дифференциации среди женской части древнетюркского населения [4, с. 18-19].

В другие времена и в других местах люди следовали иным модулям жизни, где существовали непохожие, на привычные нам, образы мужественности и женственности, где иначе дифференцировались мужские и женские роли, деятельности и статусы, где совсем другими были ролевые ожидания [5, с. 6].

Гендерная история, как часть нового междисциплинарного направления социогуманитарного знания («gender studies», т. е. научных исследований, опирающихся на новую методологическую базу и концептуальный аппарат, сфокусированный вокруг категории «гендер»), сформировалась на Западе в конце 1970 — начале 1980-х гг. [6]. В то же время различные нюансы не устроят главного — введение этого концепта было призвано подчеркнуть социальный характер неравенства между полами (его социального конструирования) и исключить биологический и психологический детерминизм, который имплицитно присутствовал в понятии «пола-секса» и постулировал неизменность условий бинарной оппозиции мужского и женского начал. Для истории этот момент имел решающее значение, поскольку снимал вопрос о внеисторичном «женском начале» — понятии, которое порождало вечные споры о «природе женщины» и служило для обоснования ее неизменно подчиненного положения. Благодаря своему интегративному потенциалу, гендерный подход в исторических исследованиях привел к пересмотру центрального предмета изучения, которым становится история гендерных отношений, а также основных методологических принципов, с опорой на представление о комплексной социокультурной детерминации различий и иерархии полов. Основные методологические положения гендерной истории в обновленном варианте были сформулированы Джоан Скотт в программной статье «Гендер — полезная категория исторического анализа». В его трактовке важным атрибутом термина «гендер» являлась акцентация взаимной соотнесенности и взаимоопределенности понятий «мужского» и «женского», из чего следовал вывод о невозможности их изолированного анализа, в том числе исторического. В качестве другого важнейшего признака этой аналитической концепции была отмечена ее нейтральность (в отношении феминизма), что позволяло рассчитывать на академическое признание. В определении Джоан Скотт самым отчетливым образом была подчеркнута связь между двумя утверждениями: 1) гендер является составным элементом социальных отношений, основанных на воспринимаемых различиях между полами, и 2) гендер — есть первичный способ обозначения властных отношений.

Старая народная мудрость, которая присутствовала (с незначительными нюансами) в фоль-

клоре всех европейских этносов и утверждала, что «внешний мир» принадлежит мужчине, а место женщины дома, задавала индивиду целостную культурную модель, всеобъемлющий образ, который, как и все ему подобные, помогал как-то упорядочивать жизнь, придавая смысл хаотичной и запутанной действительности, воспринимать и толковать переживаемые события, выстраивать свою линию поведения. Положение мужчин и женщин в гендерном анализе, как правило, рассматривается в отношении к таким ключевым индикаторам, как базирующийся на гендерном разделении труда набор мужских/женских обязанностей (по видам продуктивной, репродуктивной и общественной деятельности); дифференциация доступа к ресурсам (материальным, экономическим, социальным, организационным, политическим) и средств контроля над ними; участие в принятии общественно-значимых и политических решений.

Во многих работах исследуются нормативные предписания, гендерная идеология и расхожие представления о женщинах, которые обычно фиксируют сугубо мужской взгляд на этот предмет и, несмотря на наличие некоторых внутренних противоречий, рисуют в целом негативные стереотипы мужского восприятия, а также навязываемые социумом модели женского поведения. При этом речь идет равным образом как о гендерных аспектах власти, так и о властной составляющей гендерных отношений: семья рассматривается как гендерно-социальный конструкт и как основа социального, экономического и политического могущества; религия — как сквозь призму предписываемых ею гендерных ролей, так и в свете ее способности наделять мужчин и женщин разными видами власти. Максимально расширенная и обогащенная концепция власти занимает центральное место в гендерной истории, поскольку одной из ее главных задач является изучение возможностей и способности женщин, на протяжении многих веков лишенных — в пользу мужчин — доступа к формальным институтам политической власти, оказывать опосредованное влияние на принятие решений в публичной сфере и на действия других людей или групп людей в условиях патриархатного господства. Историки, антропологи и социологи фиксируют частичное или полное совмещение дихотомии мужского/женского (маскулинного/феминного) и дихотомии публичного/приватного в разных культурах и обществах. При всем разнообразии интерпретаций сложился определенный консенсус: каковы бы ни были действительные первопричины разделения публичного и приватного, — а установить их невероятно трудно именно потому, что это произошло так давно, за пределами письменной истории, — с течением времени оно претерпевало существенные изменения [7].

«Власть женщин» исследуется во всем многообразии ее проявлений: рассматривается воздействие женщин на политические решения и исторические события, их роль в семье, в экономике и общественной жизни, их влияние на формирование и передачу культурных стереотипов. Имея ограниченные возможности на деле распоряжаться

ся своей собственной или чужими жизнями, женщины в средневековой литературе, а иногда и в реальной жизни, находили более тонкие или скрытые способы осуществлять такую власть, манипулировать людьми и ситуациями, сочинять небылицы, которые нравились им больше, чем действительность, и благодаря которым они могли или надеялись эту действительность контролировать». Очень редко обладая формальным авторитетом, женщины действительно располагали эффективными каналами неформального влияния. Устраивая браки, они устанавливали новые семейные связи; обмениваясь информацией и распространяя слухи, формировали общественное мнение; оказывая покровительство, помогали или препятствовали мужчинам делать политическую карьеру [7].

Интересно отметить, что, например, китайские письменные источники фиксируют у многих кочевых народов, в том числе у тюрков, традиции левирата. В китайской хронике «Чжоу шу», в которой упоминаются обычаи тюрков («тюкю», «туцзюе») в середине VI в., можно найти важную информацию о роли и значимости тюркской женщины. Система наказания за совершенные проступки у тюрков была очень суровая. За нанесение увечья в драке, мужчина мог отдать свою дочь или имущество жены, в то время как за прелюбодеяние с чужой женой тюрка могли лишиться жизни. Мужчина мог выбрать себе жену в день поминовения усопшего. В этот день и мужчины, и женщины в нарядных платьях собираются на кладбище; если мужчине понравится девушка, то по возвращении в дом он посылает сватать ее, и родители редко отказывают. По смерти отца, старшие братья по отцу женятся на мачехах, невестках и тетках [8, с. 230].

Наследование жен у кочевых народов имело двойной смысл. Во-первых, в дом, точнее, в юрту приходила новая работница, а в тех условиях это было всегда полезно. Во-вторых, обычай предусматривал охрану прав вдовы, так как новый муж должен был заботиться о ней и защищать ее как свою жену. Весьма возможно, что брак не всегда был фактическим, но, тем не менее, вдова не оказывалась покинутой на произвол судьбы. Отношение к женщине было подчеркнуто почтительным, рыцарским. Сын, входя в юрту, кланялся сначала матери, а потом отцу. В орхонской надписи с наибольшим пафосом описан бой, в котором Кюль-Тегин отстоял орду, где оставались родственницы, которым грозила смерть [9, с. 42-43].

Наследование жен и приведенный текст надписи предполагают полигамию, но даже это не делало тюркскую женщину бесправной. Если даже положение женщины можно считать зависимым, то влияние ее на мужа подчеркивает Табари, который пишет, что «у турок всего можно добиться через женщин». Происхождению по линии матери придавалось большое значение. Так мотивом отстранения от престола царевича Торэмена было «низкое происхождение» его матери. Это был, конечно, только предлог, уловка его политических противников, но любопытна аргументация. Право, вообще очень строгое и жесто-

кое, охраняло женщину: изнасилование замужней женщины каралось смертью, соблазнитель девушки должен был немедленно жениться на ней. Любопытно, что изнасилование поставлено рядом с самыми тяжелыми преступлениями: восстанием, изменой, убийством, и похищением спутанной лошади, что в условиях степи часто влечет смерть обокраденного, тогда как простая кража наказывалась лишь десятикратным штрафом в пользу потерпевшего, а за членовредительство в драке полагалась пеня. Думается, что ограничение прав женщины в кочевом мире — явление позднее и, возможно, связанное с тем общим упадком, который постиг Среднюю Азию в после-монгольский период [2, с. 74].

Основным источником для нашего исследования женской субкультуры Горного Алтая является изучение погребального комплекса древнетюркских женщин. В результате многолетних исследований учеными были изучены захоронения в разных районах Горного Алтая (Кудыргэ, Чатыр). Они имеют определенные различия в конструкции надмогильных и внутримогильных сооружений, в погребальном обряде. Судя по сопроводительному инвентарю, среди них выделяются памятники катандинского этапа (синхронный периоду Первого Тюркского каганата), памятники кудыргинского этапа (синхронный периоду Второго Тюркского каганата), памятники курайского этапа (синхронный к эпохе после падения тюркской государственности и периоду существования уйгурского и кыргызского каганатов).

По положению и ориентации скелетов погребенных и сопровождающих животных, по видовой принадлежности животных, по способу погребения в Горном Алтае можно выделить несколько групп, типов и вариантов женских захоронений.

В одиночных женских захоронениях с конем можно найти как вариации на темы, когда голова коня и голова погребенной повернуты в одинаковом направлении и в разные направления. Захоронение коня может находиться слева, справа, в ногах от погребенной. Положение погребенных женщин в одиночных захоронениях вытянутое, на спине, левая рука согнута в локтевом суставе и на покоеится на костях таза, правая вытянута вдоль туловища; левая рука вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута в локте и отставлена; либо руки могут быть слегка разведены, согнуты в локтях, уложены кистями друг на друга на животе; руки вдоль туловища и слегка расставлены; кости правой ноги чуть согнуты в колене. Ориентация погребенных женщин могла быть головой на С, СВ, ССВ, В, ЮЗ, З, Ю, ЮВ, ЮВВ. В одном захоронении череп погребенной отсутствовал, вместо него лежал деревянный гроб. В двух других захоронениях под черепом обнаружены каменные плиты — подушки. Положение лошадей в основном на животе с поджатыми ногами, на правом боку, на левом боку. Для лошадей характерна ориентировка на С, ССВ, СЗ, З, ЮЗ, ЮЗЗ, Ю, головой вдоль корпуса, изогнута вертикально. Иногда голову лошади могла поддерживать камень. Костяк лошади и погребенной женщины могла разделять перегородка из дере-

вянных колышков, бревно, Кони были в основном заседланы, взнузданы и спутаны.

Для овальных насыпей характерны подовальные формы могильных ям, реже встречаются овальные насыпи с подпрямоугольной формой могильных ям. Среди них можно выделить ямы, как с подбоем, так и без него, с каменной кладка из валунов, погребения женщины могли быть разделены деревянными плахами, камнями, под головой коня могла находиться каменная подушка. Для овальных насыпей с овальной формой могильных ям характерны одиночные женские захоронения с конем, реже встречаются одиночные захоронения без коня. Для овальных насыпей с прямоугольной формой могильных ям также характерны одиночные женские захоронения в сопровождении коня. Для такого типа характерно следующее положение погребенных женщин: вытянутое, на спине, с согнутыми в локтевом суставе левой рукой и вытянутой вдоль туловища правой или наоборот, кость левой кисти могла находиться на костях таза, кости правой ноги могли быть согнуты в колене. Ориентация погребенных головой на СЗ, СВ, Ю. Кони в основном лежат на животе, либо на правом боку с поджатыми ногами, ориентация на ЮЗ, С. Головами вдоль корпуса (внутри могилы), либо в одну или разные стороны от погребенных женщин. Судя по инвентарю лошадей, который представлен уздой, седлами, удилами с псалиями, стременами, застежками от пут, в одном погребении найдена плеть и т. д. Это означает что их погребали взнузданными и под седлом. В женском инвентаре встречаются различные элементы костюма, бытовых принадлежностей, вооружения: серьги, зеркала, в одном захоронении находился мужской пояс, пряжки и накладки от ремней, пряжки от обуви, застежки от одежды, остатки одежды из шелка и шерсти, остатки головных уборов, пряслица, кожаная сумка, ножи, меч, колчан, стек.

Для округлых насыпей характерны прямоугольные формы могильных ям, иногда с округленными краями, овальные, реже встречаются квадратные. Для округлых насыпей с прямоугольной формой ям характерны одиночные женские погребения с конем, реже с двумя лошадьми. Среди них можно выделить ямы с каменными валунами по стенкам могильной ямы, с разделительной стенкой в виде деревянных колышков, земляными перемышками, с прямоугольными плитами и окатанными камнями в центре. Для такого типа характерно следующее положение погребенных женщин: вытянутое, на спине, руки согнуты в локтях и уложены кистями друг на друга на животе, либо правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и наоборот, кисть руки находится под тазовой костью, либо вытянута вдоль туловища. Ориентация погребенных женщин головой на ЮЗЗ, ЮВВ, СВ, ССВ. В одном из женских погребений череп отсутствовал. Кони в основном лежат на животе, либо на правом боку, с подогнутыми ногами, ориентация на ЮЗ, С, СЗЗ, ССВ, З. Головами вдоль корпуса (внутри могилы), либо в одну или разные стороны от погребенных женщин. Судя по инвентарю лошадей,

который представлен уздой, седлами, удилами с псалиями, стременами, застежками от пут, в одном погребении найдена и т. д. Лошади были погребены взнузданными и под седлом. В женском инвентаре встречаются различные элементы костюма, бытовых принадлежностей, вооружения: серьги, височное украшение, бусины, раковины каури, зеркала, остатки одежды из шелковой ткани, остатки одежды с золотыми вкраплениями, гребни, сумочки, пряслица, игольница, ножи, проколка, жернова от ручной мельницы. Заупокойная посуда представлена сосудами, деревянным блюдцем, ножиком.

Для округлых насыпей с овальной формой могильной ямы характерны одиночные женские захоронения с конем. Могильные ямы с западинами, с разделительной стенкой в виде камней, сланцевые плит и деревянных жердей, с каменной подушкой под головой погребенной. Для такого типа характерно следующее положение погребенных женщин: вытянутое, на спине, руки вдоль тела, либо кости левой руки согнуты в локте. Ориентация погребенных женщин головой на ЮВ, Ю. В женском инвентаре встречаются различные элементы костюма, бытовых принадлежностей, вооружения: серьги, зеркало, сумочки, гребень, пряслица, шпилька, шелковая ткань от одежды, шелковая ткань от головного убора, игольница, игла, ножи, каменная заготовка. Кони в основном лежат на животе, с поджатыми ногами, либо на правом боку, ориентация на СЗ, ЮВ, Ю. Судя по инвентарю лошадей, который представлен уздой, седлами, удилами с псалиями, стременами, застежками от пут, в одном погребении найдена и т. д. Лошади были погребены взнузданными и под седлом. В женском инвентаре встречаются различные элементы костюма, бытовых принадлежностей, вооружения: серьги, височное украшение, бусины, раковины каури, зеркала, остатки одежды из шелковой ткани.

Для округлых насыпей с подквадратной формой могильной ямы характерны одиночные с конем и парное захоронения без коня. Положение погребенных на спине, колени слегка согнуты, руки вытянуты вдоль тела, либо левая кисть лежала на паху, головой на Ю, ЮВВ. В женском инвентаре встречаются различные элементы костюма, бытовых принадлежностей, вооружения: серьги, колты, бусины, пряжки от обуви, застежки от костюма, пряжка от пояса, остатки головного убора из шелка, игольница, оселок, ножи, зернотерки. Положение коня на животе, с поджатыми ногами, ориентирован головой на С. Судя по инвентарю лошади, который представлен уздой, удилами, пряжки, стременами, цурками, она была погребена взнузданной и под седлом. Подквадратная насыпь с подквадратной формой могильной ямы представлена в одном женском захоронении. Ее особенности описаны в классификационной схеме.

Могильные ямы неопределенных очертаний представлены тремя одиночными женскими захоронениями с конем. Могильные ямы с подбоем, с бревном. В одной могильной яме находился каменный ящик. Положение погребенных вытяну-

тое, на спине, головой на С, ССВ. Положение коня на животе, либо на левом боку с поджатыми ногами, головой на ЮЗЗ, С, СВ. Кони взнузданы. Сопроводительный инвентарь женских захоронений представлен разнообразными предметами материальной культуры. В состав украшений древнетюркской женщины входили: серьги, кольца, зеркала, гребни, шпилька, височное украшение, бусы. Костюм представлен остатками ткани из шерсти и шелка, пряжками от пояса, застежками, найдены также пряжки от обуви из серебра, меди и бронзы. Коричневые и красные цвета доминировали в одежде, также был найден халат с золотистыми вкраплениями. Найдены также элементы головного убора, такие как остатки шелковых платков и шапки. Из предметов бытового назначения можно обнаружить игольницы, пряслица, ножи, плетъ, каменная заготовка, оселок, каменную зернотерку, точильный брусок, жернова ручной мельницы. В некоторых погребениях найдены сумочки. Вооружение представлено мечом, колчанами, костьями наконечником для самострела, кельтом. Элементы сопроводительного инвентаря лошадей представлен: уздечки, костяные, деревянные, железные, бронзовые подпружные бляшки, седла, стремяна, ремни от путлища, пряжки от седельных и уздечных ремней, удила, псалии и т. д. В данный момент предметы сопроводительного инвентаря женских захоронений анализируются.

Таким образом, нами были выделены различные типы женских захоронений Горного Алтая, которые в свою очередь различаются по надмогильным сооружениям, формам могильных ям и сопровождающим захоронениям. Широко распространены округлые и овальные насыпи, реже встречаются насыпи подквадратные. Известным разнообразием отличаются и конструкции внутримогильных сооружений погребальных памятников древнетюркских женщин. По форме ямы, наличию подбоя и разделительной стенки среди внутримогильных сооружений выделяется несколько типов и вариантов. Однако, подобная многовариантность в конструкции надмогильных сооружений, особенности внутримогильных конструкций, разнообразие инвентаря и сопроводительных захоронений говорит о неоднородности ее носителей и, скорее всего, обусловлено продолжительным существованием древнетюркской культуры. Она дополнительно усиливалась замкнутостью и слабой консолидированностью проживавших в Горном Алтае с VI по X вв. н. э. родоплеменных коллективов кочевников. Анализ женских погребений позволит выявить хронологические, локальные, социальные особенности племен проживавших в древнетюркское время на территории Горного Алтая. Исходя из анализа древнетюркских женских захоронений можно отметить то, что наблюдается слабая дифференцированность в имущественной, социальной, профессиональной и других структурах. Если в женских захоронениях пазырыкского времени иерархичность уже достаточно сильно выражена, когда элита не только выделилась, но и старалась во всем закрепить свое положение, что нашло отражение в их погребаль-

ном обряде, то в захоронениях женщин древнетюркского времени оно слабо выражено. Скорее всего, это связано с тем, что в древнетюркском обществе отсутствовало резкое противостояние среди представителей власти, кочевой знати и простыми номадами. Как справедливо отмечал Гумилев Л. Н.: «...покорность в степи — понятие взаимообязывающее. Иметь в подданстве 50 тыс. кибиток можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят их обитатели; в противном случае лишешься и подданных и головы» [2, с. 27]. Инвентарь представительниц древних тюрков свидетельствует об их мирных занятиях, а наличие предметов вооружения, скорее всего, говорит о том, что помимо бытовой функции они могли служить и средством самозащиты. Перед нами, по видимому, женщины, обладавшие собственным хозяйством и имуществом, имеющие право на вооружение. Появление захоронений вооруженных женщин может объясняться также постоянными активными военными действиями и мобилизацией людских ресурсов общности, что могло найти отражение и на материальном благосостоянии древних тюрков. Можно высказать также предположение о том, что в связи с тем, что мужское население древних тюрков в связи с периодически имевшими место быть межплеменными распрями привлекалось для исключения конфликтов, поэтому могла возрасти роль женщин в управлении коллективом и охране скота. В материалах женских захоронений древнетюркского времени нет также прямых свидетельств в пользу жреческого статуса какой-либо из погребенных, за исключением женских погребений на могильнике Кудыргэ [4, с. 141]. Об этом лишь косвенно указывает наличие так называемого «кудыргинского валуна» с изображением женщин. Однако все вышесказанное, не говорит о том, что высокая общественная роль женщин могла быть вызвана демографическим кризисом, поскольку среди древнетюркских захоронений в количественном отношении все-таки преобладают мужские погребения. Скорее всего, это могло быть связано с социальными стереотипами сохранившимися на протяжении многих тысячелетий и культивируемых тюркскими женщинами, а также их высокой ролью в производственной сфере. Наряду с этим интересен факт нахождения в некоторых женских погребениях артефактов, характеризующих профессиональную деятельность погребенных женщин. Так, например, в женских захоронениях Ак-Кобы 3 №2 [Куб [10, с. 23]], Узунтал 6 №1, Юстыд 14 №2 [11, с. 102-122], Катанда 1 №5 [4, с. 141] встречены пряслица. Основным хозяйством, по-прежнему, оставалось кочевое скотоводство, однако параллельно существовало и земледелие. На более заметную роль земледелия в VI—X вв. в хозяйстве древнетюркских женщин указывает еще один факт. При раскопках в Курайской степи, в могильнике (женское погребение VIII—IX вв. н. э.) были обнаружены жернова, лежавшие один на другом. В истории техники размолота зерна применение ручной вращающейся мельницы было, как известно, важным шагом вперед. Достаточно сказать, что мельница была в

5-6 раз производительнее зернотерок [12, с. 75-117]. Не последнюю роль в хозяйстве древних тюрков играла и охота. Находки в погребениях изделий из рога, зубов диких животных (скорее всего магического значения) говорят, о том, что жизненные ресурсы населения постоянно пополнялись и «продукцией» охоты.

Ограниченное употребление на Алтае письменности лишает нас возможности по письменным источникам хотя бы наметить основные линии и идеи образа древнетюркской женщины. Поэтому одними из богатейших источников помимо археологических находок, остаются китайские письменные источники и величественный народный эпос. Заключение военно-политических союзов, их оформление происходило с помощью заключения брачных союзов [1, с. 95]. Доказательства тому, что тюркские женщины играли далеко не последнюю роль в политической жизни древнетюркского общества можно найти как в комплексе материальной культуры древнетюркских женских захоронений (поминальные комплексы, предметы вооружения, детали костюма, наличие одного или нескольких сопроводительных захоронений с конем), так и в письменных источниках, памятниках фольклора, в которых представлены повествовательные сюжеты о молодых девушках-воинах. Например, дочь Тоньюкука (По-бег) имела определенную власть в управлении придворными кликами, боровшимися друг с другом. Она же возглавила оставшихся в живых тюрков и привела их в Китай, оговорив условия сдачи. Последних зачислили в пограничные войска, а По-бег получила титул принцессы и княжеское содержание. Но, спасая людей, ей не удалось спасти народ. Тюрки, как и прочие кочевники, перемешались с табгачами и ассимилировались в их среде [2, с. 365].

Таким образом, в результате изучения женских погребальных комплексов древних тюрков Горного Алтая удалось выявить характерные особенности древнетюркских женских захоронений относящихся к разным этапам развития культуры древних тюрков. Изучение женской культуры древних тюрков является важной задачей при изучении этнокультурной истории кочевых народов Центральной Азии. Комплекс женской культуры включает погребальные и поминальные памятники, изображения женщин на петроглифах и изваяниях, принадлежности костюма, бытовые вещи. Женская культура древних тюрков, на сегодняшний день остается слабо изученной, поскольку основное внимание уделялось истории государственности, военного дела и т. д. Изучение древнетюркских женских погребений имеет широкие информативные возможности в области социальной реконструкции древнего общества, получения дополнительной информации для определения социальной принадлежности владелицы, а также реконструкции ее одежды и набора украшений. По нашему мнению, на сегодняшний день актуально создание систематизированной работы по всем известным женским погребениям на территории Горного Алтая древнетюркского времени, также как более или менее универсальной классификационной системы анализа погребений, их специфических черт, анализа сопроводительного инвентаря, как и самой погребальной обрядности. Систематизация и классификация захоронений позволит выявить и проследить контакты населения, процессы миграции или общности их происхождения, также выявить культурно-диагностирующие признаки сопроводительного инвентаря для указанной территории.

Библиографический список

1. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. — СПб., 2000.
2. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993.
3. Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993; Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая по материалам погребальных памятников. Новосибирск, 2005.
4. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.-Л., 1965, 141 с.
5. Белинская К. Ы. «Изучение гендерных отношений и женской субкультуры древних тюрков Саяно-Алтая». Тезисы докладов первой международной конференции по археологии Евразии, Измир, 2007.
6. Аспарта. Культурологическое исследование из истории древнего мира и средних веков: проблема текстов. СПб., 1999.
7. Репина Л. П. Методология и проблемы гендерно-исторических исследований // Гендерная теория и историческое знание. Материалы семинаров. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2004.
8. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1951.
9. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
10. Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая по материалам погребальных памятников. Новосибирск, 2005.
11. Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры). // Археология Северной Азии. Н., 1982.
12. Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 году. — Труды Государственного Исторического Музея, 1941, вып. XVI.

Институт археологии и этнографии СО РАН
Получено 15.10.09.

К. И. Belinskay

THE STUDY OF GENDER RELATIONS AND FEMALE SUBCULTURE OF ANCIENT TURKS OF GORNY ALTAI BY MEMORIALS OF ARCHAEOLOGY

In article, on the basis publications throw light the problem of gender relations and female culture of ancient turks of Gorny Altai by memorials of archaeology.

ancient turks, women, gender, archeology, subculture, Turk kaganat, medieval ages, Gorny Altai

УДК 902

А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков

ВКЛАД НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В ИЗУЧЕНИЕ СИБИРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

В статье, на базе изучения опубликованных материалов, рассматривается вклад немецких ученых и путешественников в изучение сибирских древностей.

Германия, ученые и путешественники, Российская империя, Северная и Центральная Азия, Сибирь, археологические памятники

Немецкие ученые и путешественники, уроженцы Прибалтики и выходцы из разных германских государств, находившиеся на российской службе, или специально приглашенные правительством Российской империи для изучения природных ресурсов огромного Сибирского края, внесли значительный вклад в изучение древних и традиционных культур народов Северной и Центральной Азии. Интерес к сибирским древностям среди иностранцев, живших, или приезжавших в Россию, либо служивших в Сибири, получил развитие в результате коллекционирования антиквариата, предметов искусства и ювелирных изделий, попадавших в руки любознательных людей от профессиональных грабителей древних курганов, могил и других памятников — «курганщиков», или «бугровщиков». В XVII—XVIII вв. большое количество таких памятников подверглось разграблению и разрушению. Некоторая часть золотых и серебряных предметов из разграбленных археологических памятников оказалась в коллекции известного ученого и собирателя сибирских древностей, бургомистра Амстердама Н. К. Витзена, который опубликовал их в своей книге и поместил в своем домашнем музее. Эта коллекция очень заинтересовала Петра I, посетившего музей в период своего пребывания в Голландии в составе «великого посольства», который издал знаменитые указы о запрете грабежа древних могил и сдаче «сибирских могильных вещей» в казну, и инициировал создание первого российского музея — Кунсткамеры. Самым ценным приобретением этого музея были золотые и серебряные вещи, присланные Петру I и императрице Екатерине в начале XVIII в. Во время военных экспедиций в Верхнее Прииртышье российскими военными были собраны коллекции культовой утвари и буддийских рукописей, находки которых вызвали большой интерес в странах Западной Европы. По инициативе Петра I в Сибирь была послана первая научная экспедиция Д. Г. Мессершмидта, одной из задач которого был сбор «куриозных вещей» для Кунсткамеры. В составе этой экспедиции участвовал пленный офицер шведской армии Ф. И. Страленберг, опубликовавший часть собранных материалов. В последующие десятилетия XVIII в. раскопками и сбором археологических материалов занимались многие известные ученые, выходцы из Германии, работавшие в составе экспедиций, посланных в Сибирь Санкт-Петербургской императорской академией наук. Со времени развития на Алтае частной и казенной горно-металлургической промышленности, поиском

древних горных выработок стали заниматься специалисты горного дела, которые по остаткам «чудских копей» находили месторождения цветных металлов. По мере проведения научных раскопок среди исследователей, обращавшихся к анализу сибирских древностей, сформировались определенные представления об их хронологии и культурной принадлежности. Первоначально, все сибирские древности воспринимались как «татарские», по названию народа, с которым русские впервые соприкоснулись со времени прихода в Сибирь. В дальнейшем, ученые относили обнаруженные ими памятники и археологические находки к культуре монголов, или гуннов. Особый интерес среди ученых вызывали тибетские ламаистские рукописи, найденные на развалинах джунгарских монастырей, и памятники рунической письменности, которые по аналогии со скандинавскими памятниками приписывали древним финским племенам [1, с. 81-82, 111, 130].

К началу XIX в. среди исследователей, обращавшихся к изучению сибирских древностей, сформировалась устойчивая традиция относить все известные памятники древности от горных выработок до курганов, каменных изваяний, наскальных рисунков и рунических надписей к древнему населению — «чуди», легенды о котором сохранились среди сибирских народов и русских старожилов. Чудь считали предками финских народов, исторической прародиной которых предполагался Алтай. Подобных взглядов придерживались многие европейские, в том числе немецкие и русские, ученые и любители старины, изучавшие сибирские древности. Впрочем, некоторые ученые считали «чудь» гуннами, или даже монголами [1, с. 126-138].

В течение первой половины XIX в. археологические материалы неоднократно попадали в поле зрения специалистов горного дела, картографов и ученых - натуралистов, работавших в Западной Сибири и на Алтае. Археологические памятники иногда фиксировались на географических и геологических картах.

В 1804 г. на территории Горного Алтая работала рудно-поисковая партия, возглавляемая маркшрейдером И. Шлаттером. Им была составлена петрографическая карта «части алтайского хребта, находящегося при реках Катуне, Бие, Коксе, Чуе и Бухтарме, озере Телецком», которая сохранилась в Алтайском государственном архиве [2, с. 55]. На составленной им петрографической карте, помимо рудных месторождений были отмечены курганы, городище со рвами и валами и «чудские копи» [3, с. 35-36].

Важным событием в деле сбора, изучения и экспонирования древностей на территории Сибири в первой четверти XIX в. явилось открытие в 1823 г. в г. Барнауле при гоном училище первого в регионе «Барнаульского музеума» [4, с. 30]. Музей был основан в связи со столетним юбилеем горно-заводского производства на Алтае, при поддержке Томского гражданского губернатора, начальника Кольвано-Воскресенских горных заводов П. К. Фролова, инспектором госпиталей и аптек Алтайского горного округа, врачом, натуралистом и этнологом, членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук, Фридрихом Вильгельмом Геблером [5, с. 6-7]. Он был назначен для показа экспонатов «преимущественно при рудокопном училище и также для любителей наук» [4, с. 27]. Ф. В. Геблер получил медицинское образование в одном из ведущих университетов Германии в г. Йена и приехал в Россию в 1810 г. В Алтайском горном округе он проработал более 40 лет, совершил несколько научных экспедиций по Алтаю. В первом описании музейной экспозиции Ф. В. Геблер кратко упомянул о том, что в ней представлена «посуда, украшения металлические и глиняные, найденные в чудских гробницах древнейших обитателей Сибири» [4, с. 30].

В последующие годы немецкие ученые и путешественники, географы и натуралисты, из Германии и Прибалтики, путешествовавшие по территории Алтая и Западной Сибири в первой половине XIX в., посещали и осматривали экспозицию этого музея и оставили ее описание. Вероятно, под впечатлением знакомства с музейными экспонатами, они уделили определенное внимание изучению памятников древности.

В 1826 г. на Алтае работала экспедиция немецких ученых - натуралистов из Дерптского университета, которую возглавил К. Ф. Ледебур. Уроженец немецкого г. Штральзунда. Доктор медицины Грейфсвальдского университета Карл Христиан Фридрих фон Ледебур с 1805 г. жил в России, работал директором Ботанического сада в г. Дерпт, преподавал в Дерптском университете, был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской императорской академии наук. Экспедиция на Алтай была организована при содействии ректора Дерптского университета, профессора И. Ф. Г. Эверса, которому К. Ф. Ледебур посвятил свое сочинение об этом путешествии, в которое пригласил двух своих учеников, выпускников этого университета, российских немцев Александра Бунге и Карла Антона Мейера. Впоследствии эти ученые были избраны российскими академиками. В своей книге К. Ф. Ледебур кратко охарактеризовал осмотренные учеными коллекции Барнаульского музея, среди которых упомянул «древности из чудских могил, частью сделанные из серебра, частью из меди». Его особенно заинтересовал «сфинкс, изваянный из камня», который по полученным им сведениям «был найден в чудской могиле» [6, с. 148]. Это каменное изваяние барана сохранилось в Барнаульском музее до настоящего времени. Оно должно относиться к числу скульптур поминального комплекса древ-

нетюркской знати [7, с. 139]. Ученый упомянул в своем сочинении также «несколько каменных плит с чудских могил, украшенных рельефными изображениями человеческих фигур». Не приходится сомневаться, что речь идет о древнетюркских каменных изваяниях. Ему также удалось осмотреть археологические находки из частного собрания П. К. Фролова, среди которых были «древности из чудских и киргизских могил, как-то: серебряные сосуды, фигуры в барельефах на серебряных пластинах» и «сделанные из серебра человеческие фигуры». Часть находок из своей коллекции П. К. Фролов подарил К. Ф. Ледебуру. По мнению исследователя, каменные скульптуры были «довольно грубой работы», а серебряные изделия «свидетельствуют скорее о сноровке, чем об искусстве» [6, с. 148-149]. Во время экспедиции К. Ф. Ледебур раскопал несколько могил в долине р. Чарыш. Среди нанятых им для раскопок рабочих были опытные бугровщики. Раскопанные курганы представляли собой кучи камней «эллиптической формы». Некоторые из них были обставлены вертикально врытыми в землю каменными плитами. В одной из раскопанных могил было обнаружено два впускных, по словам рабочих, «калмыцких», а не «чудских» погребения. Вероятно, так были названы алтайские захоронения этнографического времени. В могильной яме была обнаружена вертикально установленная «колонна» из мрамора. Ниже было обнаружен скелет коня со сбруей и погребение двенадцатилетнего подростка с украшениями и керамическим сосудом. В других раскопанных могилах были обнаружены нарушенные захоронения людей и лошадей [6, с. 98-99]. Сочинение К. Ф. Ледебура было издано в 1829 г. в Берлине на немецком языке. Оно было опубликовано в России в переводе на русский язык только в 1993 г. Материалы раскопок К. Ф. Ледебура на Алтае неоднократно привлекали исследователей. Они и до настоящего времени остаются востребованными среди археологов, изучающих памятники эпохи средневековья. А. П. Уманский определил среди них вещи, подаренные П. К. Фроловым, а также найденные самим исследователем. Погребение с конем на Чарыше он датировал IX-XII вв. 8, с. 43]. Д. Г. Савинов выделил среди этих находок предметы кыргызской культуры [9, с. 162]. В. А. Могильников [10, с. 191; и И. Л. Кызласов [11, с. 74] датировали эти комплексы эпохой развитого средневековья. Среди раскопанных К. Ф. Ледебуром на Чарыше памятников, погребение подростка с конем должно относиться к древнетюркской культуре эпохи раннего средневековья. Другое разграбленное захоронение с конем, в составе инвентаря которого были железные удила и стремяна может быть отнесено к эпохе развитого средневековья [1, с. 154]. Другие участники экспедиции Дерптского университета интересовались сибирскими древностями в меньшей степени. В сочинении А. А. Бунге упоминается, что в Чуйской степи встречаются «каменные холмы, известные под названием чудских могил», которые относятся к «давно прошедшим временам», а также содержится описание погребальных обрядов и шаманского

камлания «калмыков»-алтайцев [6, с. 89, 173, 203, 216]. К.А. Мейер посетил развалины джунгарского ламаистского монастыря Аблайкит в верховьях Иртыша и описал его состояние в начале XIX в. и окружающие этот памятник казахские мазары, а также осмотрел некоторые «чудские могилы», ранее раскопанные солдатами [6, с. 274]. Это путешествие и публикация результатов проведенных исследований в Берлине способствовали сохранению интереса к сибирским древностям среди европейских ученых. Для развития научных знаний о прошлом важное значение имели сведения ученых о разных группах памятников, различавших «чудские» и «калмыцкие» могилы.

В 1829 г. по Сибири и Алтаю путешествовала экспедиция известных ученых-натуралистов, в составе которой был выдающийся географ Александр фон Гумбольдт, химик и минералог Густав Розе, ботаник и зоолог Христиан Готфрид Эренберг, специально приглашенных российским правительством из Германии для изучения рельефа и природных ресурсов азиатских владений России. С предложением совершить такое путешествие по Сибири и Центральной Азии российские власти обратились к А. фон Гумбольдту еще в 1811 г., но лишь через 16 лет российский министр финансов, граф Е. Ф. Канкрин смог сообщить ученому о том, что изысканы средства для финансирования этой экспедиции. В Сибири экспедиция совершила поездку по Алтаю и долине р. Иртыш. Хотя основные усилия ученых — участников этой экспедиции были направлены на изучение природной среды и географических особенностей изучаемого региона, они обратили внимание на некоторые памятники древности и высказали свои соображения по истории, населявших эти земли древних народов. Во время пребывания в Барнауле А. фон Гумбольдт и его спутники посетили музей, в котором осмотрели коллекцию древностей. Он поблагодарил начальника заводов П. К. Фролова и за радушный прием и расписался в книге почетных гостей музея [5, с. 9]. Какие именно древности удалось осмотреть в экспозиции Барнаульского музея, ученые не сообщили. Однако сравнительная упоминания об экспонатах коллекции древностей в сочинениях Ф. В. Геблера, К. Ф. Ледебура и коллекционной описи, составленной в 1836 г. по поручению начальника горных заводов Ф. Ф. Бегера заведующим музеем С. А. Сибиряковым, в музее в этот период хранились бронзовый наконечник копья, девять «старинных шпаг разных видов», два глинянных и два чугунных сосуда, три каменных изваяния и скульптура барана [12, с. 38]. Вероятнее всего, именно эти экспонаты могли наблюдать А. фон Гумбольдт и его спутники. В дальнейшем путешественники проехали по долине р. Бухтармы, побывали на оз. Зайсан, посетили известные рудники Алтайского горного округа. Во время этой поездки А. фон Гумбольдт и его спутники осмотрели древние курганы на Кольванском озере, пещеру со средневековой надписью в окрестностях Бухтарминска и древние горные выработки у Шульбинска [13, с. 169-172]. В своих научных трудах, написанных с использованием материа-

лов этой экспедиции А. фон Гумбольдт затронул некоторые проблемы истории древнего населения Алтая. Привлекая сведения о древних кочевых народах Азии из сочинения древнегреческого писателя — «отца истории» Геродота, он высказал предположение о том, что в древности на территории рудоносных районов Урала и Алтая могли обитать аримаспы и «стерегущие золото грифы», а добытое ими золото могло попасть к европейским скифам [14, с. 190-194]. Эти мысли на много опередили свое время и явились существенным шагом вперед по сравнению с бытовавшими в науке традиционными представлениями о принадлежности всех известных памятников Сибири к древнему финскому народу «чуди». Ученые смогли развить выдвинутую гипотезу на основе изучения памятников культур скифского времени в Приуралье, Казахстане и на Алтае, уже во второй половине XX в. Путешествие А. фон Гумбольдта и его соратников вдохновила на продолжение исследований в области древних и традиционных культур народов Алтая, западной Сибири и Казахстанских степей российских ученых, горных инженеров и биологов. Среди российских корреспондентов А. фон Гумбольдта были известные ученые и любители старины, которые также внесли свой посильный вклад в сбор предметов сибирских древностей и изучение традиционных культур народов Сибири. В письмах А. фон Гумбольдта есть упоминания об участнике геологических экспедиций, бароне фон Мейендорфе, с помощью которого выдающийся немецкий ученый переслал часть своей корреспонденции в Россию. А. фон Гумбольдт был знаком с двумя братьями П. К. и А. К. фон Мейендорфами, старший из которых был ученым и дипломатом, а младший — писателем. Вероятнее всего, в его письмах речь идет о старшем брате, Петре Казимировиче фон Мейендорфе, который был членом Российской академии наук и послом России в Пруссии [15, с. 212]. Именно через Мейендорфа известный французский ученый, синолог С. Жульен, переслал в Российскую академию наук 116 китайских книг из своего собрания [15, с. 135]. По-видимому, интерес барона Мейендорфа к предметам китайской культуры был не случаен. Енисейский губернатор А. П. Степанов в своей книге о енисейской губернии упомянул о своей коллекции китайских зеркал, найденных в Южной Сибири. Среди любителей сибирских древностей он назвал полковника Мейендорфа, который, проезжая через Красноярск в Кяхту, осмотрел коллекцию зеркал и снял слепок с одной редкой находки.

Другим корреспондентом А. фон Гумбольдта в России был горный инженер Г. фон Гельмерсен. В 1825 г. он закончил Дерптский университет со степенью кандидата наук. В 1832 г. он был зачислен в корпус горных инженеров и осуществил несколько путешествий. В 1834 г. Г. фон Гельмерсен совершил поездку по Горному Алтаю. Во время своей поездки на Телецкое озеро проводил географические и этнографические исследования. Он отметил характерные отличия местного коренного населения в языке, антропологическом облике и хозяйственных занятиях от остальных

алтайцев и пришел к выводу, что «черневые татары» и телеуты имеют смешанное происхождение и являются потомками тюркских, монгольских и самодийских этнических групп. Он усматривал некоторые черты сходства между их культурой и культурой финских народов, и считал «черневых татар» потомками древних насельников окрестностей Телецкого озера, долин рек Би и Томи [16, с. 50]. Результаты этих исследований и выводы ученого о происхождении северных алтайцев оказали влияние на суждения этнографов и археологов, изучавших археологические культуры Верхнего Приобья и Притомья в последующем столетии.

В 1840-1843 гг. по Алтаю, степям Казахстана и сопредельным районам Джунгарии путешествовал ботаник, сотрудник Санкт-Петербургского ботанического сада, А. И. Шренк. Помимо своих ботанических исследований, он производил раскопки археологических памятников и собрал коллекцию древностей. Им была раскопана «чудская» могила в Каракаралинском округе, осмотрены археологические находки, обнаруженные старателями при работах на р. Букульдак. Особое внимание он уделил предметам с высоким содержанием олова, поскольку в первой половине XIX в. месторождения оловянных руд еще не были исследованы в Верхнем Прииртышье. По мнению М. А. Демина, изучавшего материалы экспедиции А. И. Шренка, наибольшую ценность среди них представляют собранные исследователем находки бронзовых и железных предметов из степной Алтая, среди которых есть уникальная бронзовая подвеска в виде пешего лучника из с. Кулундинского, относящаяся к культуре кимаков. Эта коллекция хранится до настоящего времени в фондах Музея антропологии и этнографии в г. Санкт-Петербурге [3, с. 52]. В те же годы горным инженером А. Б. Остермайером во время проведения изыскательских работ на Мельничной горе в окрестностях г. Змеиногорска были раскопаны древние захоронения человека и лошади в каменных ящиках [3, с. 36]. Судя по находкам бронзового ножа, наконечников стрел и принадлежностей конской сбруи, раскопанные погребения должны относиться к раннему железному веку. В 1847 г. в составе экспедиции М. А. Кастрена в Южной Сибири работал ссыльный декабрист, «ссыльный инженерный офицер», полковник П. А. Фаленберг. Он принимал участие в копировании рунических надписей и зарисовке изображений на камнях [17, с. 248]. Вместе с М. А. Кастреном он совершил экспедиционные маршруты

по обеим берегам Енисея, от с. Шушенского до Саянского острога и д. Означенской, где был обнаружен камень с рунической надписью. В с. Шушенском П. А. Фаленберг снял точные копии с трех камней с руническими надписями, доставленных с Енисея в это село. Эти копии были посланы в Российскую академию наук [18, с. 85-99].

В 1846 г. А. Бальзером была предпринята попытка обобщить все известные сведения о «чудских копях» и других древностях, исследованных в предшествующие годы на территории Южной Сибири. Автор называл себя «страстным любителем русских древностей», начавшим собирать сведения о «чудских копях» за десять лет до публикации своей статьи. Однако, собранные им сведения не оригинальны, а предложенные объяснения весьма поверхностны. Его статья носит компилятивный характер. Он заимствовал некоторые описания из книг и статей предшественников, механически соединив их описания древних памятников. О самих «чудских копях» в этой статье сказано очень мало. Данную попытку обобщения материалов о древних горных выработках трудно признать удачной.

В целом, несмотря на отсутствие целенаправленного изучения сибирских древностей в рассматриваемый период первой половины XIX в., за истекшие десятилетия немецкими исследователями, среди которых преобладали ученые-натуралисты, географы, геологи, биологи и горные инженеры, были достигнуты значимые научные результаты. Были проведены поиски древних горных выработок и осуществлены раскопки нескольких, не известных ранее археологических памятников, собраны коллекции предметов древних и средневековых культур на юге Сибири. В рассматриваемый период был открыт первый в Сибири музей, в экспозиции которого были представлены археологические материалы. Немецкими учеными предпринимались попытки осмысления археологических материалов с привлечением сведений письменных исторических источников и проводились исследования традиционных культур коренных этносов Саяно-Алтая, которые заложили основу для сравнительного анализа с данными археологии. Наряду с господствовавшей в те годы точкой зрения о «чудской» принадлежности всех памятников древности в Сибири, предлагались и другие варианты решения вопроса об их этнокультурной принадлежности, что позволило в последующие годы ученым преодолеть устоявшиеся стереотипы в оценке археологических памятников.

Библиографический список

1. Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII — XIX вв. — Новосибирск, 2005. 270 с.
2. Розен М. Ф. Верхняя Обь и Алтай на картах XVI—XIX вв. — Барнаул, 1998. 120 с.
3. Демин М.А. Первооткрыватели древностей. — Барнаул, 1989. 120 с.
4. Геблер Ф. Известие о Барнаульском музее // Алтайский сборник. — Барнаул, 1993. Вып. XVII.
5. Падалкина О. В. Музей глазами современников // Алтайский сборник. — Барнаул, 1993. — Вып. XVII.
6. Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. — Новосибирск, 1993.
7. Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Каменная скульптура барана из Барнаульского музея // памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. — Барнаул, 2000.
8. Уманский А. П. Археологические раскопки Ледебура в Горном Алтае // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. — Горно-Алтайск, 1964. Вып. 6.

9. Савинов Д. Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1979. Вып. 1.
10. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X—XII веков // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1981.
11. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв. // Свод археологических источников. — М., 1983. Вып. Е 3-18. 126 с.
12. Гришаев В. Ф. Барнаульский музей в 1836 г. (Архивная находка) // Алтайский сборник. — Барнаул, 1993. Вып. XVII.
13. Алехин Ю. П. Александр Гумбольдт и алтайские древности // Александр Гумбольдт и российская география. Материалы международной конференции. Барнаул, 1999.
14. Гумбольдт А. Центральная Азия. — М., 1915. Т. 1.
15. Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М., 1962. 223 с.
16. Гельмерсен Г. П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. 1840. Ч. 2. Кн. 4.
17. Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845-1849) // Сочинения в двух томах. — Тюмень, 1999. Т. 2.
18. Матханова Н. П. Немцы-декабристы в Сибири // немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. — Новосибирск, 2000. Вып. 2.

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск
Получено 19.10.09.

A. Yu. Borisenko, Yu. S. Hudyakov

THE DEPOSIT GERMAN OF SCIENTISTS AND TRAVELERS FIRST OF NALF XIX CENTURY AT STUDY SIBERIEN OF ANTIQUITIES

In article on the basis publish materials, ezamine the deposit german of scientists and travelers first of nalf XIX century at study siberien of antiquities.

German, scientists and travelers, Russia empery, North and Centere Asia, Siberia, archaelogian memorials

УДК 902

Э. П. Дворников

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В КАРАКОЛЬСКОМ ПРИРОДНОМ ПАРКЕ «УЧ-ЭНМЕК», ОНГУДАЙСКОГО РАЙОНА, РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

В работе отражены результаты трёх полевых сезонов совместной работы алтайско-бельгийской исследовательской экспедиции. Благодаря новейшему оборудованию удалось увидеть всю долину сверху, что является уникальным явлением в археологической методике.

Экспедиция, памятник, ландшафт, культура

В полевые сезоны 2007—2009 года в рамках археологической экспедиции Горно-Алтайского государственного университета произведены разведочные работы в Онгудайском районе, Республики Алтай.

Объектами исследования являлись погребально-поминальные комплексы, расположенные в границах Каракольского природного парка «Уч-Энмек» в среднем течение реки Каракол.

Целью экспедиции заключалась в обнаружении и фиксации новых и ранее известных археологических объектов (одиночных курганов, курганных могильников, поминальников, оградок, рунических надписей и петроглифов) для изучения закономерностей и особенностей формирования погребально-поминальных комплексов, а так же их пространственно-территориальной организации.

В ходе проведённых работ на указанной территории произведена глазомерная съёмка ранее известных погребально-поминальных групп памятника Башадар, которые включали различные по функциональному содержанию сооружения, относящиеся к пазырыкской эпохе. В результате

обследования были получены новые сведения и уточнены уже имеющиеся данные о петроглифическом местонахождении Туэкта, памятнике Бичикту-Бом, святилище Сутерлю общих и отдельных признаках территориально-пространственной организации погребально-поминальных комплексов древнего населения Горного Алтая на примере Каракольской долины.

Полученные результаты могут содействовать проведению в будущем паспортизации уникальнейших памятников различных исторических эпох, чем, собственно, занимается сейчас руководство природного парка.

Не мало важным моментом стоит отметить активное привлечение школьников сёл Бичикту-Бом, Боочи, Кулада в исследовательскую деятельность, что, несомненно, способствует популяризации археологических исследований, позволяет на наглядном примере познакомиться с методикой археологии.

В задачи исследования входил поиск, фиксация и первоначальное изучение памятников эпохи бронзы, скифского, гунно-сарматского и тюркского времени. Ритуальные объекты обозначен-

ных эпох, как правило, находятся в пределах одной долины, поскольку между народами, жившими в эти эпохи, существовала культурно-генетическая преемственность [1, с. 12-15]. Кроме того, на основании последних исследований можно уверенно сказать, что сооружение объектов различных эпох на данной территории обусловлено и ещё несколькими причинами. Возведение родового кладбища закрепляло за племенем данную территорию и наличие на одном могильнике объектов исторических противников говорит лишь о смене контролирующего данную территорию племенного союза. Кроме того, совершенно очевиден общий подход в формировании некрополей древних народов на широких просторах не только Центральной Азии, но и значительно шире и в этом плане определённое сочетание рельефа климата и ландшафта было основополагающим.

Район исследования был выбран не случайно, поскольку в проблемы экспедиции входило изучение памятников различных эпох на сравнительно небольшой территории. Кроме того, данный участок наиболее подходил под реализуемый нами проект РФФИ «Мировоззрение в ландшафте. Аспекты ритуальных и погребальных комплексов древнего населения Саяно-Алтая».

Рельеф территории среднегорный, абсолютные высоты гор — 1500-2000 м. Долина простирается с запада на восток на расстояние до 40 км, а с севера на юг в пределах 3-5 км. Восточная часть долины ограничена полотном Чуйского тракта. Западная часть ограничена таёжной частью Терехтинского водораздела. Северная и южная часть долины ограничена довольно высокими горными хребтами такими как г. Аккем, г. Большой Каскак, г. Арая.

Климат резко континентальный, с продолжительной морозной зимой и коротким жарким летом. Почвенный покров относится к поясу степных почв среднегорных котловин, представлен маломощными черноземами и каштановыми почвами. Растительность состоит из типчаковых, ковыльных, мятликовых и полынных формаций. Берега р. Каракол покрыты зарослями ивы, тальника, берёзы, хвойных различных пород и высоким разнотравьем. Травостой характерный для степного ландшафта.

История изучения данной местности начинается с исследования уникального природно-исторического святилища Бичикту-Бом там, где сливаются две горные реки — Каракол и Урсул находится гора Бичикту-Бом с массой рисунков, нанесенных на обнаженных гладких поверхностях глинистого сланца. Рядом расположено село с таким же названием.

В разные годы исследователями было зафиксировано и скопировано около 1000 камней с групповыми изображениями. Бичикту-Бом — это памятник истории и культуры населения Горного Алтая.

Большинство рисунков относятся к разным периодам истории Горного Алтая и Центральной Азии: гуннскому времени, рубежа нашей эры, древнетюркскому периоду VI—VIII и IX—XI веков, периоду вхождения Горного Алтая в состав уй-

гурского ханства, борьбы с енисейскими кыргызами и истории Горного Алтая в составе империи Чингис-хана и Джунгарии.

Ценность наскальных изображений в том, что в них косвенно отобразились события истории Горного Алтая, причудливо переплетаясь с представлениями традиционной тюркской, урало-алтайской и индоиранской мифологии, образами и сюжетами эпоса.

Это искусство своеобразное и связанное с его законами, несущее в себе традиции более древнего искусства, обязательное наличие многократно повторяющегося ведущего образа исторической эпохи. Для гуннской эпохи и последующего времени всего первого тысячелетия нашей эры это образ конного или пешего воина, сцены борьбы, также как и для предшествующей эпохи искусства скифо-сибирского мира определенным символом был стилизованный образ оленя.

Природа в данном случае играла большую роль. Нужны были обнаженные, достаточно гладкие и удобные для нанесения изображений поверхности. Камень должен быть достаточно мягким, а скальные выходы должны быть обращены к югу и хорошо освещены. Все это играло роль. Кроме этого сама местность — гора, скалы и окружающее пространство должны быть носителями исторической или эпической памяти народа. Наконец, они должны быть зрелищными. Всеми этими качествами обладают скалы Бичикту-Бом.

Скалы обращены к живописной долине реки Каракол. Памятник не одинок, он находится в окружении различных, весьма значительных археологических памятников разных времен. В долине Каракол, прямо в черте села находится ставший знаменитым могильник энеолитической эпохи с уникальными полихромными изображениями на плитах стен погребальных, вооружений.

Совсем недалеко по р. Урсул расположены раскопанные М. П. Грязновым в 1927 году курганы в урочище Шибе и знаменитые Башадарские курганы скифского времени I тыс. до н. э. около с. Кулады на левом берегу р. Каракол [2]. Здесь же в Центральном Алтае в долине Урсула у с. Туэкта С. И. Руденко был исследован еще один, ставший знаменитым, курганный могильник скифской эпохи [3]. Кругом на расстоянии нескольких километров расположены другие памятники наскального искусства, в том числе исследованный В. Н. Елиным и экспедицией Горно-Алтайского госуниверситета комплекс наскальных изображений в урочище Кызыл-Тал около с. Кулада [4, с. 181]. Наскальные рисунки имеются и совсем рядом в долинах, отходящих от скал Бичикту-Бом: в долине Тенешь, на скале у ручья Талда. У с. Боочи и по дороге в Боочи, на левом берегу р. Каракол прямо у дороги расположена тоже знаменитая скала с рисунками Сутерлю.

В начале 30-х годов прошлого века на скалах Бичикту-Бом неоднократно бывал Г. И. Чорос-Гуркин. Летом 1930 г. была проведена Алтайская этнографическая экспедиция Общества изучения Сибири и ее производительных сил, в которой, вместе с этнографами, принял участие Г. И. Чорос-Гуркин. Он зарисовал несколько от-

дельных изображений и сцен с плит Бичикту-Бом. «И хотя зарисовки наскальных изображений Бичикту-Бома, сделанные Чорос-Гуркиным, немногочисленны, они в настоящее время в силу значительного разрушения памятника представляют собой большой интерес» [5, с. 88]. Изображения были зарисованы им с натуры, но с сохранением пропорций и довольно точно. Г. И. Гуркин делал зарисовки петроглифов карандашом на листах обычной писчей бумаги в произвольном масштабе, т. е. он стремился запечатлеть их как художник, срисовывая выборочно, понравившиеся ему изображения. В то же время он сумел передать особенности и стилистику наскального рисунка. Многих, рисунков сейчас на скалах Бичикту-Бом уже нет, и сохранились они только по зарисовкам Г. И. Гуркина.

Десять изображений, срисованных Г. И. Чорос-Гуркиным, хранящихся в Национальном музее республики Алтай и одно изображение из Бийского краеведческого музея им. В. Бианки были опубликованы Р. М. Еркиновой и Г. В. Кубаревым в публикации «Граффити Бичикту-Бома (из творческого наследия Г. И. Чорос-Гуркина)» [6, с. 88].

В конце 40-х годов в Кратких сообщениях Института Материальной культуры появилась статья сибирского археолога П. П. Хороших о памятниках наскального искусства Горного Алтая [7, с. 26]. В ней перечисляются все известные в то время в Горном Алтае памятники наскального искусства, в том числе даются краткие сведения о рисунках на скалах Бичикту-Бом.

В начале 50-х гг. прошлого века на Алтае работал А. И. Минорский, проводя съёмки киноочерков «В горах Алтая». Помимо своей основной работы, он заинтересовался древними наскальными рисунками. Известные в то время петроглифы были частично сняты на киноплёнку, а также наиболее интересные групповые рисунки были эстампированы им и опубликованы в кратком сообщении автора [8, с. 184]. В публикации помещены сведения о двух пунктах в долине р. Каракол у сел Кулада и Бичикту-Бом.

Публикация А. И. Минорского получила положительную оценку одного из ведущих археологов того времени Л. Л. Евтуховой, которая к тому же сделала интересные выводы по хронологии групп изображений и их связи с древнехакасскими сюжетами и техники их исполнения.

С конца 50-х годов и в 60—70-е годы прошлого века Бичикту-Бом несколько раз посещал академик Алексей Павлович Окладников. Первый раз он был после своего переезда из Ленинграда в Новосибирск в 1959 году.

Первый, специально организованный петроглифический отряд ИИФиФ СО АН СССР в 1960 г. начал работать на территории Горного Алтая, проводил работы по сплошному копированию петроглифов. В 1961 г. работы проводились в долине р. Каракол на скалах Бичикту-Бом, Сеттерли, Сары-Кобы и в других местах [9, с. 119; 10, с. 46].

В те годы крупномасштабными работами по копированию наскальных изображений, проводившимися Алтайским отрядом археологической экспедиции отдела гуманитарных исследований

СО АН СССР под руководством А. П. Окладникова, были охвачены в основном другие памятники наскального искусства Горного Алтая. Однако и на Бичикту-Бом в то время проводились частичные работы.

В 1960 г. на скалах Бичикту-Бом работал небольшой отряд студентов исторического факультета Кемеровского Государственного педагогического Института во главе с А. И. Мартыновым. Ими было проведено обследование, фотофиксация и копирование наиболее значительных групповых изображений на кальку. Часть копий экспедицией была передана на хранение в Горно-Алтайский краеведческий музей им. А. В. Анохина, ныне Национальный музей Республики Алтай. В ходе работ на памятнике стало ясно, что этот комплекс изображений, состоящий из нескольких сотен камней с рисунками никак нельзя обследовать, сделать копии и описать за один год. Так и получилось: многие исследователи были, работали на этом интересном памятнике, публиковали отдельные изображения, но целого представления о памятнике никак не получалось. Памятник требовал длительного, многолетнего внимания. Эту работу, по рекомендации академика Алексея Павловича Окладникова, взяла на себя в 70-е годы прошлого века Лаборатория археологических исследований Кемеровского государственного педагогического института, а с 1975 года — первая в Сибири кафедра археологии Кемеровского государственного университета. Работы по копированию проводились археологической экспедицией под руководством А. И. Мартынова в 1970, 1977 и в 1982—1984 гг. В результате был собран огромный по количеству материал изображений комплекса Бичикту-Бом, опубликован ряд статей в сборнике научных трудов Кемеровского государственного университета [11, с. 218; 12, с. 80].

Сотрудники кафедры археологии Кемеровского университета в те годы проводили исследования на соседних с Бичикту-Бом памятниках в долине реки Каракол, в частности Сутерлю, Талда, Тенёш, с. Боочи и в других местах. В результате был собран обширный изобразительный материал.

В 1992 году была издана книга «Петроглифы Алтая» [13]. Она явилась своего рода итогом изучения наскальных изображений Алтая. В книге перечислены все известные в конце XX в. местонахождения петроглифов, в том числе выделена группа памятников наскального искусства в долинах: рек Каракол и Урсул: Кара-Бом, Ело, Кара-Кобы, Озёрное, Боочи, ижи, Сары-Кобы и Сеттерли.

В 2002 году вышла книга В. Д. Кубарева «Наскальное искусство Алтая» Автор рассматривает наиболее крупные, уникальные местонахождения петроглифов на территории Русского Алтая. Не последнее место отведено здесь наскальным рисункам долины реки Каракол. В работе приведены наиболее интересные изображения древнетюркского и этнографического времени [14, с. 242].

Исследовательские работы 2007—2009 годов производились силами коллектива кафедры археологии Горно-Алтайского государственного университета. В состав экспедиции входили: заведу-

ющий кафедрой археологии Дворников Э.П., этнограф, доцент Тадина Н.А., аспиранты Базайченко А.В., Штанов Е.С., под руководством профессора Мартынова А.И. (петроглифический отряд), археологи Гентского университета: профессор Жан Буржуа, Воутер Гейли, а также студенты исторического факультета ГАГУ: М.А. Пьянков, А.Н. Лапин, В.П. Россомахин и другие.

Археологические памятники Горного Алтая исследуемых эпох обладают определенными внешними признаками, которые мы учитывали при выполнении данной работы. Существует два варианта топографического расположения могильников Горного Алтая изучаемых эпох. Первый вариант — могильники соседствуют на местности с объектами других периодов и располагаются в открытой местности, иногда в середине поля или долины. Скифские погребальные комплексы имеют протяжение с севера на юг, как правило, перпендикулярно реке. Древнетюркские объекты располагаются несколько обособленно, по возможности, на холмах, возвышенностях. Второй вариант — могильники скифского времени находятся в скрытых от глаз укромных участках, в стороне от дорог, продиктованных рельефом местности. Эти участки располагаются, преимущественно на краю долины, у самого подножья горы или на седловине выше уровня долины. Отмечен ряд особенностей внутренней планировки могильников Горного Алтая скифской и древнетюркской эпохи. В целом могильники не имеют строгой планировки, но можно отметить отдельные признаки, указывающие на принадлежность этого могильника к изучаемому времени. Объекты на некрополях размещаются компактными группами. На кладбище, как правило, имеется несколько компактных групп курганов. Внутри групп можно проследить цепочки из нескольких курганов, расположенных по линии север-юг с различными отклонениями. Расположение поминальных объектов обозначенных эпох различно. Скифские поминальные круги (восьмикаменные кольца) помещались, как правило, с западной или восточной стороны от курганных цепочек на расстоянии 20-30 м. Аналогии в оформлении древних некрополей можно провести анализируя данные долин Себистей, Елангаш, Ирбисту в Кош-Агачском районе Республики Алтай [15, с. 180]. Надмогильные сооружения курганов, как правило, имеют круглую в плане форму диаметром 5-12 метров с западинами в центре. Оградки древнетюркской эпохи имеют форму квадрата в плане, с размерами чаще 4 × 4 метра.

Археологические объекты по мере обнаружения наносились на глазомерный план, который характеризует место расположения памятника и имеет конкретные, легко находимые на местности ориентиры, позволяющие в дальнейшем легко обнаружить памятник. Было проведено описание поверхностных признаков: формы, размеров, состояния поверхности объектов. Все обнаруженные объекты, исходя из планиграфических особенностей, были разделены нами на группы. Масштаб выбирался в зависимости от величины памятника, чтобы план охватывал территорию,

необходимую для понимания геоморфологической ситуации. На плане отражался рельеф, переданный горизонталями, передающий особенности памятника и местности. Необходимым элементом фиксации объектов была ГИС — привязка.

В результате работ в полевые сезоны 2007—2009 годов на территории природного парка исследованы петроглифические местонахождения, ранее фиксированные и открытые, курганные могильники, а так же выполнен современный план некрополя Башадар.

Обнаруженные на памятнике Башадар объекты по функциональному назначению имеют погребальный, поминальный и ритуальный характер.

Он находится в центральной части обширной долины. Не смотря на то, что могильник не имеет строгой планировки, в его внутренней топографии можно наметить определенную систему, выраженную в расположении объектов по линии с-ю с различными отклонениями. Надмогильные сооружения имеют круглую в плане форму. От некоторых объектов на могильнике тянется вереница из нескольких камней. По мнению С.С. Сорокина балбалы не что иное, как коновязные столбы [16, с. 112]. Китайские письменные источники свидетельствуют в пользу другой точки зрения. Подборку этих сведений проводили С.Г. Кляшторный и В.Е. Войтов. Они пришли к выводу, что балбалы — это символы врагов убитых не только самим поминаемым, но и подаренные уважаемому умершему родственнику, поэтому на некоторых средневековых комплексах встречаются подписанные балбалы: «каменный балбал шада телисов» и «балбал Ишбара — таркана» [17, с. 238].

С западной стороны в пределах 20-50 метров от курганов зафиксированы восьмикаменные поминальные кольца. Подобные планиграфические особенности свидетельствуют об оформлении погребально-поминального комплекса в классической скифской традиции. В долинах Уландрык, Юстыд, Себистей цепочки курганов также ориентированы по линии с-ю и расположены перпендикулярно реке [18]. Большая часть курганов могильника Башадар с западинами, что свидетельствует или о рухнувших перекрытиях погребальных камер, или о следах ограбления в древности, а то и работе «бугровщиков» в XVIII—XIX вв. [19]. Широко известно, что полчища хунну, пришедшие в Саяно-Алтай, не стеснялись грабить скифские погребальные комплексы, нанося тем самым оскорбление противнику через разграбление его усыпальниц. Восьмикаменные поминальные кольца, по функциональному назначению были призваны кормить душу умершего во время периодических поминок через разведённый в пределах кольца костер, в котором сжигали тушу жертвенного животного.

В полевом сезоне 2007 года был применён мотодельтаплан, что позволило сделать уникальные снимки основных памятников, в 2009 году был использован радиоуправляемый летательный аппарат с целью фиксации на видео и фото глобальных некрополей, коими являются Туекта и Башадар. Результатом исследований стала электронная карта с зафиксированными на ней более 6000 археологических объектов.

Обобщение изученного материала позволяет совершенно определенно утверждать о неслучайности находящихся в долине объектов. Имея, необходимые данные мы можем осветить мировоззренческие представления древнего населения Саяно-Алтая в контексте мифо-ритуальных памятников, природной среды обитания и сложившихся этнокультурных традиций. В частности мы склонны говорить о главенствующей роли ландшафтного участка в общей геофизической структуре Горного Алтая

Делая анализ на основе планиграфии мы отмечаем важность внешней среды, на основе которой формировался обряд. Как нам представляется, к важнейшим факторам относятся природно-климатические условия (ландшафты, климат, температура) и хозяйственно материальное производство основанное, в том числе и на природно-климатической обстановке. По нашему мнению, эти два фактора являются основополагающими в развитии и становлении культуры и обряда иллюстрирующего основы традиционного мировоззрения.

Совершенно очевидно, что ландшафты играли важную роль в выборе типа хозяйства в древности. В Горном Алтае это ярко фиксируется до сих пор в применении способа ведения хозяйства — отгонного скотоводства, как оптимально в горно-долинных условиях. Вероятно, мы не ошибаемся, указав, что ландшафт формирует менталитет человека. Мы считаем, что определяющим фактором поведения горца или степняка является именно ландшафт, а скажем не традиции культуры. Любая культура видоизменяется, приспособляется под ландшафтные, природные условия. Именно этот фактор формирует культуру поведения этноса.

Ландшафт и обрядность объединяются, прежде всего, в слове где? Где проводить обряд погребения, да, разумеется, там, где покоятся предки, но ведь был первый из них кто погребен именно здесь, почему?

Имея определённый опыт полевых исследований, мы постоянно сталкиваемся с осознанием того, что расположение комплексов имеет очень строгую систему территориального и хронологического плана. На одной сравнительно не большой террасе сосредоточены объекты разных эпох

культур народов, традиций, тем не менее, их объединяет место построения некрополя. Соответственно в разные исторические эпохи определённые ландшафтные свойства имели важные критерии при выборе мест погребения усопшего. Вероятно, не последним фактором выбора этого места являлась укрываемость, труднодоступность, удаленность от обитаемых мест. Кроме того, в слове хоронить отмечается важный синоним «прятать», а значит, не тревожить, заходить в эти священные места в исключительных случаях, а именно для совершения обряда погребения или поминок. Современный уровень исследования позволяет изучать роль природных факторов в формировании археологических комплексов. На основании этого мы можем выявить культурные и духовные предпосылки, которые послужили мотивацией выбора природных условий для формирования археологического микрорайона.

Анализируя материалы петроглифических комплексов расположенных в центре каракольской долины и на выходе из неё мы, в общем, развивая мысль отраженную ранее предполагаем важность нахождения древних писаниц в общей системе культовых сооружений. Совершенно очевидно, что здесь пролегал путь в Монгольский Алтай вероятно с древних времен, о чём и свидетельствует нахождение здесь разновременных памятников. Вероятно, данная местность была исторически духовно ценной территорией, на которой и возникали святилища. Святилище должно было быть доступным, зрелищным с хорошей площадкой перед скалами для совершения обрядовых действий. Как мы видим на петроглифических комплексах представлены рисунки разных эпох и естественно эти комплексы обладают большой исторической памятью.

В целом следует отметить несомненную уникальность исследованной долины и вероятно восприятие в истории её как сакральной территории, закрытой от посторонних глаз, некоей большой усыпальницей. Действительно, находясь здесь, есть ощущение неги, умиротворения, покоя. Люди, живущие здесь особенные, со своим менталитетом присущим ижи — ижи. Вероятно, именно они являются потомками тех, кто проводил здесь священные обряды погребения, поминок, охотничьих мистерий.

Библиографический список

1. Дворников Э. П. Эволюция поминальных сооружений кочевников с VI в. до н. э. — X в. н. э. // История и культура коренных народов Южной Сибири с древнейших времён до 1917 г.: Материалы Международной научной конференции. Горно-Алтайск, 2002.
2. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960
3. Там же
4. Елин В. Н. Кызыл — Тал: проблемы хронологии и семантики // Известия лаборатории археологии. — №1. — Горно-Алтайск. — 1995.
5. Еркинова Р. М., Кубарев Г. В. Граффити Бичикту-Бомы (из творческого наследия Г. И. Чорос-Гуркина) / Археология и этнография Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 2004
6. Там же
7. Хороших П. П. Писаницы Алтая (Предварительное сообщение) // КСИИМК. — М.; Л.: 1949. — Вып. XIV. М.
8. Минорский А. И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК. — М., 1951. — Вып. XXXVI.
9. Тоцакова Е. М. Изучение петроглифов Горного Алтая // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук, 1970. — №11. Вып. 3.
10. Кубарев В. Д. Алтай—Монголия. Итоги и перспективы изучения наскального искусства // Древности Алтая. №10. Горно-Алтайск, 2003
11. Мартынов А. И. Исследования петроглифов в долине Каракола // АО, 1982 — М., 1984
12. Мартынов А. И. О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири. КГУ. — Кемерово. 1985
13. Кубарев В. Д., Маточкин Е. П. Петроглифы Алтая. — Новосибирск, 1992.

14. Кубарев Г. В. Жанровая сцена из Бичикту — бома / степи Евразии в древности и средневековье. — СПб., 2002. кн. II.
15. Дворников Э.П. Планиграфия скифских могильников долины Себистей // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 2000. — Т. I.
16. Сорокин С. С. Семантика сэргэ (коновязей) и некоторых других памятников кочевого населения лесостепной зоны Азии // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1979.
17. Кляшторный С. Г. Храм, изваяние, стела в древнетюркских текстах (к интерпретации Ихэ-ханьин-норской надписи) // Тюркологический сборник. 1974. — М., 1978
18. Кубарев В. Д. Древние рисунки Каракола. — Новосибирск, 1988.
19. Дёмин М. А. Первооткрыватели древностей. — Барнаул: Алт. Книж. Изд-во, 1989. — 117 с.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 15.09.09.

Е. П. Dvornikov

HISTORY OF STUDYING AND MODERN RESEARCHES OF MONUMENTS OF ARCHEOLOGY IN KARAKOLSKY NATURAL PARK «UCH-ENMEK», ONGUDAJSKY AREA, REPUBLIC ALTAI

In work results of three field seasons of teamwork алтайско - the Belgian research expedition are reflected. Thanks to the newest equipment it was possible to see all valley from above that is the unique phenomenon in an archaeological technique.

Expedition, monument, landscape, culture

УДК 902

Л. И. Зайцева

ДУХОВЕНСТВО ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917—1922 ГГ.

Данная статья посвящена проблеме влияния революционных событий 1917-1922 г. на слои духовенства и на конкретные судьбы в среде священников города Енисейска. Сделана попытка анализа процессов, происходящих в среде духовенства в ходе революционных событий 1917-1922 гг. в городе Енисейске. В статье приводятся архивные документы и сведения, полученные на основе устной истории.

революция, гражданская война, Советское государство, декрет, губерния, ликвидационный комитет, национализация, сельскохозяйственная артель, репрессии

Октябрьская революция 1917 года является важной вехой в истории нашего государства. В результате ее событий и последующей Гражданской войны 1917-1922 гг., кардинально изменился государственный строй страны, произошли радикальные перемены в социальной среде, менталитете народа и его отношении к государству и власти. Не менее произошедшие изменения коснулись и положения в обществе и государстве духовенства. Процессы, происходившие в регионах, соответствовали общероссийским тенденциям, задаваемым в Москве, но имели свои специфические особенности. Общие революционные события определяли политику относительно церкви и духовенства на местах. Енисейскую губернию не обошла стороной волна этих явлений.

Советская власть укрепилась в Енисейской губернии в 1920 г., но еще задолго до этого в губернской периодике звучали требования отмены частной собственности на помещичьи, удельные, монастырские и церковные земли, без выкупа и передача их в заведывание крестьянских комитетов до решений Учредительного Собрания [1, с. 3].

Лозунг об отделении церкви от государства звучал часто, так, например, в газете Красноярский рабочий за 2 июля 1917 г. на первой странице помимо прочих революционных требований пролетариата указано, что социал-демократы против школы, подчиненной государству и церкви,

за бесплатное всеобщее обучение в единой светской свободной школе [2, с. 1]. По поводу отделения школы от церкви Григорий Бондарь в статье «Церковь и школа» пишет, что религиозное воспитание ничего не имеет общего с нравственностью, так как нравственность — добродетель общественная, а не религиозная [3, с. 2-3]. «Каждый может верить или не верить и каждый верующий верует так, как он хочет исполнять те обряды и «тайнства», которые ему кажутся наиболее соответствующими его религиозным взглядам, лишь бы только они не приносили вреда другим членам общества. Государство не должно вмешиваться в частные дела граждан. Ведение метрических книг должно быть изъято из рук духовенства и передано общественными самоуправлениями. Попы уже забили тревогу и вопят о том, что-де церкви будут разрушены что на верующих начнется гонения и проч. и т.п. Однако каждый, кто прочел внимательно перечисленные выше меры, ничего подобного не найдет» [4, с. 3]. То есть, в Енисейской губернии изначально не предполагались открытые гонения на церковь и священников.

Декрет об отделении церкви от государства был воспринят местными представителями рабочих партий как вполне демократичный и целесообразный. Провозглашалось так же и то, что Светская власть не стремится к стеснению свободы совести, а реализует один из важнейших принци-

пов демократии — право на самоопределение [5, с. 2]. Даже не все большевики придерживались тактики открытой борьбы с религиозностью.

В газете «Свободная Сибирь» за 13 апреля 1917 г. написана статья «К открытию первого епархиального собрания верующих», где изложены лозунги за принцип соборности в управлении церковью, за участие мирян в выборе епископской власти в епархии и приходских властей в приходах [6, с. 2]. 15 апреля 1917 г. был открыт Епархиальный съезд, в котором приняли участие 10 делегатов от Енисейского уезда [7, с. 4]. На этом Съезде был раскритикован епископ Никон за пресечение принципа соборности [7, с. 4], которого в итоге сместили с занимаемых им должностей. Но сразу после установления советов началось реформирование общественных и экономических отношений в соответствии с указами советской власти в Москве. Вопросы церкви и религии решались быстро, жестко и не в интересах духовенства и верующих.

Недовольство церковной политикой Совнаркома в среде духовенства и верующих нарастало. Руководством Енисейской епархии было признано Высшее Временное Церковное Управление [8, л. 109]. Так Епархиальный Совет принял к сведениям сообщение о том, чтобы епархиальная власть не представляла военных священников к очередным наградам без ведома Главного Священника Армии и флота страны [8, л. 112], принято предложение об установлении церковных воспоминаний о гонимых за Православную веру и Церковь и окончивших жизнь свою мучениках [8, л. 117]. Позднее Епархиальным Советом было принято предложение о приглашении приходского духовенства Енисейской епархии возносить молитвы об успокоении священнослужителей епархии, погибших мученически от большевиков [8, л. 137]. На состоявшемся местном церковном соборе в Красноярске было заявлено о несогласии с основными положениями декрета СНК от 23 января 1919 г. [9, с. 10]

Особое раздражение духовенства вызвало заявление Наркомюста о том, что в соответствии с декретом об отделении церкви от государства имущество всех монастырей переходит в ведение Совдепов и потому должны быть закрыты или их деятельность приостановлена до «особого» распоряжения.

С установлением в регионе власти в лице Сибревкома в январе 1920 г. продолжились реформы в религиозной сфере [9, с. 10]. На губернию распространилось действие Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви и Инструкции по применению на местах, основные положения были изложены в Циркуляре заведующего отделом юстиции Енисейского губернского революционного комитета «О создании губернского ликвидационного комитета» в составе Губревкома, Отдела Юстиций, Отдела Народного образования, Губпарткома и Рабоче-Крестьянской Инспекции [10, с. 2]. Был сформирован механизм проведения реформ. При Общем Подотделе отдела юстиции Енгубревкома начал свою работу Ликвидационный Отдел [9, с. 10], а также и Енисей-

ская губернская Комиссия по делам музеев и охране памятников искусства и старины [10, с. 2]. Задачи Отделения провозглашались следующие: практическое проведение в жизнь всех мероприятий, вытекающих из декрета и узаконений; наблюдение за деятельностью местных отделений по проведению реформы; ознакомление населения путем печати и устной агитации с идеями происходящего реформирования; выработка мер, при которых проведение реформы произошло бы наиболее безболезненно; привлечение к ответственности лиц, саботирующих декрет; наблюдение за тем, чтобы в школе не преподавался так называемый Закон Божий [11, л. 1]. Здания храмов и монастырей были разделены на безусловно имеющие художественное, историческое или археологическое значение и здания, где могут лишь случайно оказаться ценные, с точки зрения Комиссии, предметы [11, л. 1].

Экспертизы проводились по всей территории Енисейской области, но в первую очередь их проводили в Красноярске, Енисейске и населенных пунктах, размещенных по реке Ангара [11, л. 1]. Официально в газетах заявляли, что изъятие предметов происходило по соглашению с самими верующими и служителями культа без эксцессов [11, л. 1]. Меры Советского правительства были оправданы в массовой печати тем, что процесс отделения церкви от государства был на самом деле освобождением церкви от диктата государства, как это было много веков царской власти. И «прозревающее» духовенство все чаще выступает за установление власти Советов [12, с. 3].

Процесс национализации начался с монастырей, домовых, тюремных церквей и с Архиерейского дома [13, с. 2]. Поводы для национализации церковных зданий озвучивались как необходимые меры для улучшения жизни населения. Например, для устройства приюта, государственных учреждений, бесплатных гимназий и школ [12, с. 3]. Законодательные акты Советского государства сделали невозможным их сохранение в первоначальном виде: культовые здания национализировались под разными предлогами, а имущество объявлялось народным достоянием [9, с. 10].

На практике местные органы власти не всегда следовали закону. Реквизированные помещения пустовали. Церквям запрещалось вести какие-нибудь записи о совершении верующими религиозных обрядов, обучать детей закону Божьему. Ликвидационное Отделение отобрало у церковных организаций все бланки для записи совершения обрядов и книги в целях экономии бумаги. По мнению Доброновской А. действия, стесняющие свободу верующих, приводили к неприятию мер, осуществленных местной властью, и к падению ее авторитета [9, с. 11]. В докладе о деятельности Ликвидационного Отделения с августа 1920 г. до 1 апреля 1921 г. говорится: «Не смотря на то, что в первое время после издания декрета работа Ликвид. Отделения происходила почти без всяких руководственных законоположений и указаний Центральной Власти, основана была на одном лишь этом декрете, эта работа Сибюстов была признана совершенно правильной, поставленной

посравнению лучше чем в других губерниях Сибири» [11, л. 1]. Но, тем не менее, признавалось невыполнение всех поставленных задач планомерной борьбы с религиозными заблуждениями населения. Среди проблем в деятельности Отделения была отмечена нехватка квалифицированных кадров, способных проводить отделение Церкви от государства. Главными качествами должностных лиц считались отрешение от религиозного ханжества и хладнокровие к фанатичным нападкам населения. При этом в докладе говорилось о «разъедающей деятельности служителей культа, особенно беженцев и сторонников Колчака» [11, л. 4]. Среди беженцев-священников, по сведениям Доклада Ликвидационного Отделения, выделяются «погромщики, идейные руководители, вдохновители по средствам печати и устной пропаганды разных карательных экспедиций, организаторы и участники разных боевых отрядов Св. Креста и Зеленого знамени Св. Гермогена и т.д. и т.п.» [11, л. 5].

При этом органы Советской власти среди своих задач ставили и контроль за деятельностью религиозных общин, получивших в свое распоряжение предметы культа, чтобы эти общины не растратили данное им для пользования народное достояние, не злоупотребляли им и вообще не могли уклониться от соблюдения декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви.

В соответствии с делами о спекуляции свечами в Центральной России, в Енисейской губернии был обнародован приказ Губревкома «О пресечении спекуляции восковыми свечами», который был приведен в жизнь. Всю прибыль от продажи свечей необходимо передавать местным Ликвидационным Отделениям по приказу №96 от 28 июня 1920 г. [11, л. 7]

Приказом Енисейского Губернского Революционного Комитета №105 от 25 августа 1920 г. запрещалось употребление печатей, штемпелей, бланков и т.д., выражавших наименование различных церковных организаций; имущество религиозных организаций признавалось собственностью и достоянием государства; запрещался бой часов на церковных колокольнях [11, л. 8].

На защиту интересов Церкви встали духовенство и верующие. 5 февраля 1920 г. Епископ Красноярский и Енисейский Назарий обратился с воззванием к приходскому собранию Красноярской Покровской церкви. Он призывал к открытию церковных школ, выступил против самоуправства местных властей. В журнале заседаний Енисейского губернского епархиального училищного совета зафиксировано решение о разрешении заниматься в храмах с детьми школьного возраста. Занятия должны были вестись в специально для этого оборудованных помещениях под непосредственным наблюдением священника и особо избранных лиц состава приходского совета [8, л. 8].

В сентябре 1920 г. в Красноярске было открытое выступление верующих против ликвидации Иоанно-Предтеченской архиерейской церкви [9, с. 11]. Также в органы Советской власти на местах обращались и рабочие, и крестьяне с просьбами восстановить обучение Закону Божье-

му в школах. Все эти просьбы остались без ответа, так как, по мнению большевиков, любые религиозные идеи формируют в сознании детей норм рабского поведения, а Советская власть борется за свободу и равенство [14, с. 3].

Революционные события и Гражданская война оказали большое влияние и на духовенство города Енисейска. В устной истории зафиксировано, что монахи из Енисейска выступили против большевиков в 1919 г., что было ответом на радикальные меры революционного движения в отношении священников. По данным «Епархиальных ведомостей» за 1919 г. ночью 24 января по старому стилю в гарнизоне на территории Енисейска возникло восстание солдат. Начались аресты и убийства купцов, представителей власти и интеллигенции. Постепенно восставшие стали производить обыски и в домах священников. Был арестован Даниил Тыжнов, но вскоре освобожден за отсутствием обвинения. Три церкви были обысканы, но разграбления не последовало. 13 февраля 1919 г. были заняты красноармейцами кладбищенские церкви: Кресто-Воздвиженская и Входа-Иерусалимская [15, с. 69]. В местной устной истории зафиксированы события на озере около деревни Ялань, что недалеко от Енисейска. Это озеро названо Монастырским и в настоящее время на нем восстановлена деревянная обитель. Существуют поверья, что на данном месте поселились два брата инока, затем здесь образовался скит, который был приписан к Енисейскому Спасскому монастырю. Также существует мнение, что это были те монахи, которые поддержали подавление Маклаковского восстания в то время, когда в Енисейске была власть Колчака. После установления Советской власти эти монахи, опасаясь репрессий, ушли на Монастырское озеро. Следы от келий сохранены до сих пор. После ухода Колчака красноармейцы, чтобы избавиться от опасности контрреволюции в тылу, расстреляли большое число священников и сбросили в воду озера. Вероятнее всего, этих монахов выдали местные жители. Также ходят слухи, что это озеро после событий Гражданской войны не замерзло зимой, несмотря на сильные морозы, характерные для климата Енисейска и его окрестностей. По сей день существует легенда о том, что тело одного из утопленных священников долгое время не тонуло и его не могли выловить для захоронения. В 1990-е годы об этом озере заговорили как о чудотворном и святом месте.

В среде духовенства во время установления Советской власти преобладало обновленчество. Особенно ярко это прослеживалось в центральной России и высоком духовенстве. На местах постепенно стала проявляться та же тенденция, появились епископы и священники-обновленцы. Хотя, по словам протоиерея Геннадия Фаста, к основной массе верующих это не имело никакого отношения, и далеко не все священнослужители поддерживали идеи реформирования Православной церкви, выдвигаемые обновленцами. В среде енисейского духовенства были представители обновленческого движения, что является следствием революционных событий. Но, например, по

мнению Геннадия Фаста, Спасский монастырь не принимал обновленческое движение, позже этот монастырь стал местом ссылки. Хотя по данным Государственного Архива Красноярского края известен случай из жизни Спасского монастыря города Енисейска. В Епархиальный совет была направлена жалоба братии Енисейского Спасского монастыря на архимандрита Мелетия в июне 1919 г. [16, л. 16]. Монахи сетовали на то, что настоятель монастыря отец Мелетий жестко руководит братией и привлекает полицию и милицию во внутреннем управлении монастыря. При этом они обвиняли архимандрита в хищении на сумму 2340 рублей, что привело к значительному оскуднению монастыря [16, л. 17]. Вероятнее всего, Мелетий склонялся к идеям обновленчества. Это дело было поручено секретарю Епархиального Совета Соболеву Х.П. при содействии протоиерея отца Григорьева [17, л. 174], в Успенскую церковь Енисейска был направлен священник Николай Пикановский, которому поручили тоже провести формальное расследование по делу архимандрита Мелетия [17, л. 208]. В скором времени конфликт был решен в интересах братии.

В анкетах, сохранившихся в архиве города, есть информация о том, что были в среде духовенства люди, которые сочувствовали живоцерковному движению. Хотя реформирование церкви не влияло на порядок службы, кроме того, что упоминался либо патриарх Тихон, либо обновленческие епископы. Геннадий Фаст считает, что непосредственное реформирование церкви в Енисейске не происходило, по крайней мере, нет достаточных данных утверждать, что оно было осуществлено.

В архиве Енисейска сохранились документы, связанные с деятельностью первых лет Советской власти в городе. В их числе сохранилось дело по ликвидации женского монастыря 1921 г., а также анкеты, составленные при регистрации сельскохозяйственных артелей. По данным Доклада о деятельности Ликвидационного Отделения с 1 августа 1920 г. до 1 апреля 1921 г. Енисейский Ликвидационное Отделение фактически до февраля 1921 г. не функционировало и только со 2 февраля 1921 г. обнаружило свою жизнь сообщением о том, что там начинается работа по городу в отношении церквей [11, л. 3]. Проводились лекции на учительских курсах, в партшколах, а также на различных собраниях и съездах предполагались доклады на религиозные темы [11, л. 4]. За нарушение декрета и указов Советской власти относительно религиозных организаций к 1921 г. было осуждено по всей губернии 27 человек, а в Енисейске всего 1 [11, л. 4].

Монастыри по всей стране закрывались, и к 1920 г. в европейской части государства большая часть монастырей прекратили свое существование. В Красноярске монастыри закрылись в 1921 г., а в Енисейске лишь к 1923 г., что было связано с тем, что при них организовывались трудовые артели [15, с. 73]. Данные артели представляли собой религиозные организации, которые занимались по большей части сельским хозяйством,

снабжая тем самым себя продовольствием и средствами к существованию. В них сохранялась строгая монашеская стратификация на трудовой (послушники и послушницы) и нетрудовой (монахи и монахини) элементы [15, с. 73]. Причем трудовой элемент сохранял за собой все гражданские права. Такие трудовые артели были распространены не только при монастырях, но и при церквях, а также создавались без привязки к какому-либо ранее существовавшему организациям. Но существование сельскохозяйственных артелей зависело от воли местных властей, которые при своем желании и в своих интересах закрывали их, обрекая трудящихся на голод, поэтому запрещенные артели воссоздавались и существовали нелегально [15, с. 73].

В Енисейском уезде было зарегистрировано 8 артелей в октябре 1920 г. Собственность артелей строго учитывалась и заносилась в сводные таблицы [15, с. 72]. По мнению протоиерея Геннадия Фаста, сохранный устав Иверской артели, образованной на основе Иверского женского монастыря, говорит о том, что данная организация имела лишь административно-хозяйственные функции. Закрытие артелей стало происходить в 1923 г., причиной официально провозглашалось желание использовать артель монахами для того, чтобы закрепить за собой собственность, и невыполнение взятых на себя планов работ.

На фоне закрытия монастырей, в соответствии с декретами Советской власти по изъятию святых мощей во Всероссийском масштабе, 1 мая 1920 г. после митинга рядом с Успенским храмом народ стихийно двинулся выкапывать мощи Даниила Ачинского. В устной истории сохранились сведения, что некий Башуров, руководитель комсомольской ячейки, участвовал в этих событиях. Часовня Даниила Ачинского находилась ранее недалеко от того места, где ныне находится 3 школа и огороды. Мощи были выкопаны, их выставляли на обозрение, сохранились устные сведения, что голова Даниила Ачинского выставлялась даже в музее, но сейчас Краеведческий музей опровергает данную информацию, так как не сохранилось никаких письменных источников, подтверждающих этот факт. После мощи были перезахоронены на Абалаковском кладбище, а затем в 1929 г. в связи с закрытием Абалаковского кладбища их перенесли на городское Севастьяновское кладбище, что зафиксировано в местных преданиях.

Голод 1921—1922 гг. оказал влияние на жизнь церквей Енисейска. Храмы были опустошены в провозглашенных целях помощи голодающим. Священников Енисейска сделали ответственными за хищения из храмов и церквей, но сбор церковных ценностей никем не контролировался, поэтому используя повод для арестов духовенства, местные власти во время акции лишили свободы большое число священников [15, с. 73]. Оставляли в церквях лишь минимум утвари, без которой служба обходиться не может. В Енисейском Архиве содержатся данные описи изъятых имущества из Христо-Рождественской церкви. На основе устной истории можно сделать вывод, что

горожане не поддерживали разрушение и разграбление храмов, люди, осуществлявшие это, пользовались дурной славой, считалось, что они получали наказание за свои поступки.

Храмы же в Енисейске до 1922 г. не закрывались. Все храмы национализировались в 1923 г., а затем государство давало их в пользование религиозным общинам, которые брали на себя ответственность по содержанию храмов [15, с. 73]. То есть, община брала на себя обязательство восстановить храм после повреждений гражданской войны в кратчайшие сроки. После проверки зданий большевиками храмы начали закрывать в связи с тем, что общины не справились с восстановлением. Абсолютно все храмы города были закрыты только в конце 1930-ых годов [15, с. 73].

Революционные события повлияли на все общество в целом, но, прежде всего, они изменили судьбы обычных людей. Слой священнослужителей претерпел множество притеснений со стороны Советской власти. Из истории Енисейска можно привести в пример то, как сказались перипетии войны на судьбе отца Иоанна Вазингера, последнего духовника Иверского женского монастыря. После закрытия монастыря он некоторое время служил в Успенском храме. Но затем ему пришлось заниматься светской работой, а в 1937 г. отца Иоанна расстреляли. Вторым примером в данном аспекте можно привести жизнь отца Ильи Пироженко, который был из Воронежской губернии. Считается, что он был смелым человеком, так как даже в 1930-е гг. носил рясу. Отбыл наказание на Соловках, затем во время Гражданской войны попал в Енисейск, после чего был отправлен далее на север. Известно, что он писал Пешковой, она ходатайствовала за него. В Туруханске его сняли с этапа, бросили в яму, где производили расстрелы. Он отпел себя ночью, но на утро его отпустили. Вскоре он был опять репрессирован и в 1937 г. был расстрелян в Магадане. О священниках, которые были родом из Енисейска и служили здесь во время гражданской войны, архивных данных не сохранилось. Известно лишь то, что они все исчезали, например, иеромонах Митрофаный из Спасского монастыря. Мало кто знает среди горожан сейчас, что по улице Фёфелова в Енисейске жил митрополит Кирилл. Не осталось данных, когда именно Митрополит Кирилл попал в Енисейск, но то, что он отбывал

здесь срок заключения, сохранилось в устной традиции. Еще известно, что Кирилл назначал местоблюстителем патриаршего престола сам Тихон, но этого не произошло. Были даже попытки избрания Кирилла патриархом путем сбора подписей среди священства, но это дело было раскрыто советской властью. Он был лидером движения несогласных с идеями обновленчества, его влияние во внутрицерковных делах было велико, обладал значительным авторитетом, по словам протоиерея Геннадия Фаста. В 1937 г. митрополит Кирилл был расстрелян, ныне он причислен к лику святых.

Революция и Гражданская война привели к тому, что традиционный уклад жизни провинциального города Енисейска и его внешний облик кардинально изменились. Прежде всего, это сказалось на церквях и монастырях. Духовенство, как и по всей стране в целом, оказалось ограничено правах, претерпевало гонения и репрессии. По всей стране, особенно в больших городах, закрытие церквей происходило с молчаливого бездействия верующих, в Енисейске также не было серьезного сопротивления действиям большевиков, что было вызвано реалиями Гражданской войны и действием «революционного самосознания». Но религиозную традицию православия здесь не смогли прекратить быстро, несмотря, ни на какие декреты из Москвы. В Енисейске была многовековая православная традиция, здесь было много церквей, большое число священников. Изменения, привнесенные Гражданской войной, далеко не сразу прижились. Закрытие церквей и монастырей, ликвидация мощей святых, антирелигиозные выступления и публикации в органах массовой информации были абсолютно новыми и неожиданными мерами для основной части населения. Что касается судеб священников, то они оказались в прямой зависимости от деятельности местных органов власти. Ввиду высокой религиозности населения, красноармейцы чинили жестокие репрессии против духовенства и верующих, тем более что на территории Енисейска некоторое время находились войска белых. Это было не только шагом, соответствующим идеологическим взглядам борьбы с церковью как оплотом контрреволюции, но и сугубо прагматическим, в целях сохранения не только власти, но и собственной жизни в условиях Гражданской войны.

Библиографический список

1. По России. Революция протеста // Красноярский рабочий, 1917/ № 171.
2. Социал-демократы // Красноярский рабочий. 1917, № 87.
3. Бондарь Г. Церковь и школа / Г. Бондарь // Свободная Сибирь. 1917 г, №98.
4. Сорокин В. Об отделении церкви от Государства / В. Сорокин // Красноярский рабочий. — 1917, № 3.
5. К открытию первого епархиального собрания верующих Православной Церкви // Свободная Сибирь. 1917, №9.
6. Епархиальный Съезд // «Свободная Сибирь». 1917. №14.
7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф-297. Оп. 1. Д. 154.
8. Доброновская А. Годы 1920-1921 / А. Доброновская // Православное слово Сибири. — 2003. № 2.
9. Государство и церковь // Красноярский рабочий. 1920, №2.
10. ГАКК. Ф.Р-53. Оп. 1. Д. 137.
11. Революция и церковь. Тьма // Красноярский рабочий. 1920. № 220.
12. ГАКК. Ф-564. Оп. 1. Д. 81.

13. Золотарев М. О преподавании Закона Божьего в школах / М. Золотарев // Красноярский рабочий. 1920, №235.
14. Фаст Г. Енисейск Православный / Г. Фаст. — Красноярск: Офсет, 1994. 136 с.

15. ГАКК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 155.
16. Там же. Д. 153.

Сибирский федеральный университет
Получено 17.11.09.

L. I. Zajtseva

THE CLERGY OF TOWN ENISEYSK IN REVOLUTION EVENTS 1917-1922 YEARS

The article is devoted to the problem of the influence of Revolution events 1917-1922 on clergy of Enisejsk. I tried to analyze the processes, which was in the Enisejsk's clergy sphere in 1917-1922. There are documents and the information, which is getting from oral history.

Revolution, civil war, Soviet State, decree, province, liquidate committee, nationalization, agricultural artel, repression

УДК 902

Н. Ф. Иванцова

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ПРОПАГАНДИСТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ А. В. ШЕСТАКОВ

В статье, на основе опубликованных и архивных материалов, прослежен жизненный путь и научная деятельность одного из первых советских историков-профессионалов.

подпольная работа, партийная работа, вооруженное восстание, революция, гражданская война, крестьянское движение, развитие капитализма в сельском хозяйстве, аграрный вопрос в России

А. В. Шестаков, один из первых советских историков-профессионалов, прошедший путь от рабочего до члена-корреспондента АН СССР, родился 24 октября 1877 г. в рабочем предместье Архангельска в семье рабочего лесопильного завода. В семье было девять детей, и Андрей в свободное от школы время помогал отцу, работая котлочистом и утрамбовщиком зерна при погрузке. По окончании школы он стал учеником, а затем рабочим — слесарем и пилоставом. В двадцать лет он вступил в социал-демократический кружок, что произошло под влиянием соратника В. И. Ленина по «Петербургскому союзу борьбы за освобождение рабочего класса» В. А. Шелгунова [1, л. 7].

В 1898 г. А. В. Шестаков переехал в Москву и, устроившись работать на завод, продолжил подпольную работу, вместе с товарищами-партийцами посещал и Пречистенские курсы. В 1899 г. он был выслан на родину. С 1901 г. он ведет партийную работу на Урале, затем в Донбассе и Одессе. В 1903 г. он — один из организаторов стачки на юге России, его корреспонденции печатаются в «Искре». С 1904 г. А. В. Шестаков занимался партийной работой в Твери, а с 1905 г. — в Москве [1, л. 7]. Его назначением «окружным организатором» для ведения агитационной работы в московской губернии. Практическая деятельность А. В. Шестакова среди крестьянства позволила ему, используя знания деревенской жизни, оппонировать В.И. Ленину. В частности, в ответ на резолюции III съезда РСДРП, определившие курс на конфискацию помещичьих и пр. земель и с этой целью создание революционных крестьянских комитетов, он написал «Открытое письмо

Центральному комитету», где высказался против экспроприации тех помещичьих земель, которые обрабатывались «интенсивным способом» с применением машин, новых агротехнологий [3, с. 27].

В декабрьские дни 1905 г. А. В. Шестаков — организатор вооруженного восстания. В 1906-1908 гг. А. В. Шестаков жил в Москве. Здесь вместе с П. Ларионовым под партийным псевдонимом Н. Никодимов он пишет брошюру «Крестьянское движение и аграрный вопрос», где он опять фактически корректирует ленинскую аграрную программу, вернее, доказывает, что социал-демократы не могут иметь таковую, так как она «должна неизбежно вести к защите мелкого хозяйства и мелкого собственника» [4, с. 85].

Кроме того, А. В. Шестаков подготовил две брошюры о борьбе сельскохозяйственных рабочих и статью о движении сельских рабочих в 1905-1906 гг., материалы которых он использовал впоследствии в своих научных работах [5].

После революции А. В. Шестаков проявил интерес и к отдаленному прошлому. В 1913 г. ему удалось издать брошюру о «смуте» начала XVII в. [6].

В 1917 г. А. В. Шестаков — активный участник революционных событий, в том числе, борьбы за установление Советской власти в Москве. Он не только организатор, но пропагандист, литератор, редактор. В этом году он подготовил брошюры «Учредительное собрание и финансы», «Права народов и Учредительное собрание», выпустил ряд статей.

В годы Гражданской войны он находился в Воронеже и Рязани, где участвовал в частях особого назначения (ЧОН), был членом губкомов и

одновременно редактором местных газет. Он в этот период избирался делегатом VII съезда Советов, а также Всероссийского съезда работников просвещения. На последнем А. В. Шестаков был членом ЦК этого союза. В музее революции он был членом бюро парткома, а кроме этого в 20-е гг. являлся членом многочисленных комитетов РСДРП и исполкомов (Воронежского, Рязанского, Одесского, Тверского, Московского), был секретарем партийки НКВД и пр.

С 1921 г. он снова в Москве, заведует отделом в Главполитпросвете Наркомпроса, а затем Наркомвнуделе. В 1921 г. он становится самым старшим слушателем исторического отделения Института Красной Профессуры. Он выбрал семинар М.Н. Покровского и под его руководством в первый год начал работать над темой «О движении сельскохозяйственных рабочих в 1905—1906 гг.». Итог ее он подвел, выпустив в 1923 г. книгу «Бунт земли. Крестьянская революция 1905—1906 гг.». Как признавался в предисловии А. В. Шестаков, им «были использованы материалы, вышедшей в 1906 г. брошюры «Крестьянское движение». Однако, выводы, материал приложений, по-новому представляет, в частности, роль партии эсеров в «крестьянском бунте» в «первой русской революции». Они для него — «не социалисты» и «не революционеры» [7].

Во второй год учебы он исследовал проблему крестьянского движения в годы Первой мировой войны и в 1917 г. В 1923—1924 гг. он работал в семинаре П. И. Лященко и представил на обсуждение работу о капитализации сельского хозяйства России во второй половине XIX — начале XX вв. Кроме этого, он занимался в семинарах Савина (по западной истории), Членова (по теоретической экономике), Деборина (по историческому материализму). В целом за 3 года учебы А. В. Шестаковым было подготовлено 9 работ, среди которых и такие, как «Земледельческие работы Англии в XV—XVI вв.», «Теория ценности Туган-Барановского», «Что такое общество», «Р. Оуэн» и др. [1, л. 119].

В течение учебы в институте он вел лекционную работу в Губернской партийной и Центральной профессиональных школах.

После окончания в 1924 г. Института Красной Профессуры он был назначен заведующим кафедрами истории СССР во 2-м Московском университете и в Коммунистическом университете трудящихся Востока. С 1928 г. он помогал организовать преподавание истории в Воронежском университете, одновременно являясь заместителем М. Н. Покровского в «Обществе историков-марксистов», членом редколлегии ряда журналов, в частности, «Историка-марксиста», издания «Общества старых большевиков» и руководя отделом истории в Институте национальной культуры народов Востока.

В этот период А. В. Шестаков продолжал научные исследования. Уже в 1924 г. вышла из печати его монография «Наемный труд в сельском хозяйстве России» [9].

В следующем году увидела свет его работа «Капитализация сельского хозяйства России (от

реформы 1861 г. до войны 1914 г.). В первом труде он сумел обобщить материал по докапиталистическому периоду. Второй был интересен выводами о проникновении финансового капитала в сельское хозяйство России в начале XX в., о высоком уровне развития капитализма, разложении и дифференциации крестьянства и в этой связи отрицанием устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, А. В. Шестаков заявил себя противником «теории трудового крестьянского хозяйства», отметив, что в деревне «действовал все тот же старый знакомец — капитал в различных своих фазах и формах» [10]. Эти вопросы он продолжил разрабатывать в «Очерках по сельскому хозяйству и крестьянскому движению во время войны и перед Октябрем 1917 г.» Однако, выводы были противоположными. А. В. Шестаков отметил, что «на всем крестьянстве вплоть до революции 1917 г. продолжали тяготеть результаты реформы 1861 года, которая оставила в деревне, так называемые, крепостнические пережитки». И крестьянам, по его мнению, по-прежнему необходима была «земля и воля». Столыпинское законодательство, был уверен А. В. Шестаков, еще более ухудшило положение крестьянства, содействуя «созданию в деревне «хозяев» — безземельных, безлошадных, бескоровных, полупролетариев и пролетариев». А. В. Шестаков признавался, что и в 1917 г. крестьянству в массе не были «близки большевистские лозунги», но большевики сумели «нащупать правильную линию борьбы» за него, создать союз между «мелким производителем с ведущим революцию промышленным пролетариатом» [11].

Во второй половине 20-х — начале 30-х гг. А. В. Шестаковым была подготовлена серия книг и статей по истории революции 1905—1907 гг.: в частности, по октябрьской стачке, московскому вооруженному восстанию, крестьянскому движению, в том числе, и внутри крестьянства. Автор, считая наивысшим подъемом революции, октябрьскую стачку, руководящую роль в крестьянской борьбе отводил деревенской буржуазии и делал вывод о «широком развитии в 1905-1906 гг. классовой борьбы внутри крестьянства».

А. В. Шестаков отметил, что в 1905—1906 гг. стачками были охвачены все важнейшие районы «капиталистического найма сельских рабочих» и «число стачечников составило 1-2 млн.». Это были, по мнению А. В. Шестакова, в основной массе «экономические забастовки, но они прямо воздействовали на «аграрное движение мелких производителей». Отмечал исследователь и другое — в ряде мест крестьянские выступления давали толчок выступлению «батраков». Из анализа движения сельских рабочих А. В. Шестаков впоследствии делает и политический вывод: «сельские рабочие могут сыграть роль опорного пролетарского отряда в деревне» [12].

А. В. Шестаков может быть отнесен и к историографам Октябрьской революции. В 1925 г. он подготовил две брошюры «Октябрь в деревне» и «Крестьянство в Октябрьской революции», а в 1927 г. он издал книгу «Большевики и крестьянство в революции 1917 г.», в 1928 г. — брошюру

«Советы крестьянских депутатов в 1917—1918 гг.». А. В. Шестаков сделал вывод, что крестьянству были близки лозунги эсеров. Декрет «О земле» он считал уступкой большевиков не крестьянству, а эсерам, и замечал, что большевики, хотя и «включили положение о социализации», провели на деле свое «требование национализации».

В ряде статей, опубликованных почти одновременно с указанными работами, А. В. Шестаков, охарактеризовав различные формы крестьянского движения, указал на «большую его организованность» [13, с. 27-31].

В этот же период по инициативе А. В. Шестакова Историческая комиссия Института советского строительства Коммунистической академии организовала сбор и издание материалов о крестьянских организациях 1917 г. Под редакцией А. В. Шестакова в 1929 г. вышел сборник «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации», в 1933 г. — «Комбеды РСФСР», а позже были изданы документы о деятельности комбедов в других местностях. Несмотря на отдельные недостатки в археографической обработке, эти материалы достаточно интересны и для современных исследователей.

В 1930 г. в Воронеже вышла его книга «Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма». Заметим, что период военного коммунизма исследователем определен октябрём 1917 — концом 1918 гг. В работе А. В. Шестаков впервые в советской историографии применил в изучении проблем классовой борьбы статистический метод, составив на основе подсчетов по данным различных источников ряд таблиц. Однако эти данные были недостаточно репрезентативны. В частности, ученый не учел такие важные документы, как акты приема имений и их описи. Поэтому А. В. Шестаков и сделал вывод о преобладании в процессе ликвидации помещичьего землевладения «разгромных видов движения». А. В. Шестаков преувеличил сознательность основных масс крестьянства, которые, по его мнению, под руководством партии фактически в первый год пролетарской диктатуры осуществили «черный передел», нанеся «решительный удар по кулаку».

В победе над белогвардейцами, по мнению А. В. Шестакова, главным явилась позиция середняка, который «после долгих колебаний предпочел диктатуре буржуазии диктатуру пролетариата» [14, с. 8-9].

В 30-е гг. А. В. Шестакова интересовали проблемы истории народов Советского Востока. В конце 30-х гг. была сдана в печать его монография «Восстание в Средней Азии в 1916 г. (Киргизия и Узбекистан)».

В 30-х гг. А. В. Шестаков был заместителем директора, а затем директором Музея революции СССР, а также преподавал в ряде вузов Москвы, в том числе и в Московском государственном педагогическом институте, 2 МГУ, институте национальностей, Коммунистическом университете трудящихся Востока, Институте истории партии, Институте Красной Профессуры, Институте на-

циональных культур Востока. Кроме этого по направлению Наркомпресса и Академии наук выезжал для чтения лекций в другие вузы страны (Воронеж, Свердловск, Ташкент).

Основным местом работы в конце 20—30-х гг. был Московский пединститут, где он работал профессором, а затем заведующим кафедрой истории России. Кафедра обеспечивала проведение занятий не только на историческом, но и литературном, географическом, педагогическом факультетах, а также на заочном отделении. Члены кафедры проводили лекции на общественных началах в «Лектории выходного дня» в армейских частях, в производственных коллективах, консультировали учителей школ, вели занятия в Доме пионеров. На кафедре ежегодно обсуждалось до десяти диссертаций, в том числе и из других республик СССР.

Многолетняя преподавательская деятельность имела результатом создания ряда обобщающих работ, курсов, учебников по истории СССР. В 1936 г. написанный авторским коллективом кафедры истории СССР Московского педагогического института им. В. И. Ленина во главе с А. В. Шестаковым «Краткий курс истории СССР» был признан лучшим и рекомендован в качестве учебника для 3 и 4 класса школы. Выход «Краткого курса» явился вехой, как в развитии школьного образования, так исторической науки в целом. Опубликование материалов в многочисленных изданиях, журналах, газетах давало возможность знакомиться с историей СССР всем интересующимся.

В 1937 — начале 1941 гг. А. В. Шестаков написал ряд глав для первого и второго томов учебника по истории СССР для неисторических факультетов вузов. Он был редактором и много-томных обобщающих работ «История СССР» и «Всемирная история».

А. В. Шестакова можно считать одним из организаторов системы советского исторического образования и науки. Он был редактором многочисленных газет, журналов, общих и специальных, в частности, он был первым редактором первого исторического журнала «Историк-марксист» (1926 г.), который стал трибуной пропаганды марксизма-ленинизма. За время пребывания А. В. Шестакова на посту ответственного редактора (1926—1930 гг.) было выпущено 16 номеров журнала. Каждый номер по настоянию А. В. Шестакова имел ведущую, основную тему, чаще всего приуроченную к какому-либо юбилею. Причем, тематика статей охватывала, как правило, широкий круг вопросов, в том числе, методологического, источниковедческого, историографического характера. При освещении отдельных тем, например, «Октябрьская революция» присутствовали обзоры зарубежной литературы, информация об архивных фондах, где хранились материалы по октябрьским событиям, причем события Октября не сводились только к петроградскому и московскому восстаниям. Хронологические рамки революции раздвигались до Февраля и окончания Гражданской войны.

В разработанной А. В. Шестаковым схеме присутствовали для включения в тот или иной

номер статьи, имеющие «связь с современностью в области экономики, политических событий, партийно-политических проблем, классовых отношений».

Несмотря на трудности, обусловленные и малым штатом сотрудников, и нечеткой работой издательства, и срывами предоставления материала по вине авторов, А. В. Шестакову, проявляя политическую «сознательность», требовательность, объективность (такую, какой она представлялась руководству страны), удалось сделать журнал востребованным не только историко-партийной элитой, но и из-за живого языка изложения, четких выводов и оценок, популярным среди рядовых партийцев.

А. В. Шестаков принимал участие в обсуждении важнейших проблем истории, в частности, на сессиях отделения истории и философии Академии наук СССР. Так, выступая с сообщением «О некоторых вопросах исторической науки», он принял участие в дискуссии по проблеме общественного строя Киевской Руси, охарактеризовав последний как рабовладельческий (хотя за два года до этого он говорил о феодализме).

В 1932—1934 гг. он участвовал в формировании сборников «Старый большевик». Именно под влиянием старых большевиков произошел пересмотр его взглядов о соотношении форм борьбы в крестьянском движении. А. В. Шестаков заявил, что вторая крестьянская война имела широкое развитие уже в первую революцию. Кроме этого, он отметил всемерное влияние большевиков на крестьянские массы.

А. В. Шестаков был одним из руководителей Общества историков-марксистов, где ставил на обсуждение различные проблемы истории, как теоретико-методологического, так и конкретно-исторического характера.

А. В. Шестаков внес значительный вклад в развитие советской исторической науки в период ее становления. Аграрный вопрос — основной предмет его изучения — был связан с политикой. Основной вывод его многолетних исследований — крестьянство России было готово принять революцию, а у партии имелись все предпосылки и причины для его революционного решения. Аграрная революция в России, — сделал вывод А. В. Шестаков, — явление закономерное.

А. В. Шестаков имел ряд взысканий по партийной линии: исключение из партии на 3 месяца (1920 г.), выговор за «искажение истории партии и за использование фото музея в коммерческих целях» (1935), исключение из партии за знакомство с историками — врагами народа» (1937). (Последнее комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) было отменено).

А. В. Шестаков с 1924 г. — профессор по должности. В 1935 г. Коммунистическая академия избрала его своим членом, а затем он был утвержден действительным членом института национальностей, и ему было присвоено звание профессора. В 1938 г. без защиты диссертации ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук. В 1939 г. А. В. Шестаков был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В январе 1941 г. ученый совет Московского педагогического института выступил с ходатайством перед Наркомпросом РСФСР о присвоении А. В. Шестакову звания заслуженного деятеля науки.

Научно-литературное наследие А. В. Шестакова насчитывает около 50 книг и брошюр, более 100 статей в сборниках, энциклопедиях, журналах. С учетом газетных статей, печатавшихся с 1903 г., — возможно, несколько сотен.

Скончался А. В. Шестаков 29 июня 1941 г.

Библиографический список

1. Архив МПГУ. Кадры. 1941. Л. 7.
2. Там же.
3. Шестаков А. К вопросу о борьбе за крестьянство в революции 1905 г. // Старый большевик. Сб. 2. — М., 1932. С. 27.
4. Никодимов А., Ларионов П. Крестьянское движение и аграрный вопрос. М., 1906. С. 85.
5. Дим Н. Сельский пролетариат в России. СПб., 1906; Никодимов Н. Сельские рабочие, их жизнь и борьба. СПб., 1907; его же. Стачка сельских рабочих // Вестник жизни. СПб., 1906.
6. Шестаков А. В. Причина смутных дней. М., 1913
7. Шестаков А. В. (Никодим). Бунт земли (Крестьянская революция 1905—1906 гг.). М., 1923.
8. Архив МПГУ. Л. 119.
9. Шестаков А. В. Наемный труд в сельском хозяйстве России. М., 1924.
10. Шестаков А. В. Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1925.
11. Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению во время войны и перед Октябрем 1917 г. М., 1927.
12. Шестаков А. В. Октябрьская стачка. Харьков, 1925; его же. Крестьянство в революции 1905 г. М; Л., 1930; его же. Борьба сельских рабочих в революции 1905—1907 гг. М; Л., 1930.
13. Шестаков А. В. К вопросу о борьбе за крестьянство в революции 1905 г. // Старый большевик. Сб. 2. М., 1932. С. 27-31.
14. Шестаков А. В. классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Воронеж, 1930. С. 8-9.

Московский государственный педагогический университет им. В. И. Ленина
Получено 23.10.09.

N. F. Ivantcova

THE INVESTIGATOR AND PROPAGANDIST OF HISTORICAL SCIENCE

In article, on the basis publish and archive materials, observe the course of life and scientific activity one of first soviet the professional of historic A. V. Shestakov.

**underground work, party work, armed revolt, revolution, civil war,
peasant motion, development of capitalism, agrarian question in Russia**

УДК 902

К. С. Кененсариев

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИИ ТЕРМООБРАБОТКИ МЕТАЛЛОВ В КУЗНЕЧНОМ РЕМЕСЛЕ У ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНА

В статье рассматриваются вопросы развития технологии термической обработки металлов у древнего населения Кыргызстана. На основе археологических материалов, исследованных на территории Центральной Азии, реконструируются и характеризуются основные методы металлообработки, применявшиеся мастерами-литейщиками и кузнецами в древности и средневековье. Рассматриваются такие технические приемы, как отжиг, нормализация, закалка, отпуск и цементация металлических изделий.

археологические материалы, термообработка металлов, методы изготовления и закаливания металлических изделий, технические приемы, металловедение, термообработка металлов, отжиг, нормализация, закалка, цементация, кыргызские ремесленники

Для изучения истории материальной культуры в древних и средневековых обществах на территории Центрально-Азиатского региона, в том числе разных этнических групп населения, проживавших на территории современного Кыргызстана, важное значение имеет исследование развития металлургии и металлообработки. От уровня развития обработки металлов непосредственно зависело производство наиболее важных для самозащиты и жизнеобеспечения предметов вооружения, орудий труда, транспортных средств и других металлоемких изделий, поэтому исследование методов и приемов термообработки металлических изделий, которые применялись в древности и средневековье мастерами-литейщиками и кузнецами, представляется весьма актуальным для специалистов по археологии и истории техники. Для полноценного исследования древней и средневековой металлургии и металлообработки первостепенное значение имеет использование современных методов металловедения. Важные, информативные данные о металлообрабатывающем производстве древних и средневековых этнических групп, обитавших в Среднеазиатском регионе, в т. ч. в Притяньшанье и Семиречье, получены в результате археологических раскопок и изучения сведений письменных источников [1, с. 19].

Данное исследование представляет собой попытку систематизации доступные археологические материалы и сведения письменных исторических источников, свидетельствующие об особенностях технологического процесса и уровне развития термообработки металлов, в том числе методах отжига, нормализации, закалки и цементации металлических изделий. Исследование металлических изделий из раскопок памятников культур бронзового, раннего железного веков и эпохи средневековья на территории Кыргызстана проводилось на основе металлографического анализа и измерения твердости металлов, которые позволяют определить технологические способы изготовления различных металлических изделий из цветных и черных металлов. По результатам определения структуры и твердости металлических предметом можно определить температуру их нагрева в процессе термообработки. Для получения качественных изделий древним и средневеко-

вым литейщикам и кузнецам приходилось соблюдать технологический процесс термообработки: нагрев — охлаждение — проковка — медленное охлаждение [2, с. 8-10].

Результаты проведенного исследования могут представлять интерес для специалистов, изучающих историю техники, металлургии и металлообработки в Центрально-Азиатском регионе.

В течение периодов древности, раннего и развитого средневековья, с III тыс. до н. э. по XIII в. н. э. мастерами-литейщиками и кузнецами, относившимися к разным этносам, жившими на территории современного Кыргызстана, были освоены различные технические приемы обработки цветных и черных металлов. Судя по изученным археологическим материалам и историческим свидетельствам, местные мастера-литейщики, ремесленники и кузнецы достигли довольно высокого уровня развития в области бронзолитейного производства и железоделательной металлургии и металлообработки: в течение рассматриваемого хронологического периода кардинально изменились конструкции медеплавильных и железоплавильных печей с непрерывной подачей воздуха в плавильном горне; в процессе технических поисков была получена белая сталь, обладающая высокими механическими свойствами для изготовления оружия: сабель, кинжалов, мечей; в области металлообработки возросло качество владения кузнечной ковкой, сваркой, штамповкой. На территории современного Кыргызстана исследованы памятники древних кочевых и оседлых народов: носителей андроновской культурной общности, саков и усуней, номадов кенкольской культуры, древних тюрок и тюркешей, согдийцев, карлуков, в которых были найдены следы металлургического производства и самые разнообразные металлические предметы, которые могут служить ценным источником по истории металлургии и металлообработки [3, с. 40-50, 91-93].

Средневековые кузнецы, жившие на территории Притяньшанья, Семиречья, также как и обитавшие в сопредельных районах Центральной Азии, освоили многие, достаточно совершенные для своего времени технические приемы обработки металлов и изготовления металлических изделий. В эпоху раннего средневековья в Централь-

но-Азиатском регионе славились своими техническими навыками енисейские кыргызские мастера, научились изготавливать изделия достаточно сложных конструкций: стрелы с трехлопастными наконечниками, двусоставные удила с эсобразными псалями с изогнутым стержнем и фигурными окончаниями, многокомпонентные защитные доспехи и другие трудоемкие изделия из железа и стали [4, с. 94]. Кыргызские мастера-ювелиры на Среднем Енисее делали из благородных металлов высокохудожественные и технически сложные для изготовления ювелирные изделия [5, с. 329]. В течение изучаемых периодов древности и средневековья литейщики и кузнецы в оседлых оазисах Притяньшанья и Семиречья овладели художественным, восковым и сложным литьем; а в области термической обработки черных металлов – отжигом, нормализацией, закалкой, отпуском, цементацией и другими сложными приемами обработки железных предметов [1, с. 51].

На основании найденных к настоящему времени в процессе раскопок археологических материалов и сведений письменных источников необходимо систематизировать все доступные данные о том, каков был уровень развития термообработки металлов у древних и средневековых кузнецов, проживавших в периоды поздней древности, раннего и развитого средневековья на территории Тянь-Шаня, Семиречья и других районов Кыргызстана.

В ходе постоянной практики древние и средневековые мастера-литейщики и кузнецы, работавшие в Притяньшанье, смогли убедиться, что при свободной ковке значительно повышались механические свойства — прочность, твердость медных изделий, однако снижалась пластичность и повышалась хрупкость. Для повышения пластичности производилась термическая обработка сплава меди отжигом при температуре 500-800 °С. Эффективность этого технологического процесса подтверждается современными исследованиями ученых-металлургов. В процессе современных опытов в деле отжига сплава меди было доказано, что происходит перекристаллизация и создается качественно новая структура, появляются новые равноосные полиэдрические кристаллы и двойники, снимается внутреннее напряжение, что позволяет продолжить дальнейшую горячую ковку. В процессе дальнейшей горячейковки медных изделий, содержащих в своем составе свинца более 0,3-0,05%, висмута 0,005%, а также олова и алюминия, увеличивалась краснеломкость, что приводило к разрушению поверхности, поэтому древние кузнецы, хорошо знавшие об этом процессе, обработку производили в холодную с последующим отжигом [2, с. 40-42].

Процесс отжига является древнейшим видом термической обработки, освоенным мастерами-литейщиками в Притяньшанье и Центральной Азии. Как отметили по этому поводу в своем обобщающем исследовании Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, древние металлурги, знали и умели применять технологию металлообработки в Семиречье уже в III тыс. до н. э. [6, с. 248]. Древние мастера применяли оригинальные способы обра-

ботки для изготовления тонкостенных и черешковых видов оружия и орудий труда: кельтов, наконечников копий и стрел, тесел-долот, кинжалов с художественным оформлением рукояти — изображениями лошадей и архаров. Термическую обработку отжигом производили при изготовлении тесел, кельтов, долот, наконечников копий и стрел, ножей, серпов-косарей, крючков, булавок и других орудий труда и предметов вооружения. Отжиг применяли в процессе обработки: сплава железостальных изделий для снятия внутренних напряжений наклепа; для улучшения механических свойств — повышения пластичности, уменьшения хрупкости, улучшения обрабатываемости материала при свободной ковке и «штамповке».

При отжиге в структуре металла происходит распад аустенита, его превращение в перлитные структуры, улучшается структура металла для последующей термической обработки. Отжиг кузнецы использовали при изготовлении стальных инструментов, для этого температуру нагрева доводили до 720-920 °С, с последующим медленным охлаждением сначала в золе с жжеными костями барана при температуре 50-100 °С, а затем — на воздухе; при изготовлении разных видов оружия из легированных сталей температуру доводили до 780-940 °С, также с последующим медленным охлаждением — сначала в бараньей золе, а потом — на воздухе. На основании металлографических анализов вышеперечисленных найденных изделий, проведенных Д. В. Наумовым [7, с. 146] и Н. В. Рындиной [8, с. 20-25], было доказано, что древние мастера отжиг производили послековки, литья и штамповки изделий. Структура большинства металлических предметов после отжига обладала свойством перлита, а также «перлита с включением феррита и цементита с включением перлита. Содержание углерода составляло 0,3-0,8%, при зернистой форме перлита, пластинчатой форме цементита и объемной форме феррита, твердость достигала HV 50-140. Нормализацию применяли для повышения механических свойств сплавов железных изделий, повышения пластичности и вязкости, подготовки структуры металла к последующей термической обработке. Температуру нагрева доводили до 720-900 °С в зависимости от содержания углерода в составе сплава. В сплаве с высоким содержанием углерода температура нагрева была 720-780 °С, с низким содержанием углерода — 850-900 °С, с последующим охлаждением на воздухе. Согласно имеющимся этнографическим сведениям, полученным от информаторов, после завершения свободнойковки и нагрева, кыргызские кузнецы давали изготовленные сабли и мечи своим мальчишкам, которые скакали на большой скорости на жеребцах-однолетках, размахивая оружием, тем самым медленно охлаждая на воздухе эти изделия. Нормализацию кузнецы-оружейники применяли для изготовления изделий типа сабель, мечей, кинжалов, топоров, тесел, кос, серпов и некоторых других изделий после процесса литья. Структура большинства изделий показала мелкопластинчатый перлит, мелкозернистый феррит, перлит с включением феррита, твердость их составляла HV

97-230. С древних времен была известна закалка железных изделий. Как отметил по этому поводу в своем труде средневековый среднеазиатский ученый Ал-Бируни: «При закалке клинок обмазывают горячей глиной, свежим коровьим пометом и солью, приготовленными в смеси, прокаливают его в горне, когда эта смесь закипает, его поливают водой, счищают смесь с его поверхности» [9, с. 237]. Закалку стальных изделий производили для получения высокой твердости, температура нагрева достигала 720-980 °С в зависимости от содержания углерода в изделии. В изделиях с низким содержанием углерода температура достигала 920-980 °С, с высоким содержанием углерода — 720-860 °С. Закалку производили с последующим быстрым охлаждением в воде, масле, моче и жире животных. Изделия с высоким содержанием углерода 0,6-0,8% имели высокую твердость до HV 690, с низким содержанием углерода 0,08-0,1% получали твердость до HV 290. Однако, изделия, имеющие высокую твердость, обладали низкой пластичностью и вязкостью, поэтому были хрупкими и не выдерживали ударную нагрузку. Во избежание этого, древние кузнецы производили отпуск после закалки, при этом уменьшались твердость и хрупкость, повышались пластичность и упругость, износоустойчивость и снижалось внутреннее напряжение. Из них изготавливались такие изделия как режущие части топоров, ножи, зубила, наконечники бронебойных стрел. Большинство изделий, изготовленных из кричного железа и сырцового стали (наковальни, клещи, гладильни, подковы, удила, стремена, шила, цепи, пряжки, наручники) имели структуру феррита, представляющего собой твердый раствор с содержанием углерода до 0,07% и других компонентов: железа, имеющего в микроструктуре кристаллическую кубическую решетку, образующуюся после свободнойковки, литья и штамповки в интервале температур 650-900 °С и 1400-1530 °С. Твердость изделий составляла HV 90-135. Многие изделия, изготовленные из сырцового стали и мягкого железа, с применением свободнойковки, кузнечной сварки, штамповки и литья (крицы, заготовки, скобели, нерабочие части молотков, бородки, тесла, стремена, лемеха, кетмени, лопаты, кирки, гвозди, накладки, скобы, пряжки) имели структуру перлита и феррита, перлита с включением феррита, содержащие углерод в интервале 0,1-0,8%. Твердость изделий составляла HV 110-285.

Многие изделия типа скоб, колец, пряжек, гвоздей, кирок, накладок, цепей имели структуру перлита, состоящего из частиц цементита и феррита, обладающих пластинчатой и зернистой микроструктурой. Как известно, структура металла зависит от содержания углерода до 0,8%. Данные структуры образовывались после свободнойковки, штамповки в интервале температур 650-720 °С, твердость составляла HV 150-220. Металлографический анализ некоторых найденных изделий (кресал, ножей, серпов и др.) показывает структуру металла — мелкозернистый сорбит, перлит с включением сорбита, представляющих собой механические смеси феррита и цементита с

содержанием углерода 0,2-0,7%, которая образовывалась, при ускоренном охлаждении в интервале температур 600-700 °С. После закалки осуществляли высокий отпуск, твердость составляла HV 260-325. Другой способ получения структуры сорбита — путем прерывистой закалки, когда после закалки изделия ускоренно охлаждались в воде, а затем медленно охлаждались в жире или моче животных в интервале температур 200-250 °С [10, с. 124-132].

Изделия типа режущих частей зубил, топоров, стамесок, мечей, сабель и др. имели структуру троостита, обладающего более мелкозернистой микроструктурой, чем сорбит, образующейся при ускоренном охлаждении в воде в интервале температур 350-550 °С. После закалки осуществляли средний отпуск, твердость составляла HV 300-400.

Изделия типа кресал, ножей, режущих частей топоров, сабель, мечей, ножей имели структуру мартенсита, представляющего собой твердый раствор углерода и феррита, имеющего кристаллическую решетку игольчатого вида, образующуюся, в процессе быстрого охлаждения в воде или моче животного в интервале температур 150-250 °С. После закалки кузнецы осуществляли низкий отпуск, твердость составляла HV 420-644.

Цементацию применяли при производстве наконечников стрел и копий, ножей, резцов, односторонних и двусторонних поверхностей режущих частей топоров, пластинчатых заготовок для поверхностного насыщения изделия углеродом, получения высокой поверхностной твердости и износоустойчивости, повышения усталостной прочности и снятия хрупкости. Ее производили с помощью карбюризатора в интервале температур 900-950 °С. Технологию цементации древние кузнецы осуществляли в тиглях и глиняных горшках. В качестве карбюризатора использовали древесный уголь, стружки, рога оленей, диких коз и других животных, соду, поташ, углекислую соль и древесные опилки. начале насыпали слой карбюризатора, слегка утрамбовывали, укладывали очищенные изделия, между ними вновь насыпали слой карбюризатора, утрамбовывали его. Процедуру продолжали до заполнения тигля или глиняного горшка до верхнего края, который покрывали слоем карбюризатора, плотно утрамбовывали, закрывали крышкой и обмазывали смесью огнеупорной глины с песком, загружали в кузнечный горн, нагревали до необходимой температуры с выдержкой времени в пределах от 1 до 10 часов. Для защиты некоторых поверхностей от цементации, их перед укладкой в тигель обмазывали сметанообразной смесью. В состав смеси входили свинцовый сурик, песок, глина, бура, глиноземы и другие материалы. При сплошной цементации наружной поверхности изделие становилось высокоуглеродистым, твердым и износоустойчивым. Твердость поверхности достигала HV 500-650, а внутренняя часть низкоуглеродистой стали приобретала мягкость и вязкость, твердость в сердцеvine составляла HV 250-320. Технологию закалки древние кузнецы производили в зависимости от вида изделия: 1) сплошная — когда вся поверхность изделия нагревалась и охлаждалась

в мочевиной и водяной ванне; 2) струйная — когда только режущая часть нагревалась и охлаждалась обрызгиванием водой, мочой или на снегу; 3) прерывистая — изделие нагревалось и быстро охлаждалось в воде, затем производилось медленное охлаждение в масле; 4) закалка с самоотпуском — нагревалась и быстро охлаждалась в воде только режущая часть изделий. Вынув из воды, другую часть нагревали до появления определенного цвета каления: изделие соломенно-желтого цвета (220-240 °С) обладало высокой твердостью; оранжево-красно-фиолетового (240-280 °С) — обладало средней твердостью; синего (280-300 °С) — низкой твердостью. Нагревалась вся поверхность изделий, охлаждалась в мочевиной ванне только не режущая часть, затем нагревалась режущая часть до необходимого цвета каления. Единственным критерием определения температуры в процессе термической обработки у древних кыргызских кузнецов было изменение цвета каления металла при нагреве, обусловленное превращением тепловой энергии в энергию лучистую. Они зрительно улавливали цвет каления в промежутке температур в 20-300 °С за короткое время в течение 0,02-1,5 минут. Температуру нагрева в процессе термической обработки определяли по цвету каления: желтый — 220-240 °С; оранжевый — 240-260 °С; коричнево-фиолето-

вый — 260-280 °С; синий — 250-300 °С; сине-желтый — 350-400 °С; бледно-желтый — 430-450 °С; соломенно-желтый — 460 °С; буровато-желтый — 500 °С; буровато-красный — 580-650 °С; темно-красновато-вишневый — 650-720 °С; вишневый — 720-780 °С; светло-вишневый — 780-830 °С; красный — 830-900 °С; светло-красный — 900-1050 °С; желтый — 1050-1150 °С; светло-желтый — 1150-1250 °С; белый (сталь) — 1250-1300 °С и выше [11, с. 50-53].

В заключение отметим, что, начиная с III тысячелетия до н. э. и вплоть до рубежа эпохи раннего железа, у населения Кыргызстана пользовались широким спросом различные принадлежности костюма, конского убранства бытовые орудия и ударно-колющие предметы вооружения, изготовленные из медных сплавов. Древние литейщики при обработке изделий из сплава меди применяли отжиг для повышения механических свойств изделий. В последующие периоды раннего железного века и эпохи средневековья кузнецы, жившие в Притяньшанье и Семиречье освоили другие виды термической обработки изделий из железа: нормализацию, улучшение, закалку, отпуск и цементацию. Все это свидетельствует о достаточно высоком уровне развития металлообрабатывающего ремесла у населения Кыргызстана в древности и средневековье.

Библиографический список

1. Савельева Т. В., Зиняков Н. М., Воякон Д. А. Кузнечное ремесло северо-восточного Семиречья. Алматы, 1998. 128 с.
2. Бочвар А. А. Металловедение: Учебник для металлургических и технологических специальностей. М., 1956. 495 с.
3. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1952. № 26. 346 с.
4. Худяков Ю. С. Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995. 188 с.
5. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. 319 с. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. №9. 362 с.
6. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. 319 с.
7. Наумов Д. В. Производство и обработка древних медных бронзовых изделий Минусинский котловины // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963. С. 146.
8. Рындина Н. В. Древнейшие металлообрабатывающие производства Восточной Европы. М., 1971. 143 с.
9. Ал-Бируни. Минералогия. М., 1963. 342 с.
10. Кененсариев К. С., Ормонбеков Т. О. Древние кыргызы: металлургия и металлообработка. Бишкек, 2005. 152 с.
11. Филинов С. А., Фиргер И. В. Справочник термиста. М., 1969. 320 с.

Кыргызский технический университет им. И. Раззакова
Получено 17.10.09.

K. S. Kenensariev

THE DEVELOPMENT OF TECHNOLOGY PROCESSING OF METALS AT THE FORGEIN TRADE AT ANCIENT AND MEDIEVAL POPULATION OF KIRGHIZIA

The metals thermal development technology of ancient Kyrgyz people on the basis of archeological materials, found at the territory of Euro Asia: annealing, normalization, hardening, tempering and cementation.

archaeologic materials, thermal processing metals, method of making and hardening the metallic of articles

УДК 902

В. Г. Крашенинина

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО МОНГОЛИИ В XX ВЕКЕ

В статье, на основе опубликованных материалов, освещаются изменения, произошедшие в государственном устройстве и социальной структуре монгольского общества на протяжении XX века, их особенности и причины этих изменений.

Монголия, государство, феодальное общество, структура общества, сословие, кочевники, буддизм, лама

В двадцатом веке Монголия совершила «прыжок» из феодального общества в социалистическое, минуя стадию капитализма, а затем — не менее стремительный «прыжок» из социализма в капитализм. Кардинальные изменения в технике, экономике, политике, социальной и политической жизни общества, которые затронули почти все страны мира, пожалуй, в наибольшей степени сказались в этой центрально-азиатской стране, подвергшейся этим переменам в максимальной степени.

Вплоть до начала XX века Монголия оставалась страной кочевников. В свое время маньчжурские завоеватели, подчинив себе Монголию, не затронули основ ее социального строя. Классовая структура монгольского общества, существовавшая до потери страной независимости, сохранилась и при маньчжурах. Они подтвердили все привилегии монгольских феодалов, в основе которых лежала полная собственность князей на основное средство производства — землю. Хотя существовали крупные монастыри, рядом с которыми строились жилые дома, возникли городские сооружения, развивались ремесла и торговля связанные, правда, по большей части с оседавшими здесь иностранцами. Монгольские правители установили для монгольских феодалов новые звания и новый табель о рангах. Сохранив титул ханов, они учредили шесть княжеских степеней, которым дали маньчжурское наименование. Для каждой из этих степеней были введены особые знаки различия и церемониальные одежды.

Сложная система различий и привилегий должна была затруднить объединение монгольских князей и перевести их на положение чиновников, благополучие которых целиком зависело от расположения и милостей императора [1, с. 117].

Маньчжурские власти не забыли и беспоместных дворян — тайджи, составлявших довольно значительную часть класса монгольских феодалов. Они выделили каждому невладельческому князю и тайджи известное число аратских семейств за счет крепостных владетельных князей. Семьи, прикрепленные к князьям и тайджи, составили особое сословие — «хамджилга».

«Хамджилга» были обязаны служить пожизненно своим новым хозяевам и их потомкам, к которым переходили вместе с имуществом умершего. В то же время они могли быть проданы своими господами, подарены или отданы в ламы. По закону хамджилга выделялись «для разных домашних прислуг и других употреблений»; они использовались своими хозяевами на пастьбе, в извозе и на других работах. Хамджилга не имели

права отказаться ни от какой работы, предложенной им феодалами. Вместе с тем, хамджилга были свободны от каких либо повинностей в пользу хошунных дзасаков и не привлекались к военной службе, продолжая во время войны обслуживать своего господина и его семью [1, с. 118].

В распоряжении дзасаков находилась самая большая часть аратства, представлявшая сословие, члены которого выполняли повинности как хошунские, в пользу дзасаков, так и общемонгольские, в пользу маньчжуров. Это сословие называлось «албату» (Албан — налог, подать, повинность; албату — люди, обязанные вносить налоги, подати и выполнять повинности.)

Главной обязанностью албату было содержание дзасака и членов его семьи.

Сословие шабинаров подчинялось лишь власти своего церковного князя. Шабинары были наследуемыми крепостными церковных феодалов, они обладали правом своеобразной экстерриториальности и могли быть судимы лишь судами церковных феодалов.

Развитие товарно-денежных отношений и их проникновение в степь, в монгольские кочевья, повлекло за собой появление монгольского купечества, занимавшегося обменом скота, пушнины и другого сырья на чай, табак, текстильные и другие товары. Торговлей занимались по преимуществу мелкие и средние чиновники параллельно со своими основными обязанностями. Особенностью этого купечества было то, что оно не играло в экономике страны сколько-нибудь заметной и самостоятельной роли, так как было, как правило, подчинено китайским фирмам, по поручению которых вело торговлю.

Привилегированным сословием в стране было ламство. Верующие отдавали одного из своих сыновей в монастыри. Там с семилетнего возраста они начинали жизнь лам. В дальнейшем им предстояло пройти ряд ступеней монашеского посвящения.

Первая ступень — баньди — была непременной для каждого будущего ламы. В течение десяти лет баньди под руководством учителя (бакши) должен был постигать ламаистскую обрядность, изучать тибетские молитвы и свои обязанности.

В возрасте от 15 до 30 лет молодой лама мог подняться на ступень выше и подготовиться к принятию обетов гецуля. Степенью гецуля, как правило, заканчивалось продвижение простого ламы по лестнице церковной иерархии.

Низшие ламы, чуть ли не с пеленок воспитанные в духе беспрекословного подчинения начальству, служили послушным орудием в ру-

как ламской верхушки, которая с их помощью осуществляла свое воздействие на аратство Монголии.

После революции 1911 года в Китае, частью которого была в то время Монголия, создавались условия для возникновения самостоятельного монгольского государства, во главе которого стал самый уважаемый в то время в стране человек — духовный глава монгольских буддистов.

После провозглашения независимости в 1911 году [2, с. 13] Монголия превратилась в феодально-теократическую монархию. Глава ламаистской церкви получил светскую власть. Однако существенных изменений в социальной структуре не произошло. В монгольском обществе, как и прежде, существовала огромная армия лам. В 1918 году здесь было более 700 монастырей, насчитывавших 100 тыс. лам, что составляло шестую часть населения страны [3, с. 10]. Ламы не участвовали в общественном труде и находились на изживании народа.

Пользуясь тем, что на ханском престоле оказался глава церкви, духовные феодалы стали теснить светских феодалов, занимая наиболее выгодные места. Присваивая себе большую часть феодальных доходов. Помимо огромной армии лам сложилось в основном два класса — феодалов и крепостного аратства. Феодалы владели землей, то есть пастбищами, араты, их крепостные — небольшим количеством скота и примитивными орудиями труда. Они продолжали делиться на сословия хамджилга, шабинаров и албату. Бесправное при маньчжурах аратство осталось бесправным и при богдо-гэгэновском правительстве.

По-прежнему каждое крестьянское хозяйство обязано было в порядке повинности отдавать господину, к которому оно прикреплялось из поколения в поколение, определенную часть скота и продуктов, нести расходы в связи с рождением, свадьбами, похоронами, перекочевками феодалов. Кроме того арат выполнял воинскую повинность и возил почту, снабжал продовольствием чиновников. Феодалы раздавали аратам свой скот на выпас, то есть фактически вводили отработочную ренту [4, с. 3].

Вместе с тем, в начале XX века все заметнее становится дальнейшее расслоение внутри закрепощенного крестьянства. На одном полюсе сосредоточились зажиточные крестьяне, занимавшиеся помимо скотоводства торговлей и разного рода промыслами, а на другом — бедняки, животноводческое хозяйство которых не обеспечивало их средствами к существованию.

В 1921 г. в стране произошла народно-демократическая революция, в результате которой была установлена ограниченная монархия: власть богдо-Гэгэна и аристократии была сильно уменьшена, а также создано народное правительство. В 1922 г. оно отменило привилегии и круговую поруку, уравнило в правах феодалов и трудящихся, ликвидируя крепостную зависимость аратов и устанавливая равенство сословий перед законом. Социально-экономические мероприятия, проведенные в 1922-1924 гг. под руководством МНРП, содействовали укреплению народного государства

и создали необходимые условия для провозглашения республики.

Первый Великий Народный Хурал, открывшийся 8 ноября 1924 года, принял исторические решения, в которых были сформулированы политические и экономические задачи страны.

26 ноября 1924 года Великий Народный Хурал утвердил первую в монгольской истории Конституцию, которая провозгласила Монголию Народной Республикой.

Конституция МНР 1924 г. включала введение и шесть глав. Монголия объявлялась независимой Народной Республикой, в которой вся власть принадлежит народу [5]. В Конституции нашли свое отражение задачи некапиталистического пути развития страны к социализму с помощью первого в мире Советского социалистического государства.

Государство принимало на себя руководство экономической политикой, постепенно вводя монополию внешней торговли.

Вся полнота высшей государственной власти по Конституции принадлежала народу в лице Великого Народного Хурала, в период между его сессиями — Малому Хуралу, а в период между сессиями последнего — Президиуму Малого Хурала и правительству совместно.

Антифеодальный этап монгольской революции, который начался в 1921 году, был в основном завершен в 1940 году. Главным итогом этапа были ликвидация феодальных отношений и вытеснение торгово-ростовщического капитала, с одной стороны, и зарождение социалистического сектора в народном хозяйстве, создание основ для некапиталистического пути развития — с другой [6, с. 181]. В Конституции МНР, принятой в 1940 году было записано: «Монгольская народная Республика есть независимое государство трудящихся (аратов-скотоводов, рабочих и интеллигенции) [6, с. 181]. Новая конституция законодательно закрепила завоевания и успехи, достигнутые Монголией за период с 1924 по 1940 г., ознаменовала собой дальнейшую демократизацию государственного управления, отразила успехи в развитии МНР по пути к социализму.

Основной целью общественного производства, развития всего народного хозяйства республики Конституция объявляла неуклонный подъем материального благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Конституция МНР зафиксировала наличие трех форм собственности; государственной, кооперативной и частной собственности граждан, основанной на личном труде. Конституция указывала, что «вся земля и ее недра — леса, воды и их богатства, фабрики, заводы, шахты, рудники и т. д. — являются собственностью государства, т. е. всенародным достоянием. Частная собственность на них не допускается» [7].

В Конституции излагались основы государственного устройства МНР, ее избирательной системы.

Конституция провозглашала полное равенство граждан МНР независимо от их имущественного положения, образования, пола, национальности,

вероисповедания, кочевого или оседлого образа жизни, фиксировала и те изменения, которые произошли в социальной структуре.

Новая Конституция фиксировала руководящую роль МНРП. Статья 95 гласила: «Наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочих, трудящихся-аратов и интеллигенции объединяются в Монгольскую народно-революционную партию, являющуюся передовым отрядом трудящихся в борьбе за укрепление и развитие страны по некапиталистическому пути, в партию, представляющую ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

Конституция предоставила гражданам МНР права на труд, отдых и образование, право избирать и быть избранным во все органы народной власти страны.

Успешное завершение общедемократического этапа монгольской революции явилось наглядным историческим доказательством возможности перехода отсталых стран от феодализма к социализму, минуя капитализм.

Об укреплении общественного и государственного строя в МНР свидетельствовало решение IX Великого Народного Хурала (февраль 1949 г.) о дальнейшей демократизации избирательной системы путем закрепления принципа всеобщих выборов и замены не вполне равных избирательных прав равными, многостепенных выборов — прямыми, открытого голосования — тайным. Это расширило демократические права трудящихся МНР и открыло возможности для широкого участия трудящихся в управлении государством.

Таким образом, был сделан шаг по пути дальнейшей демократизации народного государства.

Вторая половина пятидесятых годов ознаменовалась победой социалистических производственных отношений в народном хозяйстве Монголии, дальнейшими успехами в развитии экономики, культуры, принятием 6 июля 1960 года новой Конституции. Во введении к Конституции определялась цель Монгольской Народной Республики — «завершить социалистическое строительство и построить в дальнейшем коммунистическое общество [8, с. 491]. Новая Конституция закрепила социалистические принципы общественно-экономического устройства МНР, возрастание роли государства в хозяйственном отношении, господство социалистической собственности в двух формах: государственной и кооперативной; расширила конституционные права граждан МНР.

Основные функции государства внутри страны определялись как хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная деятельность, а в области внешней деятельности — укрепление дружбы и сотрудничества с социалистическими странами и обеспечение мира и дружбы со всеми народами.

Все граждане МНР, достигшие 18-летнего возраста, получили равные возможности для участия в государственной, экономической, культурной и общественно-политической жизни страны.

Коренные изменения в социально-классовой структуре монгольского общества — один из главных результатов некапиталистического развития МНР. Вырос рабочий класс. Рабочие вместе с чле-

нами их семей к середине 80-х гг. составлял 41,3%. Исторические перемены произошли в сельском хозяйстве. В конце 50-х годов основная масса единоличных аратских хозяйств — 99,6 % — была скооперирована в сельскохозяйственные объединения (СХО), или кооперативы [9, с. 136]. Выросла и окрепла народная интеллигенция.

Вместе с тем, Конституция 1960 года законодательно закрепила победу социализма в МНР. А это означало, что вся экономика страны контролировалась государством и принадлежала ему, а сельское хозяйство строилось по советской модели. По этой же модели развивались политическая структура и социальные отношения. Монголия оказалась под сильным влиянием СССР, без ведома и согласия руководителей которого местные власти, как правило, не принимали сколь угодно важных решений.

Конец 80-х годов прошел в Монголии под знаком серьезного и всестороннего кризиса. Непопулярная власть, лишившись поддержки советского руководства, которое было занято решением своих внутренних проблем, стала быстро сдавать позиции. В стране формировалась оппозиция, активизация которой, а также широкое движение за демократические реформы привели к кардинальным преобразованиям в стране. В 1990 г. в стране начались массовые антисоциалистические выступления, что положило начало проведению буржуазно-демократических реформ. Монголия стала единственной азиатской страной, которая решительно отказалась от социалистического строя и начала строительство буржуазно-демократического капиталистического общества.

Начало 90-х годов проходило в обновленной Монголии под знаком многопартийного плюрализма. Широким фронтом шла приватизация, создавались мелкие и средние частные предприятия, была сокращена армия, энергично росло национальное самосознание. Эти изменения нашли отражение в новой Конституции Монголии, принятой 13 января 1992 года. Процесс принятия Конституции был весьма своеобразным, что, было обусловлено историческими и иными особенностями страны. С одной стороны, Монголия (как и государство Восточной Европы) закрепила в своей новой Конституции движение к капитализму, допустив существование любых форм общественной и частной собственности. С другой стороны, историческая особенность Монголии состоит в том, что она не прошла стадию капитализма: ее развитие ранее происходило от феодализма, минуя капитализм, к социализму.

Четвертая по счету, конституция Монголии закрепила отказ от социализма и первые результаты буржуазно-демократических реформ [10]. По мере проведения этих реформ в конце XX века начинаются изменения в социальной структуре. Осуществление приватизации, создание мелких и средних предприятий ведет к появлению новых собственников. Рынок заметно оживил торговлю и все больше монголов занимаются этим видом деятельности. Восстанавливается монастырская инфраструктура. Таким образом, наряду с такими сложившимися группами населения, как ра-

бочие, араты и интеллигенция вновь появляются частные предприниматели, торговцы, увеличивается количество новых лам и возрождаются утраченные нормы и ритуалы монголо-тибетского буддизма.

Таким образом, в Монголии в начале 90-х годов произошел новый коренной переворот в исторической судьбе ее народа.

Библиографический список

1. Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.
2. Современная Монголия», 1934, № 1.
3. Низовцев Б. Е. Под флагом с «золотым соёмбо». М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.
4. Кривель А. М. Какая она, Монголия — М.: Политиздат, 1982.
5. Основной закон (Конституция) МНР и приложения: Монгольское законодательство. Вып. 1. У.Б., 1928.
6. Очерки истории Монгольской народно-революционной партии. — М., 1971.
7. Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики. — М., 1952.
8. История Монгольской Народной Республики. — М., 1983.
9. Иваненко В. И. Подвиг героев — судьба страны. МНР: люди и годы: Докум очерки. — М.: Политиздат, 1986.
10. Новые конституции стран Восточной Европы и Азии (1989-1992): Сборник конституций / Под ред. Д. Л. Златопольского. — М., 1996.

Горно-Алтайский Государственный университет
Получено 03.11.09.

V.G. Krasheninina

THE SOCIETY AND THE STATE OF MONGOLIA IN XX CENTURY

In article, on the basis publish of materials throw light the society and the state of Mongolia in XX century.

Mongolia, state, feudal society, structure of society, estate, nomads, buddism, lama

УДК 902

А. В. Лемов

**РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
В ГОРНОМ АЛТАЕ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

В статье, на основе опубликованных и архивных материалов рассматриваются вопросы послевоенной работы по ликвидации детской беспризорности, устройству детских домов, интернатов, детских санаториев и домов престарелых (на примере Горного Алтая).

Горный Алтай, система социального обслуживания, детская беспризорность, детский дом, интернат, лечебные учреждения, санаторий, дом престарелых

Сложной и трудно решаемой задачей для любого государства была и остается борьба с беспризорностью. За годы войны огромное количество детей потеряло родителей, государство принимало немало мер, чтобы определить их в детские дома. Но их не хватало. Поэтому дети скапливались в «приемниках-распределителях», в которых из-за переполненности трудно было обеспечить им нормальные жизненные условия. В силу этого, многие покидали их, и продолжали свои скитания по стране. Со временем немалая часть беглецов вновь оказывалась в распределителях, но в удручающем состоянии: многие из них находились в крайней степени истощения. Такие дети сразу же направлялись в больницы, но те, из-за недостатка средств, не всегда могли оказать им необходимое лечение и питание [1, с. 82].

Немало беспризорников скопилось за годы войны в Горном Алтае. Местное руководство, в принципе, оперативно решало задачи, связанные с их размещением. Проблемы, вставшие в связи с этим, были те же, которые были присущи стране в целом. Несмотря на послевоенные трудности,

государство находило средства, чтобы устроить жизнь детей, оставшихся без родителей. Значительные суммы на эти цели получала и наша область. Но, как ни странно, они не всегда расходовались в полном объеме. Так, в 1949 г. на мероприятия, связанные с «борьбой с беспризорностью», остались не израсходованными в целом по области 180,7 тыс. рублей, в том же году 68,1 тыс. рублей по статье «патронаж». Но вины работников нашей социальной сферы в этом не было. Дело в том, что выделенные области средства не всегда поступали во время и в полном объеме. Например, в том же, 1949 г. ее социальная сфера была профинансирована только на 94% [2, л. 24, 27].

Несмотря на сложности с финансированием, работа по «устройству» детей, оставшихся без родителей, налаживалась, с той или иной степенью результативности. Больше всего нареканий вызывала работа удаленных от областного центра детских домов. Чтобы держать ее под контролем, руководство области рекомендовало проводить в них регулярные проверки. Однако из-за бездорожья, отсутствия транспорта и средств на коман-

дировки проводить их систематически не удавалось. Потому-то проверки в отдаленных детских домах проводились эпизодически. Больше «внимания» уделялось тем, до которых можно было добраться без труда. Одним из таковых был Манжерокский детдом, в котором проживало 100 воспитанников. Но подобная «забота» не всегда способствовала улучшению его работы. Не своевременное финансирование зачастую становилось причиной «нарушений в его деятельности», особенно в обеспечении детей продуктами питания. Именно их в очередной раз выявила проверка, проведенная в детдоме в период с 1 сентября по 15 декабря 1949 г.

Из результатов проверки явствует, что нормы питания, установленные постановлением Совета Министров от 18 мая 1949 г. №2004 в большинстве своем (в 10 случаях из 15) не исполнялись, причем не по вине работников детдома. Просто продукты ему были недоставлены. В результате нехватки, дети не получили в должном объеме именно те продукты, от которых зависит полноценное развитие их организма. В числе их значатся в акте сахар, рыба, масло сливочное, яйца, молоко и молочные продукты. Подобная ситуация с обеспечением детей продовольственными товарами складывалась и не только в Манжерокском детдоме, но и во многих других детских учреждениях области, особенно расположенных в отдаленных от города аймаках. Главная причина такого положения в них заключалась, как уже указывалось выше, в недофинансировании детских учреждений области. К примеру, детские дома были профинансированы в 1949 г. всего на 82%.

Неудовлетворительное финансирование детских домов объяснялось тем, что доходная часть областного бюджета в 1949 г. исполнялась очень напряженно и, как следствие этого, было несвоевременное финансирование детских домов. Продукты же для них часто приобретались на рынке и в колхозах по ценам гораздо выше государственных, что вынуждало их расходовать на питание большие суммы, чем им отпускало на это государство. Расходы на эти цели снижались лишь у тех, кто имел свои подсобные хозяйства.

Не вполне нормально, о чем уже упоминалось выше, обстояло дело и с питанием в интернатах. Главная причина этого — отсутствие необходимых продуктов, вследствие плохой работы торговой сети. Так, в первую четверть 1953 г., во многих из них кроме манной крупы, никаких других круп не было. Почти повсеместно отсутствовали компоты, кисели и т. д. Правда, установленная в денежном выражении норма питания (6 руб. 12 коп. в день) соблюдалась. К сожалению, это достигалось путем замены особо ценных и высококалорийных продуктов, менее ценными в белковом отношении продуктами. Но постоянный недостаток необходимых витаминов и белковых продуктов негативно сказывался на развитии детских организмов, что неоднократно фиксировалось в актах проверки работы интернатов. Отмечали они и сохранение в интернатах неблагоприятных жилищных условий. Таковые, согласно заключению комиссии, сохранялись в 1953 г.

в 39 интернатах области. Так, в Курундинском интернате на одного воспитанника приходилось всего по 0,85 кв. м. площади. По-прежнему в них не хватало кроватей, умывальников, предметов первой необходимости. Например, на 29 человек, проживавших в Саратанском интернате, имелось всего 5 полотенец, совершенно не было простыней и подушек [3, л. 15-17,19]. Еще одной из проблем являлось отсутствие стекла, это сильно осложнило проблему с освещением помещений. Заниматься, готовить уроки можно было только в дневное время. «Световая проблема», по заключению комиссии, весьма отрицательно сказывалась на зрении детей.

Однако, не смотря на многие недочеты, в области функционировала созданная в течение восьми послевоенных лет достаточно разветвленная система интернатов. Многие трудности были порождены тем, что эта сфера создавалась практически с нуля, в обстановке острой нехватки квалифицированных кадров и дефицита финансирования.

Но расширявшаяся и укреплявшаяся год от года социальная инфраструктура области по некоторым позициям имела критическую ситуацию, в частности, по детским яслям. Окончание войны и возвращение домой фронтовиков существенно изменило демографический «облик» области. Появление новых семей, возобновление семейно-брачных отношений способствовало повышению рождаемости детей, что тут же создало сложную проблему для работающих матерей. Большая их часть нуждалась в яслях. Их же явно не хватало. В 1945 г. общее число мест достигло 790 [4, с. 283]. Имевшиеся в области ясли были переполнены. Выход из создавшегося положения был один: строительство яслей. И колхозы, и совхозы, изыскивая «внутренние резервы», строили их. Но, решив одну проблему, они порождали другую: отсутствие квалифицированных кадров для них, за что руководители хозяйств подвергались критике со стороны партийных руководителей всех уровней и органов соцобеспечения. Потому-то руководители хозяйств и задумывались, прежде чем начать строительство яслей, — «стоит ли овчинка выделки». И после раздумий заявляли вышестоящему начальству: хозяйство не в состоянии построить ясли и обеспечить их «содержание», поскольку оно «нерентабельно».

Говоря о ситуации с яслями в области, можно отметить, что были районы, где их не было вообще. К примеру, в Онгудайском аймаке к 1949 г. не было ни родильных домов, ни детских яслей. Сознвая их необходимость, его руководство приняло решение построить в течение 1949 г. по одному такому объекту. К сожалению, это решение так и осталось на бумаге [5, л. 8]. Особенно остро проблема яслей вставала в отдаленных районах и в местах «нового освоения». Как правило, на новостройках состав трудового коллектива в большинстве своем был молодежным и, следовательно, «обладал высоким уровнем рождаемости». Но такого рода особенности не всегда учитывались при строительстве детских учреждений, ведшихся, как правило, по нормативам, рас-

считанным применительно к обжитым областям. Поэтому при нехватке яслей и детских садов их зачастую размещали в бараках, где, по известным причинам, отсутствовали нормальные условия для полноценной жизни и развития детей. Тем не менее, руководство области держало на контроле строительство детских яслей. В соответствии с планом, оно ставило задачу довести число мест в них до 875. Но этот план не был выполнен. В 1951 г. в городе функционировало 4 яслей со средне годичными 165 местами, в сельской же местности было всего 17 яслей [6, с. 283, 320]. Этого количества детских учреждений было явно недостаточно, особенно для сельских жителей. Потому-то в начале 50-х гг. устроить ребенка в ясли и детский сад для большинства семей было не легким делом. Как правило, на очередь ставились преимущественно дети матерей-одиночек или из многодетных семей. Недостаточное развитие сети детских учреждений зачастую вынуждало многодетных матерей оставлять работу, в лучшем случае пропускать «рабочие дни» и заниматься воспитанием детей, что сразу же отражалось на семейном бюджете. В этом плане «страдал» даже областной центр, но в городе имелся еще и дом ребенка, рассчитанный на 90 коек. Данные детские учреждения были сильно перегружены. И, тем не менее, они смогли охватить только 60% детей ясельного возраста [7, с. 236, 243]. В отличие от промышленно развитых регионов, в Горно-Алтайской автономной области совершенно отсутствовали ясли при промышленных предприятиях, что также создавало дополнительные трудности.

Невероятно трудной проблемой для первых послевоенных лет явилась охрана здоровья детей. Специализированных детских лечебных учреждений в те годы не было. В 1950 г. в области работало всего лишь два детских санатория, имевших возможность принять одновременно 155 детей. Кроме того, имелся один санаторий «круглосуточного пребывания» взрослых на 250 человек, готовый в случае необходимости принять на лечение и детей [8, с. 64]. Этого было явно недостаточно, как из-за небольшой вместимости, так и «переориентации» санаториев в послевоенные годы на лечение инвалидов войны. Словом, количество мест для взрослых и их детей, которые нуждались в укреплении здоровья, было крайне недостаточным. Поэтому родители и их дети вынуждены были прибегать к услугам здравниц Крыма, Кавказа и др. А ведь Горный Алтай по среднегодовому числу солнечных дней почти не уступал известным здравницам. Отдых и лечение на местных курортах давали не менее ощутимый эффект, чем отдых в Крыму или на Кавказе. Поэтому необходимо было расширять свою санаторно-курортную сеть, улучшать ее материальную базу и уровень обслуживания отдыхающих и принимающих лечение людей. Но, благоприятные природные условия региона слабо использовались в первые послевоенные годы для лечения и отдыха людей. А тех, кому это требовалось, было в области много. Но количество выдававшихся облсовпрофу путевок далеко не покрывало потребнос-

тей населения Горного Алтая: из сотен человек, нуждавшихся в рациональном отдыхе, лишь единицы могли побывать в санатории или доме отдыха. Сознавая сложившееся положение в санаторно-курортном отдыхе населения области, ее руководство, в частности, профсоюзные организации пытались использовать для отдыха населения помещения пионерских лагерей, свободные в осенне-весенний период, что позволило в некоторой степени смягчить остроту рассматриваемой проблемы. Однако она не сходила с повестки дня, и ее надо было решать кардинально.

Недостаточное развитие собственной базы отдыха и лечения приводило к тому, что незначительная часть жителей области для укрепления своего здоровья, вынуждена была совершать поездки в санаторно-курортные учреждения других дальних регионов. Однако основная масса населения Горного Алтая не имела средств на такие поездки и лечение. Этой группе населения социальные органы пытались оказать некоторую материальную помощь, которой было явно недостаточно. К тому же в поездках на лечение в Крым или на Кавказ присутствовал один негативный момент: отдых на таком курорте требовал длительной дороги, акклиматизации, а потом — реакклиматизации организма, что несколько снижало оздоровительный эффект. И напротив, санаторно-курортное лечение в привычных природно-климатических условиях не имело вышеуказанного негатива. Справедливости ради, необходимо отметить, что основной массе трудящихся данный «обратный эффект» не грозил их здоровью, поскольку при распределении путевок было много нарушений, в результате которых на курорты часто попадали люди из руководящего состава, не страдающие какими-либо заболеваниями. Кроме того, содержание скота зачастую требовало круглогодичного присутствия в хозяйстве, а тем более в летний период, оторваться от него рачительному хозяину было крайне сложно. Однако, несмотря на все недостатки санаторно-курортной системы, сложившейся в Горном Алтае в послевоенные годы, она обеспечивала лечение и организованный отдых части трудящихся, что естественно способствовало укреплению здоровья людей. Способствовала она и предоставлению нуждающимся в лечении путевок (бесплатных или со скидкой в ее оплате), используя для этого систему социального страхования, содействуя тем самым повышению реальных доходов населения через систему общественных фондов потребления. Были задействованы они и в «содержании» подведомственных учреждений отдела соцобеспечения.

Дома для престарелых (в интересующее нас время они именовались «для взрослых») предназначались, главным образом, для содержания в них престарелых граждан, оставшихся без попечения детей или родственников. После окончания войны их «социальный статус» заметно поменялся: в них стали размещать в основном инвалидов войны, нуждавшихся в длительном лечении. В первые послевоенные годы функционировало два дома престарелых: в г. Горно-Алтайске и в с. Чоя. Их вместимость составляла на день отчета 120 кой-

ко-мест [9, л. 26]. Они были явно переполнены. Незначительное финансирование обеспечивало питание на сумму 5,04 руб. в день на одного человека. Этого было явно недостаточно для содержания «учреждений данного типа».

Несмотря на все имевшиеся проблемы, в послевоенные годы были сделаны первые шаги по преодолению тяжелых последствий войны. Достаточно заметно увеличились государственные ассигнования, направленные на развитие социальной инфраструктуры области. Еще в 1946—1947 учебном году на содержание школьных интернатов для детей — алтайцев из центра было получено более 125 тысяч рублей и значительное количество промтоваров [10, с. 57]. Государственные ассигнования в социальную сферу нарастали с каждым годом. Это, бесспорно, содействовало развитию сети интернатов в области. Но, несмотря на принимаемые меры, их, по-прежнему не хватало, а те, что функционировали — работали не на должном уровне. Допускали, правда, не по своей вине, «перенаселение» жилой площади, не имели коммунальных услуг и не всегда соблюдали нормы и калорийность питания. Почти такая же ситуация складывалась и в деле обеспечения насе-

ления детскими яслями и детскими садами. Даже в городе, где положение с ними обстояло гораздо лучше, чем на селе, и то они удовлетворяли лишь 50% потребностей населения. В сельской же местности положение было гораздо хуже: во многих населенных пунктах таких учреждений просто не было. Это было результатом того, что социальная сфера области зачастую финансировалась по «остаточному принципу» и не всегда в полной мере. Но, несмотря на трудности, сеть социальных учреждений в Горном Алтае росла и ширилась, улучшалось и их оснащение, росло в них количество профессиональных работников. Если говорить о санаторно-курортном лечении в области, то оно в рассматриваемое время продолжало оставаться мало доступным для основной массы трудящихся, нуждавшихся в нем. Почти не использовались в этих целях благоприятные природно-климатические условия Горного Алтая, «лечебные свойства» которых не уступали кавказским, черноморским и крымским. Эта идея будет реализована, но значительно позже. В первые же послевоенные годы необходимо было расширять сеть детских домов, школьных интернатов, яслей, детских садов и социальной инфраструктуры области в целом.

Библиографический список

1. Зезина М. Без семьи //Родина. Сентябрь. 2001.
2. Государственная архивная служба Республики Алтай (ГАСРА). Ф. 33. Оп. 9. Д. 130.
3. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 762. Оп. 3. Д. 106.
4. Социально-экономическое и культурное развитие Горного Алтая. Сб. документов. Горно-Алтайск, 1993.
5. ГАСРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 892.
6. Социально-экономическое и культурное развитие Горного Алтая. Сб. документов. Горно-Алтайск, 1993.
7. Город любимый. Горно-Алтайск в документах и фотографиях. Горно-Алтайск, 1998.
8. Горно-Алтайской автономной области 60 лет. Стат. сборник. Горно-Алтайск, 1982.
9. ЦХАФ АК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 112.
10. Букин С. С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири. Новосибирск, 1984. С. 57.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 21.10.09.

A. V. Letov

THE DEVELOPMENT OF SOCIAL STRUCTURE IN GORNY ALTAI AT FIRST POST-WAR YEARS

In article, on the basis publish and archive materials, examine the questions post-war of work by liquidation of homeless child, arrangement of child homes, boarding-schools, sanatoriums, and aged homes.

Gorny Altai, system social service, homeless child, child home, boarding-school, sanatorium, and aged homes (on the example Gorny Altai)

УДК 902

О. В. Малахова-Полякова, Н. С. Модоров

ЗАКРЕПЛЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ В XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.*

В статье, на основе опубликованных и архивных материалов, прослеживается нелегкий путь алтайских кочевников к сближению с Русским государством, а в дальнейшем — и к принятию ими в 1756 году российского подданства.

Русское государство, Сибирское ханство, Горный Алтай, кочевые народы, крепости, присяга, русское подданство, Джунгария, Китай

В истории государств и народов есть немало событий, которые стали для них или знамена-

тельными, или трагическими. И Горный Алтай в этом плане не составил исключения из этих пра-

* Работа выполнена по гранту РГНФ-МиОК Монголии № 08-01-92002 а/Г («Народы Саяно-Алтая и Западной Монголии в борьбе против Цинской агрессии. 1753-1758 гг.»).

вил. Три года тому назад народы, проживающие в нашей Республике, торжественно отметили памятную дату в истории алтайского народа — 250-летие со дня его добровольного вхождения в состав России. Трудными путями шли коренные народы Горного Алтая к этому событию. Чтобы убедиться в этом, обратимся к истории.

После окончательного разгрома Сибирского ханства в 1598 году, начинается, как известно, настойчивое продвижение Русского государства в просторы Сибири. Передвигаясь от одного рубежа к другому, русские служилые люди все ближе подступали к территории, на которой кочевали алтайские племена. На рубеже XVI—XVII веков они населяли огромную территорию Алтае-Саянского нагорья. Однако основная их масса концентрировалась на территории современного Алтайского края, Республики Алтай и южных районов Новосибирской, Кемеровской и Томской областей [1, с. 30].

Вслед за первыми отрядами служилых людей на границах этого региона появляются и первые русские поселенцы из числа крестьян и казаков. Их общими усилиями в начале XVII века уже был занят бассейн реки Томи, где в 1604 году был воздвигнут укрепленный пункт — город Томск, сыгравший важную роль в деле освоения Южной Сибири [2, с. 166].

Стремления русского правительства закрепиться в местах кочевий алтайских племен, как и во всей Сибири в целом, было продиктовано целым рядом причин. Во-первых, по известным ему источникам эти территории были богаты пушминой, которые, в случае их присоединения к российским владениям, могли бы ежегодно приносить немалые доходы казне. Во-вторых, закрепление Русского государства на юге Сибири существенно подорвало бы экономическую основу многих воинственно настроенных кочевников и лишило бы их возможности предпринимать набеги на вновь присоединенные Русским государством в Западной Сибири земли. И, в-третьих, приобретение и дальнейшее освоение земель алтайских кочевников открывало кратчайший путь из Росси в Монголию и далее в Китай [3, с. 5].

Однако на решение этих стратегических, хозяйственно-экономических и политических задач Русскому государству потребовалось почти полтора столетия. С одной стороны, продвижению русских на юг, к горным порубежным районам препятствовало вооруженное сопротивление многочисленных воинственно настроенных тюркских кочевых племен, а с другой, — этому продвижению мешали и естественные преграды в виде гористой местности, покрытой труднопроходимыми лесами, то и дело перемежавшиеся в болотами и топами.

Серьезным препятствием на пути русского продвижения на юг Сибири стали Алтын-ханы, а затем их победители — джунгарские феодалы, которые с помощью огня и меча пытались подчинить себе местные племена, в том числе и алтайские, захватить их земли, природные богатства, а с покоренного населения взимать в свою пользу дань [4, с. 5].

Стремясь к расширению своих владений, джунгары и мысли не допускали о распространении русского влияния на юге Сибири. Не вступая в открытый конфликт с Россией, они, тем не менее, вели постоянную скрытую борьбу с ней, стремясь, если не задержать, то хотя бы ослабить процесс русской колонизации Южной Сибири.

Испытывая постоянную угрозу со стороны Цинской империи, джунгары не начинали войну с Россией за право господства на юге Сибири, а все время придерживались по отношению к ней политики угроз.

В свою очередь, и Русское государство не могло единым махом покончить с противником. Сказывались тяжелые последствия польско-шведской интервенции, не позволявшие не только сосредоточить на юго-восточной границе достаточные для наступления силы, но и обеспечить имеющиеся там малочисленные гарнизоны необходимым количеством военного снаряжения и провианта [3, с. 7].

В создавшейся обстановке и сибирские воеводы не могли также принять действенных мер, чтобы преодолеть противодействие джунгарских феодалов и укрепить свои позиции на юге Сибири. Потому-то они были вынуждены ограничиваться предупреждениями и угрозами о том, что государь пошлет против джунгар «ратных людей с огненными боем из Казани... Астрахани и с Дону» [5, л. 10].

Указанные причины понудили русское правительство выработать специфическую политическую линию, которую условно можно охарактеризовать как политику «мирного укрепления новых сибирских земель», по возможности без военных конфликтов и столкновений на южно-сибирской границе [6, с. 20-24]. Но выполняя указания центральных властей относительно «мирного приискания новых сибирских земель и народов», местные администраторы вольно или невольно часто преступали черту дозволенного, чиня произвол и насилие по отношению к кочевникам «при приискании новых земель». Но в этих «издержках» была повинна и Москва, интересы «безопасности» которой да и казны нередко отодвигали политику «ласки и привета к инородцам» на второй план.

А центр тем временем требовал от томских воевод «проведывания сведений» о землях вверх по Оби и другим рекам. Реализуя поставленную задачу, они пришли в соприкосновение с влиятельнейшим предводителем племенного объединения телеутов — князем Абаком. Его владения, согласно русским документам начала XVII в., простирались по обе стороны реки Оби — от ее устья и до впадения в нее реки Ини. Восточная граница кочевий Абака доходила до верховий реки Чумыш, а западная — включала верховья Чарыша и Алея [1, с. 33].

С ним-то и начинают налаживать связи томские воеводы Г. И. Писемский и В. Н. Тырнов. Первое свое посольство они отправили к князю в конце 1605 года. Абак радушно встретил посольство, но ехать в Томск — для «дачи шерти — присяги» — вежливо отказался, пообещав, правда, сделать это весной 1606 года [7, с. 35]. Однако

ни в тот, ни в другой год, он в Томск не прибыл. И на то у князя были, достаточно, веские причины. С одной стороны, телеутский правитель очень нуждался в союзе с русскими, поскольку его отношения с соседними «кочевыми ордами» складывались у него более, чем остро. Но, с другой, — Абак прекрасно знал, какими силами располагал Томский острог, а потому и прикидывал: смогут ли русские защитить его, если недруги нападут на него. Именно поэтому он не торопился заключать с русскими союз, но и в то же время он не обострял отношения с ними. Исходя из этого, князь и принимал воеводских послов, и посылал своих людей с подарками к воеводам. И так продолжалось до 31 марта 1609 года, когда в Томск «со своими «мурзами и лучшими улусными людьми» прибыл князь Абак и заключил, наконец-то, с русскими союз [8, л. 16]. Благодаря ему, телеутам удалось избежать разорения, порабощения и физического уничтожения со стороны Алтынханов, Казахской орды и других сильных и агрессивных соседей. Выиграла от него и русская сторона: положение Томска (как пограничного пункта) было в начале XVII века крайне трудным. Его гарнизон был очень малочисленен и справиться ему с задачей охраны острога, а тем более расширения границ русских владений было не под силу. Надеяться на помощь, подкрепления из-за Урала, в обстановке продолжающейся польско-шведской интервенции и «крестьянской» войны в центре России, не приходилось. Поэтому материальное положение и моральный дух томских служилых людей были неудовлетворительными. Идя (в сложившейся ситуации) на заключение союза и телеутами, томские воеводы определенно рассчитывали на их людские ресурсы и воинскую силу в деле приведения кочевников других земель в русское подданство, а также для обороны от набегов монгольских и казахских феодалов.

Не последнюю роль в заключении договора с Абаком играл и политический аспект. Телеутский улус был одним из крупных племенных объединений Южной Сибири. Примеру его сближения с Русским государством могли последовать (на это весьма рассчитывали воеводы) и другие кочевые феодалы, урегулирование отношений с которыми позволило бы ослабить напряженность на южных границах русских уездов, укрепить их безопасность, начать торговый обмен русских людей с кочевниками.

Наконец, заключение русско-телеутского договора способствовало превращению спорадического обмена между телеутами и русскими людьми в постоянный и взаимовыгодный торг, в котором обе стороны испытывали острую необходимость.

Словом, договор 1609 года был жизненно необходим и русским, и телеутам. Он оформил и закрепил первые политические и экономические контакты между русскими и алтайскими племенами, был призван способствовать развитию экономики обеих сторон, а также укреплению их обороноспособности перед лицом общих врагов.

Результаты заключенного договора сказались незамедлительно. Телеуты (по свидетельству документов того времени) стали кочевать со всем

улусом за день «езды на коне от Томского города». В последнем было положено начало «калмацкому торгу», на котором телеуты регулярно продавали скот. Благодаря этому, подчеркивают источники, служилые люди Томского города «скоро лошадьми... и коровами наполнились» [8, л. 16].

Неплохое начало было положено и военному сотрудничеству. Летом 1609 года Абак (по собственной инициативе) погромил кужеgetов и возвратил угнанных пленников и скот еуштинцам — подданным (с 1603 г. — Н. М.) русского царя. Центральные власти высоко оценили усердие князя. Выполняя их распоряжение, томские воеводы наградили его суконным распашным кафтаном и похвалили за «службу царю» [9, с. 45-47].

Однако мирно складывавшиеся отношения между русскими и кочевым алтайским населением вызвали тревогу у западно-монгольских ханов. От пассивного наблюдения за происходящими событиями они переходят к непосредственному воздействию (угрозами и грабежом) на алтайские племена — лишь бы разрушить установившиеся их контакты с русскими. Весной 1611 года в Томск «прибежал белый калмык (так русские документы XVII в. именовали алтайцев, чаще — телеутов, в отличие от «черных калмыков» — монголов — *Авт.*) Саганак, который и сообщил воеводам о приходе к ним «чугутских горных калмыков (непосредственно связанных с монгольскими ханами) кои и повоевали их белых калмыков» - за связи с русскими, угнав при этом к себе их жен, детей и скот [8, л.35].

Набеги и провокации достигли своей цели. В 1617 году Абак отходит от союза с русскими, а вскоре и нападает на Чатский городок, где нес «государеву князь чатов Тарлав (зять Абака — Н. М.)». Последний уговаривал тестя отказаться от дальнейших походов на «урусов», но тот не внял уговорам зятя и весной 1618 года совершил набег на русские поселения Томского и Кузнецкого уездов [1, с. 36].

Но не только «происки» западно-монгольских ханов привели к разрыву русско-алтайского союза 1609 года. Способствовала этому и русская администрация. Несмотря на неоднократные обещания, Абак ни разу не получил от нее обещанной военной помощи, когда он и его люди подвергались нападениям кочевников. С другой стороны, к разрыву привела и ретивость местных властей в объясчавании шорцев, тубаларов, челканцев, сбор дани с которых телеутский князь считал своим безраздельным правом [7, с. 40].

Наконец, обострение отношений стало и следствием не эквивалентности обмена на «калмацком торге» в Томске, обманов воевод и служилых людей, бравших, к примеру, за бутылку самогона двух соболей, за 5 игл — горностая, а за медный котел — столько соболей, сколько войдет их в него [10, с. 23].

К счастью, враждебные отношения между Абаком и местными властями продолжались недолго: они были нормализованы в январе 1621 года. Это для сибирской администрации было весьма кстати, так как обстановка в пограничных районах юго-восточной Сибири к этому времени

заметно ухудшилась: в 1623 году прервались дипломатические отношения Русского государства с западно-монгольскими ханами. В этой связи, во все сибирские города и остроги был направлен строжайший правительственный указ о «непропуске к Москве и другим городам мунгальских и калмыцких послов, ибо ноне мунгалы... к государю... воинственны и прибыли от них государю не чаяти» [11, с. 320].

Однако нормализация отношений с телеутским правителем не возвратила им былой «дверительности». Меж ним и воеводами продолжала существовать незримая стена «подозрительности». Сознавая это, последние («дабы укрепить Абака в верности государю») шлют к нему — одно за другим — свои посольства (в 1621 году посольство Я.Захарова из Кузнецка, а в 1624 году — из Томска — Авт.). Жестом «добрососедства» ответил и Абак, прислав в Томск «своих людей с торгом». В то же время «разведчики» доносили воеводам, что телеутский правитель готовится «воевать русские уезды за то, что в 1624 г. кузнецкие люди его — Абака — улусы повоевали» [8, л. 115]. И эту угрозу князя не пришлось долго ждать: в 1628 году он разослал своих людей по северным алтайским волостям с приказом их населению «не давать ясак» воеводским сборщикам [12, л. 63-64].

Организовав кампанию «неповиновения» русским властям, князь предпринял (совместно с зятем Тарлавом) поход на Томский уезд. В 1629 году «набежники» подступили к Томску. Но вышедший им навстречу отряд казаков и служилых татар вынудил — неожиданным ударом — отступить Абака. Обескураженный неудачей князь повторяет набег, но уже на Кузнецк и вновь терпит неудачу [13, с. 174].

Частые набеги кочевников на русские уезды воочию свидетельствовали о слабости позиции русских на юге Сибири. Укрепить их воеводы пытаются и дипломатическим путем, и силовым давлением. Примером последнего явилась попытка томских воевод проникнуть в 1632 году в Верхнее Приобье, присоединить его к России и создать тем самым плацдарм для дальнейшего продвижения в горы Алтая. Но эта военная акция томских воевод (благодаря активным действиям телеутского отряда под командованием сына Абака — Коки — потерпела крах [1, с. 38].

Неудача пушинского отряда, а также набеги телеутов на ясачные волости в бассейне р. Ускат послужили томским воеводам поводом для активного «смирения» Абака дипломатическими средствами. Начиная с осени 1633 и до конца 1634 года, в ставке телеутского правителя побывало несколько воеводских посольств с целью урегулировать отношения и жить «как прежде — в добрососедстве». И добиться этого, в известной степени, им удалось: Абак согласился дать шерть «на верность государю» и обещал прислать в Томск для «клятвы» своего сына, ибо «за старостью» сам ехать в город не мог. В знак «добрых своих намерений» князь присылал к воеводам своих послов, а также людей для «торгу лошадьми, пушиной и скотом» [1, с.38]. Однако «спокойствие», добытое с таким трудом длилось недолго. Глубо-

кой осенью 1635 года до Томска дошло известие о том, что Абак умер, «а ныне вместо него князец Кока» [14, л. 181-182]. Это означало, что воеводам надо было начинать все сначала, ибо как поведет себя «горячий характером» сын бывшего телеутского правителя — то им было «неведомо». Чтобы прояснить ситуацию, в «Колмаки» направляется посольство во главе с Зиновием Амосовым. Цель его одна: добиться от нового «хозяина телеутской земли» присяги на тех же условиях, на «коих шертовал великому государю князь Абак», а для «утверждения шерти» привезти «оного, Коку» в Томск. Надо сказать, что посол «справился с задачей», но только отчасти: новый телеутский правитель присягнул государю, но от поездки в Томск — он отказался, послав туда вместе с возвратившимися русскими послами своего брата Имеса и трех «лучших своих людей» [14, л.181].

Казалось, что такое начало станет залогом «мира и добрососедства» между русскими и телеутами. Но это только казалось. На деле же все случилось иначе: томским воеводам потребовалось более двух десятилетий, чтобы «смирить» Коку Абакова. 2 сентября 1658 года он и его «многие лучшие улусные люди присягнули (в ставке князя — Н. М.) на верность русскому государю» и обещали служить ему «в правду», набегов на русские города и уезды не совершать «и обид их населению и ясачным не чинить» [15, л.263-266]. Успешно завершив свою дипломатическую миссию, Д. Копылов возвратился 7 сентября 1658 года в Томск. Вместе с ним прибыли телеутские послы, направленные Кокой в Москву [15, л. 263-266]. Спустя неделю, они были «опущены к Москве», куда «онные прибыли 30 декабря того же года. Их прием в Посольском приказе стал показателем того значения, какое русское правительство придавало делу нормализации отношений с Абаковичами и другими телеутскими правителями, их роли в политической жизни Южной Сибири [7, с. 104].

В 60—70-х годах XVII века произошел заметный спад в развитии русско-алтайских посольских связей. Это объяснялось, во-первых, смертью Коки Абакова, который, несмотря на свою непоследовательность, все же стремился к установлению дружественных контактов с Русским государством. Во-вторых, не соблюдением русскими властями своих союзнических обязательств по отношению к телеутским князьям и их вмешательством во внутренние дела Абаковичей. Не последнюю роль сыграли здесь и противоречия из-за феодально-зависимого населения и права сбора дани с него [16, л. 146, 245-246].

Повлияла на интенсивность посольских связей между алтайской родоплеменной знатью и сибирской администрацией и русско-джунгарская проблема. России то и дело приходилось предотвращать попытки джунгарских феодалов производить сбор дани с населения подвластных ей территорий. Особенно остро встал вопрос о даниках именно в 60—70-х годах XVII века. Однако «полюбовно» решить его с «набравшим силу джунгарским правителем — Галдан-Бошекту-ханом» —

сибирской администрации не удалось. Столкнувшись с «неуступчивостью» джунгарского правителя, русское правительство, заинтересованное в устранении напряженности в пограничной зоне, принимало все меры, чтобы предотвратить возникновение инцидентов по вине русской стороны.

Возникшими между Россией и Джунгарией противоречия умело воспользовались телеутские и «иных земель кочевые владельцы»: они регулярно стали появляться в «ясачных волостях для взятия алмана (дани) с двоеданцев», также стали совершать набеги на русские уезды, нанося их населению «немалый урон» [16, л. 252-262].

Смирив монгольских сепаратистов и противостоя «оружию» Цинской империи, Галдан испытывал острую нужду в живой силе, продовольствии и военном снаряжении. Решение этих проблем он возложил на своих вассалов, обязав каждого из них поставить «контайше» определенное число «конных воинов, обеспеченных всем необходимым». Однако телеутский правитель, чье подвластное население подвергалось в ходе ойратских междоусобиц нападению, «ослушался своего сюзерена». Он не только не поставил Галдану «воинских людей», но и уклонился от участия в набегах на русские уезды, якобы заявив, как доносили томским воеводам их разведчики, что «с государскими людьми [он] ссорица не будет» [16, л. 378].

Джунгарский правитель был взбешен поведением и действиями телеутского князя и вознамерился примерно наказать «строптивца». Но выполнить ему свою угрозу помешала очередная война с Цинской империей. Сложившейся ситуацией в полной мере воспользовались сибирские воеводы. Памятуя о «желании» Табуна Кокина принять (чтобы избежать «разорения от монголов и джунгаров» — Авт.) русское подданство, томские воеводы направляют к нему несколько посольских миссий, чтобы юридически оформить «верность князю» российскому престолу. И последний идет на это, но обуславливает свое «подданство» возможностью возвратиться на свои старые кочевья «на Мереть-реку, коя от Томсково в самых ближних местах» [16, л. 407-408].

Сибирские власти с пониманием отнеслись к просьбе Табуна, стремившегося избежать «монголо-ойратского разорения», уйдя «под высокую государеву руку». Но им «беспокойное соседство» тоже было ни к чему, а потому и завели они с Москвой бюрократическую переписку. Такие действия воевод не устраивали телеутского правителя — поэтому он раз за разом ставил вопрос о разрешении переселиться ему на старые кочевья и о пропуске его послов в Москву (для «решения оного дела») [1, с. 50].

Пока шла бюрократическая волокита, в Телеутской земле, тем временем, запылал огонь междоусобной борьбы, в которой приняли активное участие джунгарские феодалы. Эти события, естественно, обеспокоили местные власти, ибо они понимали, что в такой непредсказуемой обстановке Табун мог легко нарушить ранее данную шерть «великому государю». В «Телеуты» срочно отправляется воеводское посольство во главе с Иваном

Рыбниковым (31 августа 1690 г.), но оно сгинуло в пучине разыгравшихся событий в Телеутской земле [17, л. 1-3].

Однако «потеряв» в одном, воеводы обрели «прибыток» в другом. Пользуясь тем, что Джунгария увязла в войнах со своими извечными врагами — владельцами Халхи, Кукунора, Восточной Монголии, а затем и Цинской империи — и почти не уделяла внимания своим данникам, русские власти последовательно усиливали свои позиции в Верхнем Приобье, приводя к шерти телеутских и «иных» князей, в том числе «Ирку Уделекова и его сына Шала, Табуна Кокина» и его сына — Шала Табунова, — «коей приехал... к отцу Табуну на прежнее свое жильё» [18? к/ 8-10]. Такая политика проводилась ими и в последующие годы. На исходе XVII века, под «высокую государеву руку» были приведены телеутские князья Бейкон Мачиков и Шал Табунов, ставший после смерти отца (в 1697 г.) правителем Телеутской земли [19, л. 281].

Такая тактика местных, а в конечном итоге, и центральных властей способствовала закреплению Русского государства в южно-сибирском регионе, расширению сферы его влияния. Так, в 1698 году только в одном Кузнецком уезде под контролем России находилось почти 40 волостей и улусов [19, л. 281]. Однако это не было свидетельством того, что ее позиции на юге Сибири были непоколебимы. За это ей надо было еще бороться, ибо вмешательство джунгарских феодалов в политическую жизнь Южной Сибири, по-прежнему, оставалось весьма активным.

Преодолевая их сопротивление, Россия все же закрепляется в начале XVIII века к районам, примыкавшим к верховьям Енисея, Иртыша и Оби. Это продвижение русских в южном и юго-восточном сибирском направлении повлекло за собой существенное сокращение сферы влияния джунгарского владельца, что привело в начале XVIII века к обострению отношений между Россией и Джунгарией. Последнее обстоятельство сказалось и на характере русско-алтайских отношений, ибо к началу века телеуты и другие кочевники Алтае-Саянского нагорья попали в полное подчинение к джунгарам. Провоцируемые и подталкиваемые последними, они совершают постоянные набеги на русские уезды. Именно при их поддержке и «совету» предпринял в 1700 году набег на Томский уезд киргизский «князец Корчинко Ереняков» [20, л. 1]. Не без «содействия» джунгаров нападает на Рождественский монастырь и «калмыцкий князец Тонгыстай» [20, л. 73-74].

Русское правительство предприняло соответствующие меры, чтобы предотвратить такого рода вторжения на российские территории. Именно с этой целью был направлен 16 февраля 1700 года из Томска в Киргизские степи отряд служилых людей (200 чел.) под командой сына боярского Юрия Раецкого и пятидесятника Алексея Свиридова. За шесть недель своего рейда отряд «усмирил» многих воинственно настроенных «князцов», погромив их кочевья и нанеся им урон в «живой силе» [21, л. 527-528].

Конечно, такого рода карательные меры были вынужденными шагами сибирских воевод и они, отнюдь, не приносили им желаемого результата. Наоборот, они давали повод для новых вторжений кочевников на русские территории. Именно об этом свидетельствовали многочисленные донесения служилых людей и местных администраторов по инстанции [22, л. 48-51]. Выступили против русских, поддавшись общему «ажитажу», и алтайские кочевники, в частности, население Кумандинской волости. Для его «усмирения» кузнецкий воевода направил отряд (в 90 чел.) во главе с Яковом Максюковым, который наголову разбил в конце ноября 1700 года «взбунтовавшихся кумандинцев» [22, л. 54].

Сибирская администрация ясно представляла, что могут повлечь за собой такого рода акции. Поэтому она стремится свести их до минимума, акцентируя главное внимание при ликвидации конфликтных ситуаций на мирные средства. Руководствуясь этим, воеводы направляют в 1701 году к правителям алтайских племен и родов свои посольства, призывая их «отказаться от шалостей» и жить с русскими мирно, «по прежней шерти своей» [23, л. 24]. Однако в сложившейся ситуации, дипломатические средства уже не приносят успеха воеводам, поскольку в начале XVIII века правители алтайских племен, в частности, телеутские князья, потеряли (из-за «джунгарской зависимости») бывшие права на посольские сношения с соседями [7, с. 172].

Неспокойная обстановка на юге Сибири диктовала правительству необходимость возведения в низовьях Бии какого-либо опорного пункта, который стал бы своеобразным щитом и прикрыл бы окружавший его район от вторжений кочевников, а также способствовал бы расширению сферы русского влияния на этом направлении. Реализуя эту «задумку», кузнецкие служилые люди возводят летом 1709 года, в месте слияния Бии и Катуня «малую крепость». Однако ее возведение послужило поводом для активных выступлений джунгаров, киргизской, алтайской и «иных народов» родоплеменной знати против «русского засилья» и дальнейшего продвижения русских вглубь Южной Сибири. Свидетельство тому — многочисленные тревожные сообщения, поступившие в канцелярии Кузнецка, Томска, Тобольска и Москвы. Содержание их было одно: на территории сибирских уездов вторгаются «воинские люди разных калмыцких князцов,.. кои жгут деревни, хлеб и сено в полях, побивают людей, а иных забирают с животом и скотом в полон...» [23, л. 9-10].

Набеги «разных воинских людей» на русские уезды понудили сибирские власти принять ответные меры. Так, кузнецкий воевода М. Овцын общал в Сибирский приказ, что им были посланы 23 августа 1709 года «кузнецкие всяких чинов люди, кои... божией милостью... побили в трех верстах от Кузнецка... калмыцких князцов и рядовых калмыков с 300 человек... и полоненных русских и ясашных, и кошт (имущество — *Авт.*) отбили, а... калмаки разбежались к реке Обе разными дорогами» [23, л. 9-10].

Но, несмотря на меры, принятые местными властями, набеги кочевников на территории Томского и Кузнецкого уездов продолжались. Один лишь только джунгарский «князец Духара», возглавивший «многолюдный отряд черных и белых калмыков», разорил в 1710 году «8 деревень, две часовни, пожег много хлеба и сен,.. побил множество людей,.. отогнал 260 лошадей, 839 рогатых скотин, 949 овец и др.» Усилиями этого же отряда была сожжена построенная в 1709 году Бикатунская крепость [20, л. 73-74].

И таких «князцов», подобных Духаре, было много. Было немало среди них и таких, кто не «упускал случая» наказать «предателей». Особенно прославился на этом «поприще» сын Табуна Кокина — Байгорок. Согласно источнику, его «воинские люди набежали» в ноябре 1710 года в Азкыштымские ясачные волости. Захватив Чеоктонов улус, набегники разбили его, а поймав хозяина, «у живого глаза вынесли (выкололи — *Авт.*)... ремень из спины вырезали... и повесили на дерево». Свою жестокость Байгорок объяснил тем, что «оной Чеоктон усмотрел как они, воинские люди... шли войною под Кузнецкой и подал туда весть», благодаря чему «кузнецкие обыватели от... разорения... спаслись» [24, л. 51-52].

Наряду с набегами на подвластные России территории, джунгарские и «иные кочевые князцы», значительно усилили свои претензии на сбор дани с их ясашного населения. Томские и кузнецкие «проведчики вестей» (разведчики — *Авт.*), направленные в разные районы Саяно-Алтайского нагорья, всюду почти встречали «контайшинных сборщиков». Широкие алманские акции в пользу джунгарского хана наносили немалый урон «государевой казне». Поэтому русское правительство все делало для того, чтобы урегулировать с последним вопросы, связанные со сбором дани. Однако дипломатические миссии, направленные к нему, успеха не принесли. К примеру, русскому послу Ивану Чередову было заявлено, что алман на «контайшу с указанных ясашных людей сбирался и впредь будет сбираться, а ежели полковник алману давать не велит... за то [будем] Кузнецкой по вся годы воевать» [25, с. 321-322].

В сложившейся ситуации сибирские воеводы пытаются — на свой страх и риск — «оружно» предупредить вторжения кочевников на подвластные им территории и помешать таким образом взиманию дани в ясашных волостях. Однако срыв сбора дани в двоеданнических волостях Кузнецкого уезда, племяне русскими Байгорока, Чапа и многих других сборщиков дани еще больше усилили остроту русско-джунгарских отношений. Особенно опасное положение создалось на границах Кузнецкого уезда в 1715 году, когда на Алтае появился двоюродный брат джунгарского хана Цэван-Рабдана — тайша Цэрэн — Дондук (Черен-Дондук, по русским документам — *Авт.*), отличавшийся резкой враждебностью к России, в сопровождении пятитысячного войска. Это была не только демонстрация своей «воинской силы», но и открытое «афиширование» тайшей своего намерения «воевать» Кузнецкий уезд [25, с. 309-312].

Реальная опасность понудила сибирские власти принять все меры предосторожности. Учитывая неоднократные ультимативные требования джунгаров и телеутских феодалов, они пошли на выдачу им Байгорока в обмен на русских пленников. Но это не смягчило остроту русско-джунгарских противоречий. Поэтому сибирские власти начинают в срочном порядке пополнять свои гарнизоны людьми, оружием, боеприпасами и др. К примеру, в начале 1715 года в Кузнецк прибыл из Томска отряд конных и пеших казаков под командой О. Качанова, а в середине лета — другой, численностью в 760 чел., который привел полковник Черкасов [26, л. 51].

Вести об укреплении кузнецкого гарнизона «всем необходимым», вне сомнения, дошли до Цэван-Дондука и охладил его пыл. Сыграла тут свою роль и экспедиция подполковника Бухгольца, двинувшаяся по приказу Петра I вверх по Иртышу, якобы для разведки недр. Продвижение русского вооруженного отряда встревожило джунгаров, имевших свои виды на западную часть Восточного Туркестана и верховья Иртыша. Чтобы остановить отряд, они осаждают Ямышевскую крепость, построенную русскими в 1715 году. Пытаясь мирно разрешить эту «затруднительную» для себя ситуацию, сибирские власти отправляют в феврале 1717 года к джунгарскому хану свое посольство. Но последний и слышать не хотел о переговорах. Уступая сложившимся обстоятельствам, русские сносят 28 апреля 1717 года крепость и, погрузив войска на суда, отплывают вниз по Иртышу [4, с. 344-346].

Но противоборствуя России в Южной Сибири, Джунгария, вместе с тем, старалась «не перегнуть палку», то есть, не довести дело до военного конфликта. Эта предосторожность объяснялась просто: ее правители уже более пятидесяти лет враждовали с Цинской империей, борясь за Тибет. Соперничали они и с казахскими ханами за господство в Семиречье. Поэтому полный разрыв отношений с Россией мог поставить Джунгарию в крайне тяжелое положение. Однако, даже под грузом этих внешнеполитических проблем, ее правитель не мог сразу «выбросить белый флаг», а потому он продолжал — по отношению к своему северному соседу — вести политику «угроз», набегов на подвластные ему территории, не игравшей решающей роли в борьбе за Верхнее Приобье.

Уяснив это, русское правительство требует от своих представителей на местах пусть медленно, но неуклонного продвижения вверх по Оби. Закреплять вновь «приисканные земли», предписывалось «устройством в них крепостей и острогов. В результате выполнения данного предписания, на Алтае появились две новых крепости: Белоярская — в 1717 году, а год спустя, — Бийская, устроенная «на правом берегу Бии, выше ее устья» [1, с. 60].

Однако, появление двух форпостов, с достаточно сильными гарнизонами, не остановило джунгаров и «белых калмыков»: они продолжали «наведываться в государевы ясашные волости» и взysкивать с их населения ясак. Русское правительство понимало, что нововозведенные крепости вызыва-

ют неприязнь первых и могут стать очередным поводом к обострению отношений между Россией и Джунгарией. Чтобы не допустить этого, оно активизирует свои усилия на дипломатическом поприще. Было учтено им при этом и очередное обострение ойрато-китайских отношений. В этой ситуации в Сибирь направляется из Петербурга, в 1719 году, «миссия» майора И. Лихарева. Последнему было поручено расследовать деятельность сибирского губернатора М. Гагарина, а также «проникнуть, на сколько можно, до Зайсана-озера... и построить там крепость». При этом ему «строжайше воспрещалось входить в столкновение» с джунгарами, «дабы даром людей не потерять и убытку [себе (читай, России) — *Авт.*] не учинить» [27, с. 183]. В мае 1720 г. И. Лихарев выступил (с отрядом в 440 чел.) из Тобольска и беспрепятственно добрался до озера Зайсан. Джунгарское население, кочевавшее около него, бежало при появлении русских. «Контайшинины» воины, охранявшие здесь свои рубежи от возможного наступления цинских войск, обстреляли русский отряд. Но «проведав», что он занимается «поиском рудокопных мест» - «мир был восстановлен». Удовлетворенный таким исходом инцидента, джунгарский правитель, демонстрируя миролюбие к русским, освободил значительную часть оспариваемой им ранее территории. На ней-то и были заложены Усть-Каменогорская и Ямышевская крепости [4, с. 347-348].

Их закладка положила начало Иртышской военной линии, сыгравшей в последующем важную роль в освоении Южной Сибири. По мере ее укрепления, джунгарские феодалы вынуждены были отступить все дальше на юг, что содействовало ослаблению их влияния на алтайские племена. Но терять своих данников они не хотели. Поэтому джунгары принимают меры, чтобы увести их с собою. Однако сделать им это не удалось. Тогда их «владелец» заявил русским, что он оставляет данников им. Но за эту «уступку» он просил царя «защитить его от китайцев» [28, л. 11].

Но «миролюбие» хана было недолгим. Временное прекращение борьбы между Джунгарией и Цинской империей, где вновь разгорелась усобица за «драконовый трон», резко перевернуло отношение Цэван-Рабдана к России. «Забыв» свои обещания, он вновь заявил претензии на «данников Южной Сибири». И не только заявил, но и возобновил сбор дани с них [1, с. 62]. Особенно усилились такого рода «претензии» при новом правителе Джунгарии — Галдан-Цэрэне (он стал правителем Джунгарии после смерти отца в декабре 1727 г. — *Авт.*).

Обострение при нем «пограничного вопроса» и «наплыв контайшининых сбощиков алмана» в ясачных волостях «Кузнецкого ведомства, а также в порубежных «Канской, Каракольской и Тау-Телеутских волостях» сильно обеспокоил русские власти. Учитывая ситуацию, они начинают укреплять гарнизоны пограничных районов. Так, 6 марта 1739 г. в Бийскую крепость была направлена из Кузнецка «воинская команда в 102 человека» [29, л. 46]. Такого рода «помощь» была оказана и другим гарнизонам [3, с. 41].

Ряд побед, одержанных джунгарским правителем в борьбе с Цинами, «воодушевили» его и он потребовал в начале 40-х гг. XVIII в. от русских прекращения дальнейшей колонизации Южной Сибири, «сносения» Томска, Кузнецка, Красноярска, «крепостей по Иртышу», а также медеплавильных заводов Демидова на Алтае. В случае отказа выполнить их требования, джунгары грозили применить силу. О подобных их «планах» и «замыслах» доносили летом 1744 г. в Сибирскую канцелярию «проведчики вестей» (разведчики — Авт.) и «перебежчики» из числа алтайских «инородцев», отъехавших от джунгарского «владельца» и приблизившихся к Колывано-Воскресенским заводам для «жилья» [30, л. 2-5].

Реальная опасность в очередной раз понудила сибирскую администрацию укрепить свои гарнизоны. Однако принятые ими меры не изменили существа дела, ибо 3000 русских солдат и казаков (такова была общая численность «воинских сил», сосредоточенных в сибирских гарнизонах — Авт.), конечно же, не могли серьезно противостоять 80-тысячному войску джунгарского «владельца», которое располагало (по данным разведки) огнестрельным оружием («огненным ружьем») [31, с. 17].

Словом, складывавшаяся обстановка на юго-восточной границе не сулила России ничего хорошего. Джунгарское ханство, достигшее к середине XVIII в. своего наивысшего могущества, являло собой грозную силу, претендовавшую на полное господство в Южной Сибири. И лишь смерть Галдана-Цэрэна осенью 1745 г. разрядила взрывоопасную атмосферу, сложившуюся между Джунгарией и Россией. Способствовала — в дальнейшем — этому и острая династийная борьба, разгоревшаяся между претендентами на ханский престол. Ею не замедлила воспользоваться Россия. В начале 1748 г. Военная коллегия отдает распоряжение сибирской администрации о строительстве Ануйской и Катунской крепостей. Линия, взятая властями на создание новых военных укреплений в алтайском регионе, была продолжена и в 1749 г.: в бассейне р. Ульбы были возведены форпосты Красноярский и Шемонаевский, превращена в укрепленный пункт старожильская деревня Кабанова на р. Чарыш [32, л. 363]. Вновь возведенные крепости, форпосты и редуты, объединившись со старыми, составили в начале 50-х гг. сплошную цепь укреплений, протянувшуюся от Усть-Каменогорска к Бийску и далее до Кузнецка, получив название — «Колывано-Кузнецкой военной линии» [33, с. 6].

А борьба за ханский престол в Джунгарии тем временем набирала свои «опасные обороты». В конце 1749 года, в результате очередного заговора джунгарских светских феодалов был убит «контайша Цэван-Доржи». Его место занял старший сын Галдана-Цэрэна — Лама-Доржи. Однако родовитые феодалы, в числе коих выделялся родственник Галдана-Цэрэна — чоросский князь Даваца (по-монгольски — Дабачи — Авт.), не «восприняли его», считая себя более достойными кандидатами на «ханово место» (Лама-Доржи был рожден наложницей — Авт.), а потому и высту-

пили они против нового хана. При поддержке Тарбагатайского соседа по кочевью, хойтского нойона Амурсаны и султата Среднего казахского жуза Аблая, Даваца сверг в январе 1753 года Ламу-Доржи с престола и провозгласил себя «ханом Джунгарии» [34, с. 266].

Но это обстоятельство не «умиротворило» страну и общество: оно породило новые распри. Против нового правителя сразу же выступил сын влиятельного «владельца» нойона Сары-Манджи — Немеху-Жиргал, являвшийся одним из потомков «великого Батура-хунтайджи» — основателя Джунгарского ханства. Собрав значительные силы, он вынудил Даваца искать спасения в кочевьях Амурсаны, отношения с которым у хана к тому времени серьезно обострились. Дело в том, что после свержения Ламы-Доржи, Амурсана, не удовлетворившись «положением правителя» ойратов, кочевавших в северных районах Джунгарии, Монгольском Алтае и Тарбагатае, потребовал от Даваца «во владение половину ханства». Однако последний ответил на это отказом: «...нигде того не водитца, дабы в одной землице были два владельца» [4, с. 439]. Но, несмотря на это, Амурсана поддержал Даваца. Совместными усилиями они нанесли поражение Немеху-Жиргалу и его союзникам [34, с. 267].

После этой победы Амурсана снова бросил вызов Даваца. И вновь неудачно. Даже несмотря на «энергичную поддержку» султана Аблая, тарбагатаец потерпел сокрушительное поражение, после которого он бежал в сентябре 1754 года в Китай, где просил императора дать ему войска для свержения Даваца [1, с. 65].

Князя Горного Алтая приняли самое непосредственное участие в «кровавом противостоянии» двух бывших союзников в их борьбе за ханский престол. Об этом свидетельствовал в свое время вахмистр А. Беседнов, посетивший весной 1754 года ставку алтайского зайсана Омбы на Кане. В это время, говорится в его сообщении, «зайсаны алтайские уезжали на помощь к Дебаче-хану» и возвратились домой — после «победы над Амурсаном» - в августе того же года [34, с. 267]. Эту информацию подтвердил позднее и зайсан Кутук, и его родственники: «...уходили де они все на службу, к Дебаче-хану на выручку, которого де и выручили, а Амурсанай-нойона и его землю всю разорили. Жен ево и детей, окот и живот ево весь обобрали и привезли в свою землю...» [34, с. 268]. Этого «разорения» Амурсана не мог простить алтайским князьям и постарался с помощью Цинов рассчитаться с ними.

Обращение Амурсаны за помощью к Пекину «развязало руки» последнему, давно стремившемуся к уничтожению Джунгарского ханства. Ранней весной 1754 года цинская армия — двумя колоннами двинулась в поход. В составе северной колонны шел (помощником командующего) Амурсана. Не встретив организованного сопротивления со стороны джунгаров, цинская армия быстро оккупировала страну, повергнув в ужас ее население своими действиями. По свидетельству очевидцев, захватчики уничтожали на пути «все живое». Те же, кому удалось избежать геноцида

Цинов, «бросились в Сибирь» [35, с. 47]. Вслед за этими беженцами и устремились цинские отряды.

Угроза захвата китайцами понудила алтайские племена, кочевавшие до этого в бассейне р. Кобдо и прилегающих к ней районах, переселиться в южные районы Горного Алтая: в верховья Чуи и Катуня. Сюда-то, вслед за беглецами, и прибыли летом 1754 года цинские отряды, которым удалось «привести в покорность» лишь малую «толику беглецов» (445 человек — *Авт.*) [36, с. 106]. Большинство же алтайцев отказалось принимать китайское подданство и возвратиться на покинутые ими кочевья. В ответ на это захватчики увели с собой «молодых, а старых вырубали всех без остатка» [28, л. 21].

Сложная военно-политическая обстановка понудила алтайских зайсанов искать выход из создавшегося положения. Было решено провести в 1754 году съезд алтайской знати, на котором обсудить складывавшуюся в регионе обстановку, наметить пути выхода из «кризисного состояния» [36, с. 106]. Однако сведений о том, состоялся ли он, на сегодняшний день не имеется (не обнаружены пока исследователями — *Авт.*).

А тем временем масштабы цинской агрессии в Горном Алтае разрастались. Маньчжурские отряды, вторгнувшись в юго-восточные районы края, вышли к Телецкому озеру, чиня на своем пути «грабеж и насилие», склоняя алтайцев к принятию китайского подданства. В этой обстановке местные зайсаны собираются в марте 1755 года в ставке Намыкая Малаева на «совет» для обсуждения вопросов по отражению цинской агрессии. После жарких споров было принято решение об организации общеалтайского ополчения. Местом его формирования был избран бассейн р. Ело, то есть, во владении зайсана Намыкая [36, с. 108].

Сформированный десятью зайсанами алтайский отряд, вооруженный «ружьями, саадаками (луками) и копьями», нанес — той же весной — несколько поражений захватчикам [1, с. 67]. Однако к лету 1755 года, ситуация изменилась. Малочисленность отряда, неорганизованность, а главное — отсутствие единого командования стали причиной того, что алтайцы сами стали терпеть одно поражение за другим.

Это обстоятельство, а также ухудшение, в связи с цинской агрессией, общей обстановки в Горном Алтае понудило алтайцев устремить свои взоры в сторону России. В своих прошениях, ставших поступать в различные инстанции местных и центральных органов власти с начала 1755 года, они стали просить о «взятии их в российскую империю» и «защите их от злого времени». К лету того же года поток такого рода ходатайств еще более усилился. Однако русские власти (ни гражданские, ни военные), не могли определить: как им поступить в сложившейся ситуации. К примеру, на запросы командующего Колывано-Кузнецкой военной линией полковника Дегарриги то и дело следовали (от командующего Сибирскими войсками бригадира Крофта и из Коллегии иностранных дел — *Авт.*) неопределенные ответы: «...в близость границы и к крепостям... оных

зенгорцев не допускать», но и «не отгонять их от оных» [37, л. 67].

В сентябре 1755 года против Цинов восстал Амурсана, потерявший всякую надежду стать, с их помощью, ханом единой Джунгарии. Однако это обстоятельство никак не способствовало его объединению с алтайскими зайсанами. Последние, по прежнему, продолжали борьбу с ним. Такого рода столкновения имели место в районе Телецкого озера, на Катуня и на р. Семе [36, с. 113-114]. Спустя некоторое время, Амурсана прекратил борьбу с алтайскими зайсанами и в октябре 1755 года его отряды покинули Алтай и ушли в Джунгарию, опасаясь действий крупного китайского войска, дислоцировавшегося в Южном Алтае. Но это не принесло мира на алтайскую землю, поскольку теперь на нее обратили свои взоры Цины. Вскоре они присылают алтайским зайсанам ультимативный приказ, в соответствии с которым они обязывались срочно явиться «в то войско для отсылки их в Китай». И зайсаны подчинились этому ультиматуму. В течение четырех месяцев там побывало около 20 человек. Вернувшись в январе 1756 года, зайсан Намыкай известил русские власти о том, что им приказано собрать свое войско и выступить весной (совместно с китайцами — *Авт.*) против Амурсаны [38, л. 1-3]. В связи с этим распоряжением китайцев, он просил русские власти ускорить решение вопроса о приеме алтайцев в российское подданство. Однако последние, по прежнему, хранили глубокое молчание на сей счет. Учитывая настойчивые притязания китайцев «взять алтайцев в мунгалское подданство», зайсаны созывают на р. Кайрлук совет, который постановил еще раз обратиться к русским властям о приеме их со своими людьми «российскую протекцию» [1, с. 63]. В январе 1756 года прошение с такой формулировкой поступило от имени 13 алтайских зайсанов в Бийскую крепость и от зайсана Омбы и других — в Чакырскую крепость [39, л. 213, 217].

Прохшение о приеме алтайцев в российское подданство передавались также административным лицам или военным, попадавшим, в силу обстоятельств, в алтайские кочевья. Таковое, например, было передано в феврале 1756 года капитану Таракановскому представителями Каракольской волости, ведомства зайсана Намыкая Малаева [39, л. 213]. 15 февраля того же года уже зайсан сам лично передал такое же прошение от имени 12 алтайских зайсанов, под властью которых находилось более 1500 юрт, командующему Колывано-Кузнецкой военной линией полковнику Дегарриге [39, л. 217].

В разгар этих дипломатических сношений русским становится известно о новом вторжении цинских войск в Горный Алтай. Об этом в начале марта 1756 года сообщили в Бийскую крепость посланцы зайсанов Буктуша, Бурута, Намыкая, Намыка, а в Усть-Каменогорскую крепость — посланец зайсана Гулчугая, и в Чакырскую крепость — люди зайсана Омбы (Алтай Мабырашев и «бухарец Абреимов») [36, с. 113-114]. Несколько раньше (в феврале 1756 г. — *Авт.*) люди Омбы известили о наступлении китайцев капитана Те-

нического. В беседе с ним они сообщили, что «прибыли к ним» в Канскую волость «от китайского державца 30 человек для взятия их под китайское владение» [39, л. 170].

Разворачивавшиеся на Алтае события поставили русское правительство в очень затруднительное положение. С одной стороны, налицо была угроза дальнейшего распространения цинской экспансии за пределы Джунгарии. Но имевшимся в данном регионе воинскими силами предотвратить агрессию Цинов не представлялось возможным. А с другой, — было весьма проблематично и сложно взять алтайцев, бывших данников Джунгарии, под свою защиту.

Видя затруднения и нерешительность русских властей, цинские отряды начали проявлять большую активность в достижении своих целей. Принуждение алтайских аборигенов к принятию китайского подданства, сопровождаемое грабежами, насилием, убийствами мирного населения, массовыми угонами в плен молодежи, стали в те дни обычным явлением для Горного Алтая. Не дождавшись покровительства со стороны русских властей, алтайцы вынуждены были снова взяться за оружие и выступить на защиту своей свободы и независимости «отчих владений». В этом противостоянии Цинам особенно преуспели отряды Омбо, Гулчугая, Бобоя и других алтайских предводителей, которых цинский император Хунли (деви́з правления Цяньлун — непоколебимое и славное — *Авт.*) объявил своими личными врагами, осмелившимся оказать сопротивление цинским войскам, за что к ним, подчеркнул он, «нельзя проявлять снисходительность» [33, с. 72].

Выполняя приказ «Сына Неба», цинские отряды стали все глубже проникать вглубь Горного Алтая, разыскивая «изменников». Преследуемые противником алтайцы начинают уходить: одни — к границам Русского государства, другие — в глухие труднодоступные места Горного Алтая. Посланец зайсана Буктуша — Кайсан Бектешев, — прибывший в мае 1756 года в Бийскую крепость, передал Дегарриге прошение «своего владельца о приеме его со своими людьми в российское подданство», а также сообщил полковнику о наступлении китайцев, от которых его соплеменники «разбежались по разным урочищам» [37, л. 360].

Те же, кому не удалось уйти от преследователей, начинают вести двойную игру. Под предло-

гом, якобы обсуждения условий приема китайского подданства, они намереваются выиграть время, надеясь на «удовлетворение их прошений» русскими властями. Однако китайское командование не проявляет доверия к такого рода заявлениям алтайцев и настаивает на своем. Тайно приехавший, весной 1756 года, в Бийскую крепость алтаец Аксак Едженин поведал там, что к его зайсану Номкы «из китайского войска присылаются послы и просят со всех... двенадцати зайсангов алман». Кроме того, они, по его заявлению, «намерены взять тех зайсангов с их людьми с тех мест, где ныне они кочуют в свою землю, а коль оные откажутся переходить, то их всех перевешают на березах» [37, л. 326об.].

В этой ситуации алтайские зайсаны используют любую возможность, чтобы вновь и вновь заявить русским властям о своем желании принять вместе со своими людьми российское подданство. Одна из таких было направлено 9 марта 1756 года сибирскому губернатору В. Мятлеву [37, л. 218-220]. Не получив ответа от него, они обращаются 6 апреля 1756 года (через В. Мятлева — *Авт.*) с аналогичным прошением в Коллегию иностранных дел [37, л. 283]. Еще не зная какой она даст ответ на их прошение, алтайские кочевники, ища защиты от китайцев, начинают самовольно прикочевывать к русским укрепленным пунктам и селится в их непосредственной близости. Такого рода сведения поступили весной 1756 года в Томск от командования Чагырской, Усть-Каменогрской и других крепостей [40, л. 199].

Взвесив все «за» и «против», русское правительство принимает решение о приеме алтайских кочевников «в русскую протекцию». Это решение было закреплено указом от 2 мая 1756 года. Его реализация началась с июня 1756 года. Вхождение алтайцев в состав России не только обеспечило им защиту от иноземных посягательств и спасло их от угрозы физического уничтожения, но и создало условия для их дальнейшего экономического и культурного развития, но на качественно новой основе. С включением алтайских «инородцев» в состав России ознаменовало и ее территориальное «приращение» за счет земель, на которых кочевали аборигены Горного Алтая.

Библиографический список

- Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII—XIX вв.). — Горно-Алтайск, 1996.
- Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. — М.-Л., 1953.
- Модоров Н. С. У истоков дружбы. — Горно-Алтайск, 1989.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. — М., 1964.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 126. Оп. 1. Стлб. 1.
- Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения в XVII в. — М., 1958.
- Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII-XVIII вв. — Новосибирск, 1980.
- Архив Российской Академии Наук (РАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 17.
- Уманский А. П. Телеуты и енисейские киргизы в XVII в. // Некоторые вопросы истории СССР. — Барнаул, 1974.
- Рагозин Н. Е. Завоевание и освоение Западной Сибири // Записки Новосибирского пединститута. 1946. Вып. 1.
- Фишер И. Е. Сибирская история. — Спб., 1774.
- РГАДА. Ф. 214. Стлб. 10.
- Радлов В. Из Сибири. — Лейпциг, 1893.
- РГАДА. Ф. 214. Стлб. 49.
- Там же. Стлб. 1567.
- РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 18.
- РГАДА. Ф. 199. Портфель 478. Ч. III. Д. 12.
- Там же. Д. 32.
- Там же. Ф. 214. Кн. 1354.

20. АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 150.
 21. Там же. Оп. 4. Д. 18.
 22. Там же. Д. 19.
 23. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1961.
 24. АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 150.
 25. Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 1. — СПб., 1882.
 26. РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 3.
 27. Памятники сибирской истории. Кн. 2. — СПб., 1885.
 28. Архив высшей политики России (АВПР). Ф. 113. Оп. 1. Д. 1.
 29. РГАДА. Ф. 248. Кн. 725.
 30. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 29.
 31. Материалы по истории Сибири. — М., 1867.
 32. Центр хранения архивного фонда (ЦХАФ АК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.
 33. Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. — М., 1983.
 34. История Республики Алтай. Т. 1. — Горно-Алтайск. 2002.
 35. Шашков С. С. Рабство в Сибири // Дело. Кн. 3. 1869.
 36. Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII — середине XIX вв.: Проблемы политической истории и присоединения к России. — Горно-Алтайск. 1991.
 37. АВПР. Ф. 113. Оп. 1. Д. 4.
 38. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Ч. 1. Д. 537.
 39. АВПР. Ф. 113. Оп. 1. Д. 4.
 40. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 43.

Горно-Алтайский государственный университет
 Получено 17.08.09.

O. V. Malahova-Polykova, N. S. Modorov

THE ATTACH OF RUSSIAN STATE IN UPPER PART R. OB IN XVII — FIRST HALF XVIII CENTURIES
 In article, on the basis publish and archive materials, analyzed the road of altaian nomads ty rapprochement with Russian State and take out citizenship in 1756 year.

**Russian State, Siberian empire, Dzungaria, China, Gorny Altai,
 nomads, fortress, oath, russian citizenship**

УДК 902

Н. С. Модоров

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПРАВИТЕЛЕ ДЖУНГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА «ХОТО-ХОЦИН-БАТУРЕ» («ЭРДЭНИ-БАТУРА-ХУНТАЙДЖИ» — — 1653 Г.)

В статье, на основе опубликованных и архивных материалов, выявленных автором (отдельные из них впервые вводятся в научный оборот) освещена деятельность одного из выдающихся руководителей Джунгарского государства «Хото-Хоцин-Батура» («Эрдэни-Батура-хунтайджи» — — 1653 г.).

Исторические источники, Центральная Азия, Северная, Южная, Восточная, Западная Монголия, Джунгарское ханство, Русское государство, посольские связи, кочевые народы, кочевое общество

Конец XVII — первая половина XVIII в. занимает важное место в истории народов Центральной Азии. События того времени, без преувеличения, подготовили и обусловили, например, появление на исторической арене Джунгарского ханства, сыгравшего не последнюю роль в жизни алтайских кочевников. Рождение этого государства, зачастую, связывают (и вполне справедливо) с именем и «личными талантами, весьма воинственного и энергичного тайши Хутугайту Хара-Хулы», потомка легендарного тюркского «хана Эсена», являвшегося выходцем из прославленного и знатного ойратского «омока (рода, фамилии) Чжо-ло-сы», т. е. Чорос [1, с. 133].

Согласно достаточно широкому кругу письменных и эпических источников, тайша Хара-Хула предпринял на рубеже XVI—XVII вв. активную и целенаправленную попытку объединить под властью «чоросского дома» все калмыцкие племена. Однако этому намерению «знатного чоросца» воспротивились многие удельные правители и, в первую очередь, хошоутский тайша Байбагас. И здесь нелишне будет напомнить, что борьбу за власть в ойратском обществе почти всегда вели представители четырех главных его «омоков» — «чорос», «дэр-

бэт», «торгоут» и «хошоут». С годами «настойчивому чоросцу» все же удалось преодолеть сепаратизм местных владетелей и сосредоточить, конце концов, власть в своих руках. Но это возвышение чоросского тайши — Хара-Хулы — пришлось не по душе многим, в т.ч. и его честолюбивому сыну — Чохуру, — перешедшему в 1614 г. в лагерь противников своего отца [1, с. 133].

Непрекращавшимися ойратскими междоусобицами воспользовались, как это часто бывало в кочевых обществах Центральной Азии (обычная практика тех времен), «немирные соседи» ойратов — Алтын ханы и казахские феодалы. Но «неутомимый чоросец» предусмотрел и такой вариант развития событий в своей стране. Реагируя на него, он активной использовал все средства для своего возвышения. Используя где силу, где «степную» дипломатию и раздоры в стане противников, а где и прямой подкуп, тайше Хара-Хуле удалось-таки выйти победителем в этой «борьбе степняков». Благодаря этому, многие владетельные ойратские князья вынуждены были покинуть «пространство от Уфы до Томска», куда их загнали «враги», и возвратиться в степи Джунгарии и Восточного Туркестана, вновь ставшие

основной территорией их кочевий. Но воспользоваться плодами своей победы Хара-Хуле, к сожалению, не удалось: заболев в 1634 г. «непонятной болезнью, он вскоре умер [2, с. 98]. Начатое отцом дело продолжил его сын — Хото-Хоцин-Батур. В годы его правления (1634—1653 гг.) Джунгарское ханство, по справедливому признанию большинства исследователей его истории, достигло наивысшего расцвета.

Так, кто же он «совокупивший (согласно Черепановской летописи) своим благоразумием и храбростью Зенгорское владение, завоевавший часть Бухарии» и удостоившийся от Далай-ламы (Агвана-Лубсана-Джамцо — Н.М.) высшего княжеского титула «Эрдэни-Батур-хунтайджи», под которым он и вошел в историю Центральной Азии [3, с. 57].

Дата рождения продолжателя дела Хара-Хулы, первого единовластного правителя Джунгарии — «Эрдэни-Батура-хунтайджи», к сожалению, до сих пор исследователями точно не установлена. Но зато им известны его «государственные дела», которые дали все основания по достоинству оценить их. Например, известный русский ученый — востоковед Н. Я. Бичурин писал в свое время по этому поводу так: «Батор-хонь-тайцзи был... для элютов (ойратов — Н.М.), что Петр I для России» [4, с. 128]. Но если Н. Я. Бичурин писал о Батуре — хунтайджи столь возвышенно и «высоким штилем», то совершенно иного мнения о нем был другой русский синолог К.К.Пальмов. «Властолюбие джунгарского правителя, вообразившего себя чуть ли не новым Чингисханом и задавшегося целью подчинить себе всю Монголию, - писал он, - не только препятствовало прочному объединению западно-монгольских племен, но и повело к полному разрыву между Восточной и Западной Монголией, тем более, что в среде восточных монголов оказался столь же властолюбивый человек, которому не давала покоя мечта стать во главе всей Монголии, это Ликдан, хан чахарский» [5, с. 12].

Диаметральная противоположность оценок деятельности одного и того же человека, естественно, не осталась незамеченной исследователями и они постарались дать ответ: какая из них больше всего соответствует действительности, а какая нет. И, как ни странно, наиболее точной из них оказалась первая, Бичуринская. Разбираясь в тонкостях оценок двух вышеназванных сиологов — Н. Я. Бичурина и К. К. Пальмова, — дореволюционные историки В. В. Вельяминов-Зернов [6, с. 381], В. В. Григорьев [7, с. 76], Г. Е. Грум-Гржимайло [8, с. 97], а из советских — И. Я. Златкин [2, с. 107], избежав крайних (и опасных в таких делах) оценок, признали очевидную несостоятельность выводов К. К. Пальмова уже по той простой причине, что вступление Батура-Хотина на ханский престол совпадало по времени с гибелью Лигдана-хана, а потому он никак не мог соперничать с первым.

Так, чем же прославился ойратский правитель Батур-хунтайджи, коль скоро Н. Я. Бичурин даже счел возможным сравнить его со знаменитым российским царем-реформатором? И уместно ли такое сравнение? Ответ на столь неординар-

ный вопрос можно дать только один: да, уместно. Во-первых, правитель Джунгарского государства оказался весьма мудрым, расчетливым человеком и очень дальновидным политиком. Во-вторых, преодолев сепаратизм владетельных князей, ему, а не кому-нибудь другому, удалось «собрать воедино ойратские земли» и существенным образом изменить взаимоотношения Джунгарского ханства с соседствующими с ним народами и государствами, в частности, с казахскими феодалами, Могулистаном и Алтын-ханами. Отныне им противостояли уже не разрозненные и малосильные ойратские княжества, а объединенное государство, умело направляемое властной и твердой рукой его общепризнанного правителя — «Эрдэни-Батур-хунтайджи» [2, с. 108-109].

Но если внешнеполитическое положение ханства правителю удалось, в известной степени, стабилизировать, то вот с внутригосударственной обстановкой дела обстояли у него гораздо сложнее. Откожевка части торгоутов и дэрбэтов из Джунгарии на Волгу, а хошоутов — в Кукунор, конечно же, не могла не ослабить силы молодого ойратского государства. Осознавая эту опасность, Батур-хунтайджи предпринимает срочные меры для возвращения «беглецов», но не огнем и мечом, как поступали в аналогичных случаях правители соседствующих с ним мусульманских владений Восточного Туркестана, а исключительно путем «мирных переговоров, искусной дипломатии и установления семейных уз». Именно с этой целью (дабы избежать «внутреннего раздора»), Батур-хунтайджи идет на «породнение» с хошоутским Байбагас-ханом: он выдает свою дочь за его сына — Очирту-тайджи. В связи с этим, нельзя не сказать об одном уточнении. В частности, исследователь М. И. Гольман ошибочно указал в свое время, что Батур-хунтайджи женил своего сына на дочери хошоутского князя [3, с. 57]. Установил джунгарский правитель «семейную связь» и с «торгоутским домом», женившись на одной из дочерей Хо-Урлюка [9, л.18-19]. Не переставал Батур — хунтайджи «работать» и над проблемой «крепкой привязки» к себе, Джунгарскому государству в целом, и дэрбэтского Далай-тайши. На основании русских источников, в полной мере можно судить, что и эту задачу ойратскому правителю удалось решить весьма успешно. Опираясь на их свидетельства, можно с полным основанием утверждать, что князь дэрбэтов до самой своей кончины (а он умер в 1637 или 1638 г. — Н. М.) сохранял полную свою лояльность к джунгарскому хану и активно сотрудничал с ним [10, л. 41-42].

Несомненно важным событием, в плане «примирения» владетельных правителей Западной и Восточной Монголии под эгидой Батур-хунтайджи, стал их объединительный съезд, состоявшийся в Тарбагатае (на территории Джунгарского ханства — Н. М.) в начале сентября 1649 г. Представительство княжеств на нем было более, чем представительным. Так, Халху на съезде представляли: Дзасакту-хан, Тушету-хан и два сына престарелого Цецен-хана, Кукунор-Гуши-хан с сыновьями и родственниками, волжских торгоутов —

Хо-Урлюк с сыновьями. Не было на этом объединительном съезде только лишь представителей южно-монгольских феодалов, которые к тому времени уже попали под власть маньчжурских императоров [3, с. 57].

Джунгарский объединительный съезд прошел, как ныне говорят о такого рода форумах, «весьма конструктивно» и завершился принятием целого ряда правил и узаконений, которые вошли в историю под названием «Монголо-ойратских законов 1640 г.» («Цааджин бичиг»), направленных на урегулирование старых споров и взаимных претензий, постоянно таивших в себе возможность возникновения вооруженных конфликтов и междоусобных войн; на объединение всех сил в единое целое; на оказание помощи каждому владетельному князю, подвергнутому нападению любого агрессора, — как внутреннего, так и внешнего.

Последний же — в лице маньчжурского Китая — существовал для Джунгарского ханства всегда. Правда, источники почти ничего не говорят об отношении джунгарского правителя к цинской экспансии. Но в то же время они свидетельствуют о том, что Батур-хунтайджи до конца своей жизни не вступал в контакт с захватчиками Южной Монголии, хотя к 1640 г. достаточно регулярные связи с маньчжурскими правителями установили феодалы Халхи, а уже после Джунгарского объединительного съезда — хан Кукунора и даже Далай-лама. Многие из контактировавших с цинским Китаем объясняли свои действия настоящей необходимостью вести товарообмен с ним и не более. Но это, как покажет время, было далеко не так. В товарообмене с Китаем был заинтересован и Батур-хунтайджи. Но даже такого рода нужда не подвигла его к налаживанию отношений с цинским правительством. Данное обстоятельство, а также объединительно - охранная направленность ойратского съезда 1640 г. дают, в известной степени, основания предположить, что джунгарский правитель не был «почитателем» Цинской империи и весьма негативно относился к тем, кто вел с ее правителями политику «заигрывания». На это, хотя и косвенно, но указывает, в частности, биограф ойратского правителя Зая-Пандита. Последний, как явствует из его сочинений, особо подчеркивал, что Батур-хунтайджи был ярким противником Китая. И Зая-Пандите стоило немало трудов, чтобы как-то смирить джунгарского хунтайшу, чтобы он не «лез в драку, а вел себя более благоразумнее». В то же время лама все делал для того, чтобы помочь Батуру наиболее полно претворить в жизнь «установления» Джунгарского объединительного съезда, творцом которых исследователи с полным основанием считают правителя Джунгарского государства — Батур-хунтайджи [2, с. 116-117].

Благодаря усилиям Зая-Пандиты и джунгарского правителя, в стране установилось — после съезда — так необходимое ей «умиротворение». Но оно продолжалось совсем недолго. Уже через пять лет страну захлестнула новая волна междоусобных конфликтов как внутри Джунгарии, так и в других частях Монголии. Весной 1646 г. про-

тив джунгарского правителя и его сторонника — хошоутского Очирту-Цецен-хана — выступил Хундулен-тайша (брат хошоутского Байбагас-хана и Очирту-Цецен-хана — *Н. М.*), старый противник Батура, открыто занимавший враждебную позицию по отношению к последнему. Собрав войска, он двинулся в район Хара-Тала, на р. Хуху-усун. В произошедшем между противниками сражении, имевшем место в местности Ухарлик и закончившееся сокрушительным поражением Хундулена и его союзников (сыновей дэрбэтского Далай-тайши) [11, л. 321]. Не отличался своей лояльностью к джунгарскому правителю и брат Хундулена — Эрдени-хунтайджи. Об этом свидетельствовали в Тобольске и русские посланцы Ф. Иванов и Б. Якшагулов, побывшие в его ставке на Иргизе, в конце 1648 г. [10, л. 131-132].

Решая вопросы внутреннего и внешнеполитического характера, Батур-хунтайджи придавал немаловажное значение налаживанию русско-ойратских добрососедских отношений, ибо «проявление добрососедственности» Москвы к себе, он рассматривал, и вполне справедливо, как одно из главных средств укрепления своих позиций внутри Джунгарского государства. Так, в беседе с русским посланцем, тобольчанином Г. Ильиным, ойратский правитель особо подчеркивал, что он «очень дорожит своей дружбой с русским царем» [12, л. 648-649]. И эту свою приверженность к нему, хан подтверждал в последующем достаточным интенсивным обменом посольствами с русскими властями. Согласно источникам, с 1634 по 1653 г., таковых от ойратов прибыло в Россию свыше 33, причем от самого Батур-хунтайджи и лично к нему — не менее 19 [3, с. 58].

Если обратиться к тематике обсуждавшихся ими вопросов, то наиболее сложным и запутанным из них в отношениях между двумя государствами был вопрос о подданстве народов Сибири и сборе ясака с них. Как известно, с незапамятных времен отношения между обитавшими здесь народами регулировались «исключительно правом сильного». Неудача на поле сражения неизбежно ставила побежденного в зависимость от победителя и превращало его в так называемого «кыштыма», подвластного человека, обязанного платить дань (ясак) победителю [13, с. 184]. Самым могущественным народом в Саяно-Алтайском регионе вплоть до конца XVII в. были, как известно, енисейские киргизы. В «кыштымной» от них зависимости находился целый ряд народов и племен этого региона. Ситуация в нем резко изменилась, когда на политическую арену вышли монгольские Алтын-ханы, чье государство возникло в последнее десятилетие XVI в. в северо-западной части Халхи, и основателем которого был один из внуков знаменитого монгольского князя Гэрсэндэ-Шолой-Убаши-хунтайджи. В период правления его преемника Омбо-Эрдэни (конец 20-х гг. XVII в. — 1657 г.) границы ханства распростерлись от Саянских гор на севере до хребтов Монгольского Алтая на юге, на западе — до озера Убса, а на востоке — до озера Косогол [14, с. 24]. С этого момента киргизы и подвластные им народы стали «кыштымами» нового сюзерена, в числе

которых оказались многие тюркские народы Саянско-Алтайской котловины, в том числе и аборигены Горного Алтая.

Очередное изменение сложившегося в Саяно-Алтае соотношения сил произошло с появлением здесь Джунгарского ханства и Русского государства. Это обстоятельство еще больше осложнило обстановку в регионе, особенно обострив при этом борьбу претендентов «за обладание местными ясаками людьми». Вступив «в новоприбыльные» (недавно освоенные — *Н. М.*) владения в Сибири, Москва настойчиво предписывала своим воеводам «приискивать новые земли, а людей, там живущих приводить под высокую государеву руку и собирать с оных ясак» [15, л. 48]. И местные власти выполняли «царев указ», нередко прибегая для этого «к оружной руке» (т. е. к воинской силе), вместо рекомендовавшихся центром «ласки и привета» при «приискании новых земель» [16, с. 47]. В условиях отсутствия стабильных границ, нередко случалось, что «обитатели» последних платили ясак «или контайше, или киргизам, или владельцам иных земель, или же — всем им одновременно» [10, л. 94-99].

Словом вопрос о подданстве народов пограничной зоны и сбора с них ясака, стал в XVII в. центральным во взаимоотношениях Русского государства и Джунгарии, нередко обретая опасную для обеих сторон остроту. И хотя противоречия между государствами были порой весьма серьезными, они все же (благодаря усилиям обеих сторон) не выливались в вооруженный конфликт, правда, инцидентов местного значения, естественно, избежать, часто не удавалось. Все «неясности» своих взаимоотношений ойратский правитель и русские власти решали в основном мирным, дипломатическим путем, выработав, таким образом, и механизм разрешения возникших между ними споров: признания обеими сторонами системы двоеподданства и двоеданичества [17, с. 21].

Политикой взаимных «уступок» им удавалось избегать военных столкновений. Было очевидно, что ойратский правитель хорошо представлял себе и невозможность, и бесперспективность его войны против Русского государства. Он понимал, что военная акция — в случае неудачи — могла не только сокрушить власть Батура — хунтайджи в стране, но и обессилить ее, а это, в условиях нарастающей опасности агрессии со стороны Цинского Китая, могло принести Джунгарии и ее народу непоправимые беды, что, в общем-то, и случилось, спустя сто лет. Русское правительство также не было заинтересовано в развязывании войны против Батура-хунтайджи. Более того, обе стороны больше вели разговор о военном сотрудничестве, но, как показало время, безуспешно. Ни один известный историком источник не содержит даже косвенных свидетельств об участии русских и джунгарских войск в какой-либо совместной военной операции.

Говоря об отношениях Русского государства и Джунгарии того времени, нельзя не согласиться с мнением историков, подчеркивавшим неравнозначность положения соперничавших сторон. Действительно, последняя, — в лице Батура-хун-

тайджи — нуждалась в русской поддержке гораздо больше, чем Москва — в ойратской. Если джунгарский правитель с ее помощью намеревался укрепить свою власть в стране и превратить ханство в мощное, единое и самостоятельное государство, то русские власти, поддерживая контакты с ним, преследовали только одну цель: предотвратить вторжения ойратского правителя и подвластных ему князей «в российские пределы» и устранить, тем самым, «помеху» в «экономической эксплуатации» ими «местного сибирского населения» [2, с. 127].

Налаживая и расширяя контакты с Русским государством, Батур-хунтайджи заботился и о «самостоятельности», и о «независимости» своей экономической политики. При решении этой не простой для себя задачи, он действовал, без преувеличения, как истинный реформатор. В частности, Батур-хунтайджи первым среди ойратских правителей видоизменил хозяйственную жизнь страны, внедрив в нее неизвестные до этого кочевникам земледелие и новые виды ремесленного производства, начал создавать оседлые городские поселения, перевооружать свою армию. Эти деяния ойратского правителя нашли свое отражение в русских источниках того времени. Приведем некоторые их свидетельства на сей счет. Один из архивных документов сообщает, что в декабре 1638 г. Батур-хунтайджи ходатайствовал перед русскими властями о присылке ему 20 свиней и 10 собачек [18, л. 57-58]. Год спустя, эту его просьбу, но в более расширенном «ассортименте», повторили в Тобольске его ойратские послы Урускай и Ноёдай. «Просит де их контайша, — заявили они воеводе, — прислать ему панцири, пищали и свинца, да для плоду (разведения — *Н. М.*) ...4 вебря... петуха, да курицу индейских, да 10 собачек постельных» [1919, л. 33-35]. Просьбу своего «владельца» о присылке ему вышеуказанных животных и птиц они обосновывали его желанием «сесть на вечное житье в каменном городке», устроенном им «на мунгальской границе, в урочище Кибаксары». В этом городе, по словам послов, проживает лама, который «заводит на контайшу пашню... кою... пашут бухарские люди, сеют пшеницу и просо, а семена де те завезены из Бухары». В заключение послы заметили, что пока их «владелец не живет в том городке, а кочует около оною» [19, л. 38-39]. Но уже в конце 1641 г. вернувшийся из Джунгарии русский посол Л. Неустроев докладывал в Тобольске о том, что «контайша живет в городе... встречал [он их, посолов] у него на лошади, у пашни... увидя их (послов — *Н. М.*), с лошади сошел и учал их спрашивать про государственное многолетнее здоровье» [11, л.658-659]. Другой русский посол (Л. Насонов — *Н. М.*), побывавший в Джунгарии в 1642 г., отметил потом в своем отчете, что «none у контайши уже есть три города кирпичных... и заводит...он...четвертый. А от города... до города езды... по днищу. А в тех... городах живут его, контайшинины, лабы (ламы — *Н.М.*) и пахотные...люди» [10, л. 57-58].

Завершая разговор «о городском строительстве» джунгарского хана, небезынтересно взгля-

нуть на то, что собой представляли возводимые им города. Согласно документам, их первыми жителями являлись ламы. Исходя из этой посылки, можно предположить, что ойратский город начинался со строительства монастыря. Возведенный из кирпича или камня, он становился центром оседлого поселения, около которого группировалась ставка контайши или какого-либо владетельного князя со своими службами. В дальнейшем, что можно с полной уверенностью предположить, здесь появлялись купцы, ремесленники с лавками и мастерскими и «прочий люд». Так появлялся на свет ойратский город, в окрестностях которого по приказу контайши и «заходила» пашня.

Возведение монастырей-городов, безусловно, требовало наличия «мастеров городского дела». Таковых в Джунгарии, опять-таки, согласно документом, не было. В поисках их хан не раз обращался за помощью к русским. Подтверждение этому, можно так же найти, опять-таки, в архивных документах. Так, пославший в Джунгарию тобольчанин В. Клепиков докладывал потом (в конце 1650 г.) воеводе о том, что Батур-хунтайджи просил прислать ему, наряду со свиньями, боровыми, петухами и курицами также и «двух... плотников... двух камешников, да двух... кузнецов для городского дела (строительства — *Н. М.*), да

для пищального дела (производства оружия — *Н. М.*) — двух бронников» [11, л. 483-484].

Последующие годы, в принципе, мало, что изменили во взаимоотношениях двух государств. И были все основания полагать, что установившееся между ними добрососедство будет иметь место — по крайней мере — в течение ближайшего десятилетия. Но этого, к сожалению, не произошло. И виной всему этому стала неожиданная смерть Батура-хунтайджи «зимой 1653 г.» [2, с. 135]. Созидательные дела Батура — хунтайджи продолжила на первых порах его вдова — Дарибанчи, с сыновьями — Ончон-батуром и Цзотба-батуром [20, л. 23-24]. Но, возникшие сразу же после похорон Батура-хунтайджи разногласия в семье (согласно утверждениям ряда исследователей, что у Батура-хунтайджи было несколько жен и 10 сыновей — *Н. М.*) [2, с. 136], привели ее в конце концов к расколу на две враждующие группировки. Ставший ханом Джунгарии сын Батура-Сенге-тайша оказался не столь лояльным по отношению к Русскому государству, нежели его отец. Это проявится сразу же после установления джунгарским правителем непосредственных контактов с Русским государством. Однако он их установит ним только по истечении десяти с лишним лет после смерти своего отца, т. е. в 1664 г.

Библиографический список

1. Модоров Н. С. Хара-Хула и его роль в консолидации ойратских племен в начале XVII в. // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. — Горно-Алтайск, 1999.
2. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. — М., 1983.
3. Исторический лексикон. XVII в. — М., 1998.
4. Иакинф. Описание чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Т. 1-2. — СПб., 1829.
5. Пальмов К. К. Этюды по истории приволжских калмыков XVII—XVIII вв. Ч.1. — Астрахань, 1926-1929.
6. Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864.
7. Григорьев В. В. Батор-хонь-тайджи // Энциклопедический лексикон. Т. V. — СПб., 1876.
8. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. II. — СПб., 1896.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 113. Оп. 1. Д.1.
10. Архив Российской Академии наук (РАН).Ф.21.-Оп.4.Кн.11.
11. РГАДА. Ф. 214. Стлб. 455.
12. РГАДА. Ф.21. Стлб. 455.
13. Кызласов Л. Р. К этимологии термина «кыштым» русских документов XVII в. // Ученые записки Хакасского НИЯЛИ. Вып. 8. 1960.
14. Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. — М., 1983.
15. РГАДА. Ф. 214. Стлб. 673.
16. Русская историческая библиотека (РИБ). Т. II. СПб., 1875. С. 47; Томск в XVII в. Материалы по истории города. СПб. б/д. С. 19; 22. АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 11. Л. 94-99.
17. Боронин О. В. Двоеданничество и двоеподданство тюркских народов в Южной и Юго-Западной Сибири. XIII-60-е гг. XVIII в. Автореф.дисс. канд.ист.наук. Барнаул, 2000.
18. РГАДА. Ф. 214. Стлб. 453.
19. АРАН. Ф.21. Оп.4. Кн. 11.
20. РГАДА. Ф. 214. Стлб. 535.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 11.09.09.

N. S. Modorov

NEW MATERIALS ABOUT ACTIVITY ONE OF OUTSTANDING THE LEADER OF DJUNGAIAN STATE «HOTO-HOCIN-BATUR» (ERDENI-BATUR-HUNTAGI) — ... — 1653 YEAR)

In article, on the basis of publish and archive materials, reveal of author (separate for the first time into scientific turn) throw light the activity one of outstanding the leader of Djungaiian state «Hoto- Hocin-Batur» (Erdeni — Batur — huntagi) — ... — 1653 year)

УДК 902

М. И. Паклин

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ СКОТОВОДСТВА У РУССКИХ КРЕСТЬЯН АЛТАЙСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ВЕКА

В статье на основе опубликованных материалов даётся характеристика скотоводческой отрасли в хозяйстве русских крестьян Алтая во второй половине XIX века.

скотоводство, скотоводческий календарь, породы животных, сенокосные паи, уход за животными, эпизоотии

Скотоводство являлось вторым по значимости занятием русского крестьянского населения Алтайского округа во второй половине XIX века. Богатые степи и великолепные луга, покрытые «пышной травяной растительностью», создавали прекрасные условия для развития этой отрасли крестьянского хозяйства в крае. В степном районе, а также в горах, можно было встретить домохозяев, владевших косяками лошадей в несколько десятков и даже сотен голов [1, с. 35].

Скотоводство традиционно играло важнейшую роль в обеспечении крестьянской семьи продуктами питания. Рассказывая о жителях Барабинской степи, один из путешественников отмечал: «Сибиряки и поесть любят хорошо. В ходу больше пшеничный хлеб, который сибирячки пекут очень вкусным и мягким. Славится сибирская шаньга - белый хлеб, который пекут, обмазав густой сметаной. Мясо в большом ходу. В Барабе почти половина домохозяев ест мясо каждый день, кроме постных дней» [2, с. 72].

Другой важной функцией скотоводства было снабжение крестьянской семьи сырьем для кустарной переработки в предметы первой необходимости [3, с. 54].

И все же главной задачей крестьянского скотоводства на Алтае второй половины XIX века, особенно с начала 80-х годов, было обеспечение земледелия тягловой силой. Лишь в южной (гористой) и юго-западной (степной) частях округа, а также в полосе около гор, скотоводство зачастую играло ведущую роль в хозяйстве крестьянина. Во всех остальных местностях Алтайского округа оно выполняло роль подсобного занятия, и число скота в хозяйстве определялось в первую очередь его потребностями для осуществления в нем различных видов сельскохозяйственных работ.

Возможность разведения на Алтае большого количества скота обеспечивалась, с одной стороны, относительным многоземельем края, а, с другой, — достаточно высоким и пышным травостоем алтайских лугов. По подсчетам И. Морозова, на одно наличное крестьянское хозяйство в среднем по округу в конце XIX — начале XX веков приходилось: лошадей — 4,9, волов — 0,5, крупного рогатого скота — 3,5 и мелкого скота — 9,1 голов. Таким образом, в общей сложности на один двор приходилось в среднем 18 голов скота [4, с. 26]. Выводы И. Морозова подтверждаются и данными ежегодных «Сельскохозяйственных обзоров Алтайского округа», в которых неизменно отмечается, что в целом по округу «на одно хо-

зяйство в среднем приходится довольно значительное количество скота, доходящее часто до 14 и более голов, считая мелкий скот в единицах крупного» [1, с. 35].

Как правило, в крестьянском хозяйстве повсеместно наличествовали лошади, коровы, волы, свиньи, овцы и козы. В горах Бийского уезда многие русские крестьяне в специальных загонах разводили маралов.

Главенствующее место в хозяйстве крестьянина, безусловно, занимала лошадь. Ее роль в жизни крестьянской семьи трудно переоценить. Являясь главной тягловой силой, она в то же время выступала и главным гарантом жизнеобеспеченности и благополучия крестьянской семьи. Отсутствие лошади в хозяйстве в большинстве случаев свидетельствовало о крайнем его упадке.

В степи и соседних с нею юго-восточных волостях преобладала «киргизская лошадь». Она не отличалась ни выносливостью в работе, ни скоростными качествами, но зато была очень хорошо приспособлена к местным климатическим условиям и «самостоятельному добыванию корма» в течение всего года. В горах Бийского и Кузнецкого уездов крестьяне разводили менее рослую по сравнению с «киргизской», но более сильную, выносливую и привычную к езде по горам породу лошадей. В большинстве мест она получила название «калмыцкой». Обе породы — и «киргизская», и «калмыцкая», — по оценкам специалистов, постепенно вырождались вследствие отсутствия должной селекционной работы (отбор хороших конематок и т.п.), крайне слабого ухода за молодняком и по целому ряду других причин [4, с. 27].

Преобладающей в целом по округу породой лошадей была так называемая «сибирская» лошадь. Невысокая, но сильная и очень выносливая она пользовалась наибольшей популярностью в хозяйствах алтайских крестьян. Лучшим представителем чистой «сибирской» породы считалась «чумышская» лошадь. В селениях вдоль сибирского тракта встречалась крупная «томская» лошадь. В 80-е годы на Алтай переселенцами из Воронежской губернии были завезены и получили впоследствии довольно широкое распространение в регионе лошади-тяжеловозы орловской породы, так называемые «битюги» [1, с. 36].

Общее представление о динамике развития алтайского коневодства за период с 1876 по 1889 год дает нижеследующая таблица.

Численность лошадей в крестьянских хозяйствах Алтайского округа
в 1876, 1881—1889 гг.

Год \ Округ	Барнаульский	Бийский	Кузнецкий	Томский	Всего
1876	202 000	177 178	89 333	-	468 511
1881	261 022	347 364	107 528	-	715 914
1882	265 350	349 512	106 906	48 821	770 589
1883	269 393	333 204	106 922	-	709 519
1884	301 913	334 320	138 221	-	774 454
1885	309 265	330 032	139 330	-	760 048
1886	326 841	-	-	-	-
1887	348 009	343 415	123 379	67 958	882 761
1888	326 680	-	129 154	-	-
1889	382 588	445 036	138 315	-	965 939

Источники: Алтай. Историко-статистический сборник. Барнаул, 1890. С. 68.

Примечание: Данные по пяти крестьянским волостям Томского уезда, входившим в состав Алтайского округа, за исключением двух лет, отсутствуют.

Как видим, вышеприведенные данные свидетельствуют о неуклонном возрастании поголовья лошадей. За полтора десятилетия их общее количество увеличилось в округе более чем в два раза. Эта тенденция характерна и для последующих лет, что было напрямую связано с ежегодным увеличением крестьянской запашки в Алтайском округе. Последний же момент был обусловлен неуклонным ростом числа переселенцев, прибывавших в округ из Европейской России.

Другой причиной, определявшей рост численности лошадей в крае, являлось интенсивное развитие здесь в рассматриваемый период торговли, давшей в свою очередь толчок к «подъему» извозного промысла, требовавшего все большего и большего количества лошадей. Так, в 1887 году извозным промыслом занимались: в Барнаульском округе 1701 семья, в Бийском — 2620, в Кузнецком — 552 и в волостях Томского округа - 231 семья [5, с. 69]. Если считать, что в нем была занята одна лошадь, то в год извоз «поглотил» только по указанным округам 5104 лошади. На деле их занято было гораздо больше, ибо, как правило, семья «извозничала» на двух-трех лошадях. Существенное влияние на развитие коневодства в округе оказывал также постоянно растущий спрос на лошадей, отправлявшихся на продажу в Восточную Сибирь.

И, наконец, еще один немаловажный фактор, стимулировавший развитие данной отрасли крестьянского хозяйства, — довольно быстрый «износ» лошади в процессе производства, обязывавший крестьян иметь в силу этого постоянный их резерв. В хозяйстве любого крепкого хозяина обязательно имелось несколько лошадей-«подростков», еще не достигших трехлетнего возраста, но готовых, в соответствии с «хозяйственным графиком», вступить в работу [3, с. 62]. Таким образом, если учесть последний фактор, реальное поголовье коней, имевшихся в крестьянских хозяйствах Алтая, будет значительно большим той цифры, которую дает вышеприведенная официальная статистика, фиксирующая лишь рабочих лошадей.

Немалую роль в жизни крестьянской семьи, обеспечении ее продуктами питания играл крупный рогатый скот. Корова давала крестьянину не только мясо, но и молоко, из которого он получал сметану, масло, творог, т. е. продукты, имевшие первостепенное значение в его рационе. Кроме этого, рогатый скот являлся источником сырья для широко развитых в крестьянской среде сапожного и шорного промыслов. Наконец, в случае крайней необходимости, крупный рогатый скот использовался в хозяйстве и как тягловая сила.

Наиболее распространенными в Алтайском округе его видами являлись породы местного рогатого скота, хорошо приспособленного к климатическим условиям края. Его продуктивность по сравнению с породами скота других регионов была невысока. В убойном весе от коровы получали в среднем 7-8 пудов мяса, от взрослого быка — 10-14 пудов. Не отличался местный крупнорогатый скот и молочностью. Вследствие позднеспелости, корова достигала своей высшей молочности лишь по 7-8 теленку. Средний годовой удой не превышал 60 пудов. Правда, молоко имело довольно высокий процент содержания жира — от 4 до 7% [4, с. 27]. Другим достоинством скота местной породы являлось то, что он был очень вынослив и крайне неприхотлив в корме. С конца марта или начала апреля (в зависимости от района) и до половины ноября он «тебеневал», т. е. самостоятельно добывал себе пищу на пастбищах. Зимой же скот содержался в закрытых, но холодных дворах, и при постоянном недостатке у крестьян сена зачастую кормился соломой даже во время отела. Скот, выкармливавшийся на мясо, держался в хозяйстве обычно до трехлетнего возраста. Дальнейшее его содержание было для хозяина невыгодно, так как прирост мяса не окупал расходов, затрачиваемых на корм.

С развитием в Алтайском округе «товарного» маслоделия, привнесенного сюда крестьянами-переселенцами из европейской России, местные крестьяне, имевшие на то возможность, заметно перестроили кормление и содержание своих молочных коров. В течение лактационного периода им

стали давать, помимо сухого корма, «пойло» из мучных отрубей, конопляных или льняных жмыхов, что существенно способствовало повышению их молочности. В результате этого заботливые хозяева «довели» годовой удой от одной коровы до 135 и даже до 146 пудов [4, с. 28].

Достаточно широко было распространено среди русских крестьян Алтайского округа и овцеводство. В степной полосе разводили киргизских (курдючных) овец. В остальных местностях округа преобладала русская грубошерстная овца. Наряду с нею практиковалось также разведение «длиннохвостой» или, как ее еще называли, «тонкорунной» овцы. Впервые она была завезена на Алтай в начале 60-х годов XIX века всё теми же переселенцами из Европейской России.

Овец разводили главным образом для получения мяса, бараньего сала и шерсти. Баран средней упитанности (в 2—4-летнем возрасте) давал в убойном весе от 30 фунтов (русская мера веса =

409,5 г.) до двух пудов мяса. Кроме того, с упитанного барана брали до одного пуда сала. Средняя цена баранины к концу XIX в. составляла 6-7 коп. за фунт. В зимнее время стоимость жирной баранины, особенно ценившейся у «инородческого» населения края, нередко доходила до 10-15 коп. за фунт [4, с. 26]. Получаемая с овец шерсть частью перерабатывалась самими крестьянами, а часть ее они продавали, либо скупщикам по цене 4-6 руб. за пуд, либо сдавали непосредственно на пимокатные заводы, хозяева которых платили за пуд шерсти от 8 до 14 руб. Особенно ценилась ягнячья шерсть первой стрижки.

Значительно менее развито было в Алтайском округе свиноводство. Свиной выращивали лишь для «собственного потребления» и то не повсеместно.

Общие тенденции развития скотоводства в Алтайском округе в пореформенное время в известной степени отражает нижеприведенная таблица.

Таблица 2

Поголовье крупного рогатого скота, овец и свиней в крестьянских хозяйствах Алтайского округа за 13-летие с 1876 по 1889 гг.

Округ	Виды животных	1876	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889
Барнаульский	Коровы	173000	236595	248423	250152	172716	199206	226450	233933	233660	271181
	Овцы	177000	238325	243199	225223	228679	247380	326310	358063	309497	364714
	Свиньи	25000	38340	37133	36389	32762	62166	71157	51949	75931	-
Бийский	Коровы	121355	249190	290550	269717	177694	128626	-	177305	-	229773
	Овцы	117556	316098	355901	311244	319994	245061	-	346209	-	387872
	Свиньи	37153	48029	72303	69847	88150	65232	-	75767	-	-
Кузнецкий	Коровы	70018	84248	68982	79159	64450	53563	-	67307	75521	84906
	Овцы	79122	95822	82321	83440	75885	82012	-	87113	87983	105768
	Свиньи	27312	39663	33315	35247	26087	27846	-	35028	33305	29668

Источники: Алтай. Историко-статистический сборник. Барнаул, 1890. С. 72.

Примечание: Таблица дополнена и откорректирована нами — М.П.

Таблица показывает, что за период с 1876 по 1882 год наблюдался неуклонный рост численности всех, перечисленных в ней, видов домашнего скота. Данный факт говорит об устойчивом прогрессе скотоводства в Алтайском округе в пореформенное время, несмотря на то, что оно уже не являлось ведущей отраслью крестьянского хозяйства края. Из таблицы также видно, что после 1883 года в крае наблюдается громадная убыль скота (прежде всего крупнорогатого). Это был результат страшной эпидемии чумы, постигшей Алтайский округ в 1884 году. Именно не прекращавшиеся в течение всей второй половины XIX века эпизоотии чумы и сибирской язвы были главным бичом скотоводства в регионе [6, с. 206].

Эпидемия чумы 1884 года была особенно сильной и нанесла тяжелейший урон скотоводству края: в этом году здесь пало 206,5 тыс. голов скота (в большинстве своем крупнорогатого) или треть всего наличного крестьянского стада [5, с. 74].

Главной причиной столь серьезного «удара» по скотоводству края явилась чрезвычайно сла-

бая организация в округе ветеринарной службы. В 1881 году на весь Алтайский округ приходился всего один ветеринарный врач и восемь фельдшеров. Ситуация почти не изменилась и в последующие годы. К началу 90-х годов весь ветеринарный персонал распределялся по территории округа следующим образом: в Барнаульском и Бийском уездах — по 1 врачу и 5 фельдшеров, Кузнецком — 1 врач и 4 фельдшера [5, с. 198].

Как правило, врач и один «приписанный» к нему фельдшер жили в окружном городе. Остальной фельдшерский персонал дислоцировался обычно в волостных центрах. Несмотря на то, что численность ветеринарников по сравнению с 1881 годом несколько выросла, их явно не хватало, чтобы нормально обслуживать территорию всего Алтайского округа. В этих условиях ветеринарный персонал был, по выражению П. Голубева, «занят не лечением заболевшего скота... а лишь организацией санитарно-полицейских мер при борьбе с эпизоотиями» [5, с. 198].

Принимая во внимание некоторые местные особенности ведения животноводства на Алтае,

можно условно подразделить весь скотоводческий сельскохозяйственный календарь на четыре периода.

Время пастбы скота ранней весной по всей территории земельной дачи селения (с момента выпуска животных из скотных «дворов» до загона их на лето в «поскотину»), назовем **«весенним» периодом** пастбы скота на подножном корме. Правда, хозяин выпускал свою живность со двора, как правило, задолго до того, как появлялась трава. К примеру, в 1896 году она появилась в период с 9 по 14 мая. «Гулевые» же лошади в большинстве крестьянских селений округа были выгнаны в поле еще в конце марта — начале апреля. Почти в это же время «ушел» в поле и рогатый скот. Лишь овцы в большинстве случаев оставались «дома» до окончательного схода снега. Но и они не «досидели» до конца срока и оказались в «поле» почти за три недели до появления там зелени [1, с. 81].

Время с момента выгона животных со «двора» до появления травы являлось, пожалуй, самым трудным для них периодом, так как отощавшему за зиму скоту приходилось еще довольно значительное время довольствоваться остатками прошлогодней растительности. Его выручала лишь теплая весна, когда трава появлялась рано и дружно, что давало животным возможность несколько улучшить свои кондиции до их загона в летние «поскотины». Пастба скота в них — следующий, **«летний» период** скотоводческого календаря.

Он продолжался с момента закрытия «поскотинных» ворот до окончания уборки хлебов. Поскотина — это определенное общинным сходом пространство земель, окружавших селение, огораживаемое жердями и предназначавшееся для летнего выпаса скота. Она являлась обязательным «сооружением» для большинства селений округа. Лишь при некоторых, особенно вновь образованных, селах поскотины иногда не огораживались, и скот все время находился под присмотром пастухов [7, с. 15].

Право пользоваться «поскотинной» имел любой полноправный член общины. Лица, не причисленные к селению, но имеющие в нем свое жилье и хозяйство, тоже пользовались «поскотинной», но только после уплаты так называемых «полеток», размер которых по времени года, районам и местностям был, естественно, самым различным, но наиболее часто величина платежа колебалась от 50 коп. до 1 руб. с одной головы [8, с. 39]. Иногда размер платежа за пользование выгоном был дифференцированным, к примеру: с лошади — 50 коп., с коровы — 40 коп., с овцы и свиньи — по 10 коп. [9, с. 229]. Зато не причисленные освобождались от «поскотинной» повинности — городьбы определенного (в зависимости от количества голов скота в хозяйстве) участка общинного пастбища. За одну голову скота (рогатого и лошадей старше 1 года) общинник обычно городил, а потом содержал в исправности от 1 до 5 сажень поскотины [8, с. 39]. Бывали, правда, случаи, когда и не причисленные привлекались к городьбе «поскотины» наравне со всеми владельцами скота, но в этом случае они освобождались от уплаты «полеток» [9, с. 112].

По окончании жатвы весь скот выгонялся на луга и пашни. Пастба на отаве покосов и на жнивье открывала третий **«осенний» период** скотоводческого цикла, который заканчивался постановкой скота на зимне-стойловое содержание. Происходило это после того, как снег окончательно покрывал землю, лишая животных возможности добывать себе корм. С этого момента начиналось зимнее содержание животных во дворах и стайках, что, соответственно, знаменовало наступление последнего **«зимнего» периода** скотоводческого цикла, продолжавшегося, как отмечалось выше, до весеннего выгона скота в поле.

Подготовку к зимнему содержанию скота крестьянин начинал с лета, с сенокоса — самой горячей поры сельскохозяйственного года. Обеспеченность сенокосными угодьями составляла одно из основных условий благополучного исхода зимовки. И не случайно недостаток сенокосов часто становился одной из главных причин смены крестьянином своего местожительства. Именно удобные сенокосные угодья стали прежде других земель подвергаться в Алтайском округе переделам. Так, проведенное еще в 1882 году под руководством Н. Ваганова — начальника земельной части Главного Управления Алтайского Горного округа — статистико-экономическое обследование крестьянских волостей Алтайского округа установило, что в большинстве крестьянских селений уже в начале 80-х годов «все лучшие луговые пространства» делились между домохозяевами ежегодно по конам и углам. И только «неудобицы» по-прежнему выкашивались захватным способом, да и то лишь после уборки сена на отведенном миром участке.

Достаточно интересен и сам способ дележа крестьянами постоянных покосов. Для их распределения во внимание бралось в первую очередь число годных работников («бойцов») в общине, обложенных по мирской раскладке полной «платежной тягой». Число сенокосных паев в общине всегда равнялось числу ее «платежных единиц». Луга по качеству делились на части (коны). Далее выборные «миром» старики определяли приблизительное число «бойцов», могущих «сесть» на том или ином коне и отдавали его определенной группе домохозяев. Общинники каждой из групп разбивали кон между собой на более мелкие участки — «углы». Размер сенокосного угла каждого отдельного домохозяина был прямо пропорционален размеру выполняемой им повинности. Если при раскладке повинности крестьянину приходилось уплачивать полный сбор за одного «бойца», то он получал полный сенокосный пай. Если домохозяин платил подать за двух «бойцов», его сенокос состоял уже из двух паев или углов и т. д. Общинник, освобожденный от уплаты повинностей, естественно, не получал сенокосной земли. Исключение составляли лишь старики, «уволненные» миром от уплаты повинностей, если они имели скот, но были при этом бездетны. Им отводилось обычно «пространство сенокоса» в четверть пая, а иногда и в половину пая. Ежегодно общинники получали при распределении сенокосной земли новые «углы» [7, с. 5].

Следует подчеркнуть, что описанное нами деление — это всего лишь наиболее общая схема распределения на селе сенокосных угодий. В каждом конкретном случае она имела те или иные нюансы. Одним из таковых являлся дележ покосов «набойкой». В этом случае все сенокосы опять-таки разбивались на участки (на те же коны), каждый из которых оценивался не выборными стариками, а уже всем сходом на предмет того, сколько душ можно «посадить» на нем. Далее коны один за другим сдавались в торг общинникам. Желающие взять определенный участок объединялись в группу и торговались с миром из-за числа платежных душ. Кон доставался тем, кто предложил за него наибольший «взнос», т. е. согласен был взять на него максимальное число душ. Крестьяне, выторговавшие себе сенокосный пай, в торгах за следующие участки уже не участвовали [11, с. 30].

Говоря о дележе сенокосных паев, торге за них, следует сказать и о правах общинников на полученные в пользование участки. На их страже стоял не только мир с его общественным мнением, но и, в случае, когда этого оказывалось недостаточно, судебные инстанции, активно включавшиеся в разбор земельных споров, довольно часто возникавших как между отдельными общинниками, так и между целыми обществами.

В Центре хранения архивного фонда Алтайского края нами обнаружен интересный документ на сей счет — решение Бийского уездного съезда крестьянских начальников от 22 февраля 1899 года. Согласно ему, уездный съезд крестьянских начальников (как кассационная инстанция) подтверждал решение Нижне-Чарышского волостного суда от 1 сентября 1898 года относительно изъятия у крестьянина села Усть-Каменный Исток, Козьмы Левина, и передачи крестьянину этой же деревни, Лариону Свотину, 70 копен сена, накошенного первым на участке второго. В случае невозможности взять сено у Левина, суд предписывал «взыскать с него деньгами по 15 коп. за копу и деньгами удовлетворить Свотина» [12, л. 10]. Подобные решения были достаточно частыми. В том же деле есть определение Бийского Окружного по крестьянским делам присутствия от 4 июня 1897 года. Последнее содержит распоряжение взыскать с крестьянина деревни Ново-Троицкой, Порфирия Гусева, за выкошенные им сенокосные пайки, принадлежавшие крестьянам деревни Ново-Калманки, Петру Шумилу и Антипу Хорькову, в пользу потерпевших 15 рублей [12, л. 44]. Столь строгая защита прав общинников на отведенные им сенокосные угодья лишний раз подтверждает первостепенное значение покоса в крестьянском хозяйстве. От количества заготовленного летом сена напрямую зависело, как было сказано выше, содержание скота зимой, которое, в свою очередь, во многом определяло готовность рабочего скота к напряженным весенне-полевым работам.

Борясь за сенокосы, алтайские крестьяне, вместе с тем, ставили на зиму не так уж много сена. Главной причиной этого была вовсе не нехватка удобных сенокосных угодий, которые при необходимости могли дополняться выкашиванием «неудобиц», заболоченных мест и т.п., и даже

не прямая зависимость крестьянина от погодных условий при заготовке сена, а элементарная неспособность основной их массы уделить сенокосу достаточный период насыщенного работами летнего времени.

Начало сенокоса алтайские крестьяне приурочивали обычно к Петрову дню (29 июня) и лишь в случае крайней необходимости оттягивали его до Прокопьева дня (8 июля) [1, с. 165]. Необходимость же в этом зачастую возникала в связи с тем, что до начала сенокоса крестьянин должен был выполнить очень ответственную работу — первую вспашку земли, идущей под пары. От своевременности и качества вспашки паров во многом зависела судьба будущего урожая, а потому крестьянин и придавал этой работе первостепенное значение, сознательно идя порой из-за нее на затяжку начала сенокоса. График же крестьянских работ был неумолим: следом за сенокосной страдой (закончил ее крестьянин или нет) следовала, начиная с конца июля, урожайная страда. Сначала это была уборка озимых, а вскоре наступал черед и яровых хлебов. Не успевая, как правило, поставить на зиму достаточное количество сена, при том, что скота держали помногу, крестьянин вынужден был, с одной стороны, пасти осенью скот до самой последней возможности, т. е. до снега, а, с другой, — выгонять его весной со двора задолго до появления первой зелени. По той же причине, даже в урожайные травой годы, сено зимой шло на корм главным образом рабочим лошадям, дойным коровам и овцам. Гулевой же скот, даже и в эти годы, по свидетельству источника, «почти всюду кормился сеном пополам с соломой, причем нередко само сено употреблялось наиболее плохое (крупное, черное и даже объедки от рабочего скота) или же сплошь и рядом одною соломой, иногда с примесью мякины» [1, с. 193]. Недостаток сена обуславливал также существование в степных районах округа практики содержания гулевого скота на подножном корме до самой весны, что, однако, было возможно лишь в малоснежные зимы.

Подобные методы хозяйствования алтайских крестьян нашли свое отражение в ежегодных сельскохозяйственных обзорах, составлявшихся земельной частью Алтайского округа на основе сведений, поступавших с мест. В них, наряду со многим другим, отражены, в частности, моменты «качества» кормления скота и даже его распорядок. Так, в зиму 1895-1896 года, сообщал корреспондент деревни Кривинской Александровской волости Барнаульского округа, «...скот кормили сеном и соломой наполовину. Однообразие правил в кормлении не наблюдается, лишь дурной корм берегут к стуже, а хороший — к теплу. К ночи запирают скотину во двор, не заботясь о том, есть ли подстилка. Вообще корма здесь бывают почти всегда хорошие, но уход за скотом плохой. Рабочие лошади всегда на лучшем корме и поют их от двух до трех раз в сутки» [1, с. 194]. Аналогично содержался скот и в деревне Усть-Чемской Легостаевской волости Барнаульского округа: «Кормов было достаточно. Кормили рабочих лошадей, а также дойных коров, овец и

козлов сеном, гульный же скот (лошадей и недойный рогатый) — соломой ржаной, пшеничной и овсяной. Корма дают в день рабочим лошадям три раза, а нерабочим — 2 раза, т. е. утром и вечером» [1, с. 194]. В том случае, если сена было заготовлено совсем мало, а стойловый период затягивался, и кормов не хватало, не только гулевой, но и рабочий скот кормили сечкой из соломы, иногда с примесью муки. Сено в этом случае давалось рабочей скоту лишь к ночи, и то пополам с соломой.

Недостаточное кормление животных в стойловый период было главной причиной того, что к весне скот (особенно гулевой) сильно тощал. Еще одной причиной этого, по мнению корреспондента, был слабый уход хозяев за «скотиной». Сибиряки традиционно больше заботились о количестве скота в хозяйстве, нежели об уходе за ним. Теплые хлева на Алтае появились только с приходом сюда переселенцев из великорусских губерний. До этого же старожилы обходились, как пра-

вило, холодными «дворами», зачастую даже не крытыми, которые слабо защищали животных от ветров и буранов и совсем не могли защитить их от холода.

Плохой уход за животными в зимнее время при весьма слабой постановке в крае ветеринарной службы создавал «благоприятные» условия для распространения в округе различного рода эпидемий, наносивших очень большой урон скотоводству. Оно же во второй половине XIX века, продолжая выполнять свою традиционную функцию по обеспечению крестьянской семьи продуктами питания, а домашней промышленности животноводческим сырьем, все теснее связывалось с земледелием, полностью обеспечивая его тягловой силой.

Эта последняя функция постепенно становится основной, и именно необходимость ее реализации стала, в конечном счете, стала главным фактором, определявшим уровень и тенденции развития алтайского скотоводства в пореформенный период.

Библиографический список

1. Сельскохозяйственный обзор Алтайского округа за 1896 год. — Барнаул, 1897.
2. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской, и как там живут люди. — М., 1895.
3. Малых, А. А. Скотоводство государственных крестьян Западной Сибири в предреформенный период / А. А. Малых // Проблемы истории дореволюционной Сибири. — Томск, 1989.
4. Морозов, И. М. Алтайский округ в колонизационном отношении / И. М. Морозов. — Полтава, 1908.
5. Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. — Томск, 1890.
6. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII — начало XX века. — Барнаул, 1991.
7. Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа. Бийский округ. — Барнаул, 1886.
8. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском округе. Вып. 3. Бийская волость. Текстовые дополнения к таблицам. — Барнаул, 1900.
9. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском округе. Вып. 1. Барнаульская волость. Текстовые дополнения к таблицам. — Барнаул, 1900.
10. Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа. Барнаульский округ. Барнаул, 1886. С. 5.
11. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском округе. Вып. 2. Шубенская волость. Текстовые дополнения к таблицам. — Барнаул, 1900.
12. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 181. Оп. 1. Д. 84. Л. 10.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 25.08.09

М. И. Paklin

ABOUT SOME THE ASPECTS OF DEVELOPMENT THE CATTLE AT THE RUSSIAN PEASANTS THE ALTAI MOUNTAINOUS OF DISTRICT AT SECOND HALF XIX CENTURY

In article, on the basis the paper written publications analysis some the aspects of development the cattle at the Russian peasants the Altai mountainous of district at second half XIX century.

УДК 902

И.Н.Рыжков

ПОВСЕДНЕВНАЯ И ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА СТАРОЖИЛОВ АЛТАЙСКОЙ ВОЛОСТИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.

В статье, на основе опубликованных материалов проанализирована повседневная и обрядовая одежда старожил на рубеже XIX—XX вв.

Российская империя, Алтай, губерния, старожилы, повседневная и обрядовая одежда

При изучении жизни населения того или иного региона (особенно коренного) немаловажное значение имело и имеет изучение его бытового уклада, в том числе и его одежды, ибо она может

многое сказать о ее носителе. Она в каждом регионе была, по сути дела, «своя» и несла значительную информацию о человеке. Не стала исключением в этом плане и население интересую-

щей нас Алтайской волости, население которой, благодаря активному переселенческому движению на Алтай было, без преувеличения, «разношерстным». Это нашло свое отражение и в одежде ее насельников. В различных селах волости к концу XIX - началу XX века наглядно просматривались не только отличительные, но и характерные, особые для отдельных сел и категорий населения черты. Проиллюстрируем это на примере женской одежды староверов-поморцев, с учетом из вероисповедания и их этнической принадлежности, которой мы пока не будем касаться.

Так, женщины поморской общины носили сарафаны, называвшиеся «горба чами» (с рукавами или без рукавов). Данный вид женской одежды указывал в некоторых селах на их более древний тип покроя, в отличие от других населенных пунктов Предгорного Алтая, где женская одежда весьма близка по покрою к городскому платью. Однако древний, интересующий нас вид одежды в обязательном порядке дополнялся поясом, тканым на дощечках [1, с. 89].

Если говорить о территориальном «господстве» интересующего нас сарафана, то такой у жительниц села Куяччи, был приближен к древнему «широколямошнику», который носили женщины Каргопольского уезда Олонецкой губернии и к «дабиннику» полячек деревни Бутачиха, Усть-Каменогорского уезда, Семипалатинской губернии. Сшитый из покупной широкой ткани (штапель, ширина. 80 см), он хранил основную характерную черту покроя старинной одежды - одно сплошное переднее и заднее полотно, небольшие вырезы под горловину и проймы. Однако воротник-стойка и крупные байтовые складки по плечам и на груди, бесспорно, свидетельствовали о новых «веяниях» появившихся в этой традиционной женской одежде [2, с. 137].

Однако вышеупомянутые «горбачи», носимые женщинами в интересующее нас время в селе Куяча были усложнены по покрою. Это их характерная черта, опять-таки, ничто иное как «дань» наиболее позднему варианту одежды. В числе такого рода новшеств — это, безусловно, «вкроенная» в сарафан «кокетка» на подоплеке (подкладка). Поэтому перед сарафана представляет собой прямое полотно, заложное односторонними складочками. Спинка его состоит из клиньев, соединенных сторонами, скроенными по косой и долевой нитям. Рукав вшит таким образом, что шов проходит на уровне «кокетки». Верх рукава заложен складочками, низ же подбит другой тканью. Староверы белокриницкого толка отказались от традиционного костюма. В комплексе их одежды входили: круглый сарафан, рубаха с «борами» по воротнику и у горловины, «запон» с кружевами и вышивкой, тканый на кружках (дощечках) пояс.

Сарафаны, как правило, шили из кашемира, сатина, ситца и шелка. Ткань покупали в лавках или магазинах. Сарафаны делали с мелкими «борами» на груди, низ подбивали широкой полоской ткани и отстрачивали на швейной машинке. Место, где сходились лямки, называли «спинкой», а сами лямки — «проймами». Однако Женщины

ново — православной веры такого рода сарафаны в начале века уже не носили. Для себя они шили длинные юбки с «уборками» или без них, часто вязали крючком «низок», который пришивался к подбюбнику и должен был выглядывать на 7-10 см. Кофты обычно шили с пелериной (на кокетке), фартуки («запоны») подбирали контрастные по цвету юбки. «Если юбка черная — фартук голубой, юбка бежевая — фартук черный», — сообщила в свое время Е.И. Медведева, жительница с. Старая Белокуриха исследователю [3, 150].

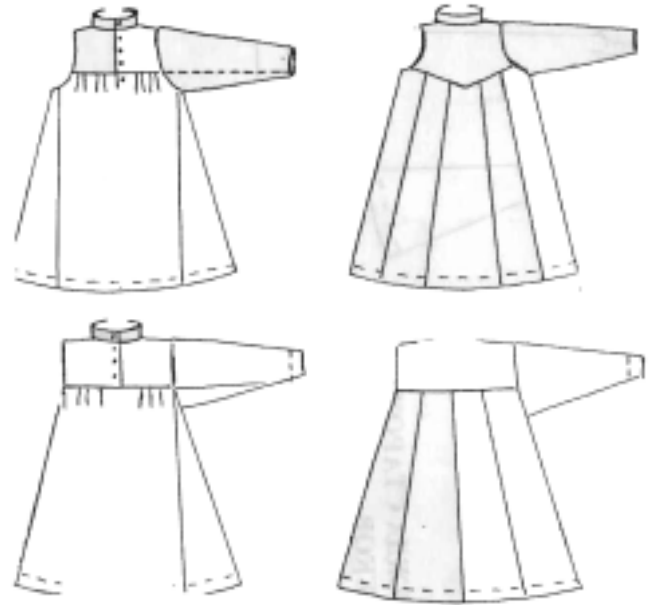

Рис. Горбач из села Куяча

Как известно, женские костюмы во все времена дополнялись украшениями. Нам рассказывали, что серьги и кольца мастера ковали из серебряных и золотых монет. Из украшений многие информаторы называют — серьги с «гребешком» и «пуговками», крупные, круглые стеклянные бусы в несколько рядов, мелкие бисера, бронзовые и золотые цепочки, бисерные подцепки (низанный на леску бисер), кольца. В с. Ая были встречены плоские серебряные серьги с «гребнем». Серьги в виде кольца с гребешком по форме напоминают птиц с гордо выпяченной грудью и пышным хвостом. Гребешок-хвост — плоский, на него нанесен чеканный орнамент, благодаря этому он выглядит очень изящно. Головка является петлей для застегивания серьги. А. М. Русакова, исследовавшая женские украшения Южного Алтая, отмечает, что древнее смысловое содержание их уходит своими корнями к тотемистическим верованиям. Различные зоо- и антропоморфные изображения обладали, согласно представлениям древних людей, особой магической силой, являлись помощниками и защитниками человека, которому принадлежали. В настоящее время их древнейший смысл утрачен, а серьги хранятся как семейная реликвия. Важную роль в комплексе одежды играли головные уборы. Головной убор женщины был сложным и многослойным: «шашмура», сверху платок, повязанный назад, затем платок, повязанный вперед.

Рис. Широколямошник
из белого холста

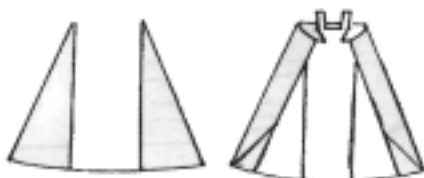

Рис. Старинный сарафан
«дабинник»

Рис. Комплекс одежды
староверов белокришщского

Платки ткали на «кроснах» (домашние ткацкие станки), поля обычно делали в клетку, шали — в клетку и с кистями. В лавках покупали кашемировые шали — «кашемирники», гарусные теплые полупалки [4, с. 74].

Некоторых женщин из поморской общины до сих пор можно встретить в «шашмуру». Впервые ее надевали во время свадьбы «при окручивании» и носили всегда, не снимая даже ночью. Но уже в 20-30 гг. XX века молодые женщины «шашмуру» не носили. Многие рассказывают, что после свадьбы муж сразу же «шашмуру» либо прятал, либо сжигал, чтобы не скрывать основную красоту жены — косы. «Шашмура» же представляет собой шапочку, состоящую из двух частей: «очелья» продолговатой формы и прямоугольной «макушки». По «очелью» проходит узкий валик — «кишочка». Затем прокладывают строчку вдоль «очелья» и вставляют в это отверстие тесьму, укладывая ее через затылочную петлю «восьмеркой». При затягивании края тесьмы перебрасываются на «очелье». Таким образом, уши остаются открытыми, а волосы аккуратно убираются под «шашмуру» [4, с. 84].

Для мужчин рубахи и портки в крестьянских семьях изготавливались из холста разных сортов. На рубаху шла «пестрядь» — домотканина в мелкую клетку. Рабочие брюки готовили из «тяжовины» — домотканого холста в синюю и красную полосу, шили их «по-штанному». Старинный крой штанов, о котором поведала уже упоминавшаяся Е. И. Медведева (с. Старая Белокуриха), был прост и экономичен. Брала три длины холста, сшивали и разрезали. Затем соединяли особым способом. Штаны получались свободными и удобными.

Праздничная одежда изготавливалась из тканей, приобретенных на рынке. Из них шили плисовые и суконные штаны, рубашки из шелка и китайки с прямой и косой застежкой, вышитые по вороту и рукавам. Покрой крестьянской верхней одежды был свободный и широкий и всецело приспособлялся к выполнению разных сельскохозяйственных работ. В названиях верхней одежды много аналогий с одеждой крестьян европейской части

страны (зипун, «пониток», «шабур»). Зипун в центральных областях России, как правило, являл собою двубортный кафтан с клиньями или сборками. У крестьян Алтайского района зипуны шились длинными, без подкладки, главным образом из домашнего сукна серого, черного, синего цветов, иногда из сермяги. Согласно историко-этнографическому атласу «Русские», «шабур» большей частью являл собою кафтан с «пережимом» (клиньями или сборками) из холста, иногда крашеного, или из сукна, сходный по названию с одеждой марийцев и других народов Поволжья.

«Пониток», как известно, представлял собою двубортный кафтан из «пониточкины» — толстого сукна с чередующимися нитями: шерс тяной и портянкой [5, с. 30]

В прохладную погоду, как мужчины, так и женщины носили «шабуры» («понитки»), в селе их зачастую называли «шабурятниками». В качестве праздничной верхней одежды шили суконные «лапотины» (синие, черные) прямые с клиньями по бокам и пуговицами до пола. В других селах называют «сак» — узкое, длинное в талию пальто, «подолоц» делали пошире, рукава обшивали заячьим мехом. Известны были и «шубейки» — зимняя одежда с лисьим воротом и «балаболками». Они были прямые и ниже колена. «Жакеты» шились отрезными по талии, с подкладом на вате. «Касавейка» — прямое стегеное пальто — изготавливалось из «пониточкины», «рябенькое», чуть выше колена. Нами была встречена верхняя зимняя одежда — «пальтушка». На первый взгляд, «пальтушки» напоминают современную фуфайку, внутри простеганную на вате домотканой пестрядью. Воротник типа «апаш», по нему четыре складочки. Покрой — традиционный, при котором ткань разрезается на клинья, их переворачивают широкой стороной вниз, узкой вверх.

Рис. Одежда сибирячек (слева направо): старообрядческий косоклиный («могельный») сарафан с рубахой, праздничный «круглый» московский сарафан с рубахой, фартук-нарукавник («рукава»).

Из коллекции АГКМ

Внизу «пальтушка» получается расклешенной. Длина рукава — 50 см, воротника — 66 см. Во многих селах из верхней одежды называют еще «борчатку». Это шуба из овчинного меха, с «борам», длинная, часто черного цвета. В с. Дресвянке был кожевенный завод, где «толкли дуб» для покраски кож. Мужчины носили длинные «пиджаки (до колена), стяженные ватой, ворот делали из «лягушки», т. е. каракулевый, а также из собаки или лисы. Папаху отворачивали назад, верхушка красная, по ней две черные полосы крест-накрест. Изнутри папаху утеплялась, снаружи покрывалась каракулем [6, с. 223].

На ногах носили «обувки», шитые из коровьей кожи. Выделывать ее подряжали специальных мастеров. Под «обувки» надевали портянки. В праздники мужики носили хромовые или кирзовые сапоги, высокие под колено, а женщины - ботинки и чулки с резинками по бокам. Под ботинки вязали узорчатые чулки. На семейных фотографиях, сделанных в 1934 г. в с. Ая, мужчины, женщины и детей сидят в одинаковых ботинках со шнуровкой спереди. Зимой женщины и дети носили крашенные «пимы» (так в Сибири называли валенки) красного или зеленого цвета, мужчины же обычно носили «пимы» черного цвета [7, с. 45].

Согласно различным этнографическим материалам, детская одежда мало чем отличалась от взрослой. Она шилась из той же ткани, по тому же крою и была лишь меньшего размера и украшалась скромнее. В Алтайском районе была встречена оригинальная деталь детского костюма, нашедшая отражение на старинных фотографиях. Говорили о не и информаторы. Согласно их воспоминаниям, девочки в селах Сараса, Старая Белокуриха, Куяча носили «распашники» — фартуки на ляпочках, с крылышками, «присборенные» на груди, сзади распашнутые. Подобный фартук находится и в коллекции одежды старожилов Алтая в Усть-Каменогорском этнографическом музее. На Бухтарме его называли «крылатком», в Старой Белокурихе — сарафанчиком. Носили его поверх рубахи с юбкой [4, с. 88].

Наряду с повседневной, праздничной одеждой, во все времена существовала у жителей Алтайской волости и похоронная одежда. В ней, равно как и в похоронной обрядности старообрядцев Алтайского района в целом сохранились древние черты, где одежда играла весьма важную роль. Прием шитья погребальной одежды существенно отличается от обычного. Шилась она на руках, причем особым способом: обязательно острием иглы только вперед, узлы не завязывались, так как есть поверье, что, если на одежде будет узел, то

покойник непременно придет за кем-нибудь из семьи. Вся одежда, приготовленная на смерть, не имела пуговиц или кнопок, а всегда завязывается тесемками. В поморской среде такие важнейшие акты, как обмывание усопшего, приготовление ему одежды и одевание его, выполняет исключительно особый человек, благословленный на это духовным отцом. Женщину может обмывать исключительно женщина, мужчину — мужчина. Данные сведения о похоронной одежде раскрывают глубину архаики настоящего обряда, за соблюдением которого тщательно следит поморская община (с. Куяча)[4, с. 100].

Погребальный комплекс одежды у старообрядцев белокриницкого толка (с. Ая) остается достаточно устойчивым и архаичным. В него входят: традиционного покроя белый платок на голову (обычно завязывается, а не закладывается, как при молебном обряде), белые вязаные чулки, белые тапочки, белый саван и пелена (плывала).

Саван представляет собой полотно, перегнутое пополам, по бокам пришивается еще по полочке такого полотна так, что получается капюшон, доходящий до пят. Начиная от груди, все тело закрывается наглухо. После чего берут пелену (свивальник) длиной около пяти метров. Два длинных конца обвивают вокруг тела по три раза таким образом, чтобы спереди образовалось три креста, как было у умершего Лазаря. Кресты: первый на груди, там, где сложены руки, второй на бедрах, третий на коленях. Оставшиеся части ленты обвивают вокруг покойника.

Обязательным атрибутом смертной одежды являлась «лестовка», вложенная в левую руку. Также на умершего надевают новый крест, но не тот, который он до этого носил. Поверх савана кладут белое полотно-покрывало. Головной убор девушки и женщины почти не отличается, лишь волосы убрали по-разному. Женщине заплетают две косы, а девушке — одну. В погребальной одежде староверов района видится немало архаичной символики: покрывало, обязательно преобладающий белый цвет, пелена, изготовленные особым способом.

Таким образом, разнообразие функций одежды характеризовало различные стороны жизни крестьян. Одежда выполняла как, обрядовую, так и ритуальную роль. На примере функционирования одежды прослеживается механизм включения материальных объектов в духовную жизнь. Пока жива вера, не позволяющая никаких отступлений, сложнейшие элементы обрядности будут строго передаваться из поколения в поколение, а древнейшие элементы костюма — еще долго существовать, как неотъемлемая часть этого обряда.

Библиографический список

1. Зеленин Д. Восточнославянская этнография. — М., 1991.
2. Миненко Н. А. Живая старина. Новосибирск, 1989.
3. Хрестоматия по истории Алтая: С древнейших времен до 1917 г. / Ред. Т. И. Бабиков. — Барнаул, 2003.
4. Бибиков, С. Д. Алтайская Губерния. Ее богатство и нужды / С. Д. Бибиков. — Барнаул, 1968.
5. Терещенко, А. В. История культуры русского народа / А. В. Терещенко. — М., 2007.
6. Иванченко, В. Г. Путь в Беловодье и пещерные скиты / В. Г. Иванченко. — Барнаул, 1995.
7. Иванцова, Н. Ф. Сибирское крестьянство в 1917 — начале 1918 г / Н. Ф. Иванцова. — М., 1990.

I. N. Rygkov

THE EVERY-DAY OUTDOOR AND RITUAL CLOTHES OF OLD RESIDENTS ALTAI OF PROVINCE IN XIX-XX CENTURIES

In article, on the basis publish of materials analysed the every-day outdoor and ritual clothes of old residents Altai of province in XIX-XX centuries.

Russia empery, Altai, province, old residents

УДК 902

Ю.С. Худяков

ВЛИЯНИЕ ХУННОВ И СЯНЬБИ НА ЭТНОКУЛЬТУРОГЕНЕЗ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ*

В статье, на основе опубликованных и археологических материалов прослежено влияние хуннов и сяньби на культурурогенез кочевых народов Саяно-Алтая.

Центральная Азия, Монголия, Южная Сибирь, Горный Алтай, кочевые народы, памятники культуры, археологические находки

В этнокультурной истории кочевых народов Саяно-Алтая важное место занимает период, когда они входили в сферу влияния кочевых держав хуннов и сяньбийцев, с конца III в. до н. э. до второй половины III в. н. э. Политическое и военное усиление хуннов началось в 209 г. до н. э., после того, как в результате военного переворота был убит их престарелый правитель, шаньюй Тумань, и к власти пришел его старший сын Модэ. Шаньюй Модэ стал проводить активную завоевательную политику, стремясь подчинить своей власти все кочевые племена Центрально-Азиатского региона. На востоке отхуннских владений он разгромил племена дунху и полностью уничтожил их правящий род. После этого разгрома дунху распались на две орды — ухуаней и сяньби, и были покорены хуннами. На западе он разгромил войска юэчжей, которые ранее занимали ведущее положение в кочевом мире. В правление предыдущего шаньюя Туманя хунны признавали свое зависимое, вассальное положение по отношению к правителю юэчжей, а его сын Модэ находился у юэчжей в плену в качестве заложника. Этим должна была быть обеспечена лояльность хуннов по отношению к юэчжам. Однако, хунны начали войну. Модэ бежал, остался жив и вскоре пришел к власти, а когда наступил подходящий момент начал новую войну с юэчжами. Они были побеждены. После поражения орда юэчжей раскололась на две неравные части. Орда больших юэчжей ушла на запад, на Тянь-Шань, стремясь избежать хуннского владычества. Малые юэчжи остались жить в своих прежних землях в Ганьсу и были вынуждены покориться хуннам. На юге от хуннских владений шаньюй Модэ завоевал Ордос, который был ранее уступлен его отцом Туманем китайской империи Цзинь. В Ордосе он покорил племена лоуфаней и байан. В результате непрерывных войн хуннскому шаньюю Модэ удалось подчинить все кочевые племена Центральной

Азии. В 201 г. до н.э. «на севере» от ставки хуннского шаньюя «они покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гэгунь и Цайли» [1, с. 50].

Вероятно, завоевательные походы, которые были направлены против этих племен, проходили не строго «на север» от ставки хуннских шаньюев, располагавшейся в Ордосе, а в северо-западном направлении, в Притяньшанье. Во время этих военных походов хуннами были покорены кочевые племена гяньгуней, земли которых довольно точно локализируются к северу от Восточного Тянь-Шаня, и динлинов, на протяжении нескольких столетий связанных территориальным соседством с гяньгунами. Хотя в китайских источниках, в которых говорится о завоеваниях хуннов в Центральной Азии, не упоминается о покорении номадов, живших в Саяно-Алтае, на данной территории обнаружены отдельные памятники и находки хуннской культуры, свидетельствующие о включении Южной Сибири в состав державы Хунну. Судя по имеющимся историческим сведениям и археологическим материалам, хунны подчинили все многочисленные кочевые племена, жившие на территории Монголии, Забайкалья, Тувы, Минусинской котловины, Горного Алтая, Восточного Туркестана, Ганьсу, Ордоса, Южной Маньчжурии. Среди покоренных хуннами племен были родственные им, вероятно тюркоязычные, лоуфани и байаны, предки монголоязычных номадов — дунху, европеоидные кочевники — юэчжи, относящиеся к числу тохарских, или иранских народов, динлины — предки тюркоязычных теле, гяньгуни — предки кыргызов и другие племена и этнические группы. Носители культур скифского времени в Саяно-Алтае также, вероятно, относились к числу иранских народов, хотя отдельные исследователи высказывали мнение об их самодийской, или даже угорской принадлежности [2, с. 161-164]. В течение длительного времени археологи, изучавшие па-

* Работа выполнена по гранту РНП 2.2.1.1/1822

мятники скифского и хуннского времени в Южной Сибири, связывали европеоидное население тагарской культуры с известными по китайским источникам «динлинами» [3, с. 267-272]. Земли гяньгуней было принято локализовать в районе оз. Кыргыз-Нур в северо-западной Монголии [4, с. 471]. Однако, внимательный анализ сведений китайских источников, проведенный Л. А. Барковой, позволил ей значительно более точно и обоснованно локализовать места обитания гяньгуней к северу от хребта Боро-Хоро в системе гор Восточного Тянь-Шаня и к западу от пустыни Дзосотын-Элисун, а земли динлинов — по соседству с гяньгунами и к северу от них также в Восточном Туркестане [5, с. 62]. Название «кюеше», или «цюйше» некоторые ученые связывали с предками кыпчаков. По мнению Д.Г. Савинова, это этническое наименование можно соотнести с носителями верхнеобской культуры [6, с. 18]. Однако, значительно более вероятно локализация кюеше, или цюйше, также как и других племен, покоренных хуннами, в том числе гяньгуней и динлинов, в Восточном Туркестане. Южносибирские племена, носители саглынской культуры Тувы, пазырыкской культуры Горного Алтая, тагарской культуры Минусинской котловины также были подчинены хуннами и вошли в зону политического, военного и культурного влияния хуннской державы. Об этом свидетельствует появление в Саяно-Алтае хуннских «опорных пунктов» — военных поселений и отдельных погребений, распространение среди местной кочевой аристократии престижных элементов хуннской военно-дружинной культуры. Влияние хуннской культуры, прежде всего предметного комплекса, включавшего вооружение, поясные наборы и украшения, распространилось далеко за пределы Саяно-Алтая, в лесостепные и таежные районы Западной Сибири. Об этом свидетельствуют находки деталей луков и стрелы, наборных поясов и украшений, характерных для хуннской культуры, в памятниках западносибирских культур, не имевших непосредственных контактов с хуннами. Через посредство хуннов к кочевым племенам Южной и Западной Сибири попадали отдельные предметы ханьского ремесленного производства, вошедшие в повседневный обиход у хуннов, бронзовые зеркала и монеты, лаковые изделия, вещи из слоновой кости и шелковые одеяния.

В последующие после образования державы Хунну столетия хуннские правители — шаньюи сохраняли свою власть над кочевыми племенами Южной Сибири. Основными направлениями их внешней политики в этот период было противоборство с империей Хань и стремление сохранить свое господство над кочевыми племенами Центральной Азии. Хуннские шаньюи назначали в качестве своих наместников над подвластными племенами своих родственников и представителей других хуннских аристократических родов, или иноплеменников, перешедших к ним на службу. На завоеванных землях они размещали военные отряды, сформированные из хуннов, или союзных и вассальных центрально-азиатских кочевых племен. В числе представителей хуннской

власти в Саяно-Алтай попадали и китайцы, бывшие военнопленные, или слуги, пришедшие в степи в качестве сопровождающих китайских принцев, выданных замуж за представителей высшей хуннской знати. Зависимые племена постоянно стремились воспользоваться ослаблением военной мощи хуннов и обрести независимость, или вступить с ними в борьбу за господство на населением Центральной Азии. В ходе войн с хуннами они неоднократно вступали в коалиции между собой, или выступали в качестве союзников и вассалов империи Хань. События, происходившие в державе Хунну и на ее границах, в большой степени отражались и на исторических судьбах подвластных хуннам племен, в том числе на кочевых этносах, живших на территории Южной Сибири.

В начале I в. до н.э. правящий хуннский шаньюй назначил правителем вассального союза племен динлинов своего советника Вэй Люя, получившего титул динлин-вана. Вэй Люй происходил из народа ху, но родился и вырос в Китае. Он по своей воле перешел на сторону хуннов и стал служить шаньюям. На протяжении многих лет он играл важную роль при дворе шаньюев Цзюйдихоу и Хулугу. Он был советником правителей, ему поручали командовать хуннскими войсками и надзирать за китайцами, оказавшимися в плену у хуннов. Со временем Вэй Люй стал настолько влиятельной фигурой в ставке шаньюев, что даже возглавил заговор с целью возвести на престол шаньюя Хуяньти. Судя по тем событиям, в которых принимал участие Вэй Люй, он постоянно проживал в ставке шаньюев, откуда управлял динлинами.

В 99 г. до н.э. в плен к хуннам попал ханьский полководец Ли Лин. Шаньюй Цзюйдихоу проявил к знатному пленнику «должное уважение и женил его на своей дочери». Через некоторое время Ли Лин был назначен на пост юсяо-вана. На протяжении последующих двух десятилетий он служил шаньюям и выполнял их различные поручения. По мнению Н.Я. Бичурина, интерпретировавшего сведения китайских источников, «Ли Лин остался у хуннов и получил во владение Хягас, где потомки его царствовали почти до времени Чингис-хана» [1, с. 73]. Это мнение основано на средневековой китайской летописной традиции, согласно которой правящая династия кыргызов происходила от этого китайского полководца. Вслед за Н. Я. Бичуриным, С. В. Киселев и Л. Р. Кызласов также считали, что Ли Лин управлял Минусинской котловиной и именно ему принадлежал известный «китайский дом», или «китайский дворец», раскопанный близ Абакана. Однако, анализ материалов этих раскопок, и прежде всего надписей на черепице, позволили С. И. Вайнштейну и М. В. Крюкову убедительно доказать, что Ли Лин в Минусинской котловине никогда не бывал, а «китайский дом был сооружен уже после его смерти, в начале I в. н.э.» [7, с. 148]. В начале I в. до н.э. по поручению шаньюя Ли Лин должен был съездить на побережье Байкала «в безлюдное место», куда был сослан пленный ханьский посол Су У, чтобы уговорить его перейти на сторону хуннов, но не сумел выполнить это поручение [8, с. 103].

В середине I в. до н.э. правителем динлинов, динлин-ваном, был назначен сын Ли Лина, имя которого в источниках не приводится. Он пытался проводить самостоятельную политику, опираясь на своих новых подданных. В 56 г. до н.э. в хуннской орде вспыхнула междоусобица. В борьбе за власть схватились два претендента на престол шаньюя. Хуннская орда распалась на две части — северных и южных хуннов. Во главе южных хуннов встал шаньюй Хуханье, который признал себя вассалом ханьского императора. Северных хуннов возглавил шаньюй Чжичжи. В борьбе за шаньюев престол принял участие и сын Ли Лина, который провозгласил шаньюем своего ставленника Уцзе. Однако, тот был убит по приказу шаньюя Хуханье, но на этом претензии правителя динлинов не были исчерпаны.

В ходе продолжавшейся междоусобицы от хуннской державы отпали многие вассальные племена. Вероятно, среди них были и кочевники Южной Сибири, земли которых составляли северо-западную окраину хуннских владений.

Шаньюй северных хуннов Чжичжи увел свою орду в западные владения хуннской державы, в Восточный Туркестан, где ему пришлось воевать с союзниками китайцев, усунями, и другими племенами, бывшими хуннскими вассалами. Свою ставку он разместил на землях древних кыргызов — гянгуней. После своих побед над усунями, «на севере он напал на Уцзе, и он покорился его власти. Вслед за этим (Чжичжи) послал войска на запад, разбил цзянгуней, и на севере принудил сдать динлинов. (Так Чжичжи) присоединил к себе эти три владения. Он неоднократно посылал войска для нападения на усуней и всегда одерживал победу. (Земли) цзянгуней находились на расстоянии 7 тыс. ли западнее ставки шаньюя и на расстоянии 5 тыс. ли севернее владения Чешу. В них Чжичжи и остался жить» [8, с. 37].

Ставка шаньюя северных хуннов разместилась на землях, расположенных к северу от хребта Боро-Хоро и к западу от пустыни Дзосотын-Элисун, населенных гянгунями.

В расположение Чжичжи направил свое посольство правитель государства Кангюй с предложением совместно выступить против усуней. Шаньюй согласился. Однако, когда его войско совершило переход через заснеженные горы Тянь-Шаня потери были настолько велики, что Чжичжи лишился большей части своих воинов. После этого его отряд был настигнут китайцами и полностью уничтожен.

После этого разгрома хуннская держава временно вновь обрела единство, но оказалась в вассальной зависимости от империи Хань. Вероятно, хунны восстановили свою власть и влияние среди покоренных племен, в том числе тех, кто жил в Саяно-Алтае.

В начале I века н.э. к власти в Китае пришел первый министр Ван Ман, провозгласивший себя императором. Он поставил своей целью максимально ослабить хуннскую державу и разделить ее на мелкие владения. Ван Ман принудил хуннского шаньюя заменить свою государственную печать и свой титул для того, чтобы подчеркнуть

его вассальное положение. Против хуннов восстали некоторые вассальные племена. Вспыхнула война, в которой против хуннов воевала коалиция кочевых племен, среди которых были ухуани и «Владения Западного Края». Ван Ман всячески поощрял противников хуннов. Он попытался привлечь на свою сторону ухуаней и динлинов, а «семейства их взяты в областные и уездные города заложниками» [1, с. 145].

Несмотря на трудное положение и военные неудачи, хунны продолжали держать под своим контролем племена Южной Сибири. Именно в этот период, в правление императора Ван Мана, в Минусинской котловине был построен знаменитый «китайский дворец». Вероятно, он был сооружен пленными китайцами по приказу хуннского вельможи Сюйбудана, правителя западного крыла хуннского государства, для своей жены, знатной китаянки Имо [7, с. 148].

Вскоре после нового распада хуннской державы в 49 г. н.э. между северными и южными хуннами начались ожесточенные войны. Северные хунны потерпели в этих войнах ряд тяжелых поражений. В 85 г. н.э. больше семидесяти старейшин северных хуннов вместе со своими людьми бежали в Китай и признали себя вассалами империи Хань. В то же самое время «их сообщники отложился, южные кочевья нападали на них спереди, динлины совершали набеги сзади, сяньбийцы нападали с левой, а владения Западного края с правой стороны. Они не могли больше сохранять самостоятельность и потому ушли в отдаленные земли». Судя по этим сведениям кочевые племена Южной Сибири, также как и другие народы Центральной Азии, окончательно освободились от власти хуннских шаньюев, стоявших во главе северной орды, в конце I века н.э. В 87 г. н.э. сяньбийцы «напали на северных сюнну, нанесли им сильное поражение. Северная ставка пришла в полное расстройство». В следующем году в ставке южных хуннов на престол вступил шаньюй Туньтухэ, который сообщил в своем послании ханьскому императору о том, что «северный шаньюй, получив урок от войск южных сюнну и опасаясь динлинов и сяньбийцев, бежал далеко и остановился к западу от р. Аньхоуэ». В последующие несколько лет северные хунны потерпели еще несколько жестоких поражений от китайцев и их союзников в кочевом мире, после чего северный шаньюй «бежал неизвестно куда». Вступивший на престол новый шаньюй северных хуннов Юйицзян был взят в плен китайцами, а его войско уничтожено. После этого государство северных хуннов окончательно перестало существовать. Оставшееся на территории Центральной Азии хуннское кочевое население подчинилось вождям сяньбийцев. «Оставшиеся роды хуннов, простиравшиеся до 100 000 кибиток, сами приняли народное название сяньби» [1, с. 150-151]. Судя по имеющимся сведениям, содержащимся в китайских источниках, племена Южной Сибири подчинялись и входили в состав единой хуннской державы, а затем государства северных хуннов в течение трех столетий, с конца III в. до н.э. по I в.н.э.

Памятники хуннской культуры, которые были обнаружены и исследованы на территории Южной Сибири, довольно не многочисленны. В Туве обнаружено несколько хуннских поселений. На площади разветвленных дюнных стоянок на реках Баянкольчик, Чадан и Чааты, а также в горной выработке Кара-Суг были найдены фрагменты и один полностью сохранившийся сосуд, изготовленные на гончарном круге, аналогичные хуннским сосудам из памятников Забайкалья и Монголии. Помимо посуды на хуннских поселениях в Туве были найдены хуннские нефритовые и известняковые когтевидные подвески и обломанное кольцо [9, с. 81-83]. Такой же фрагмент хуннского гончарного сосуда был обнаружен при раскопках городища Бажын-Алаак в Центральной Туве [10, с. 47]. Хуннские керамические сосуды, фрагменты которых найдены на поселениях в Туве, представляли собой сероглиняные гончарные вазы. Они имели плоское дно, яйцевидное тулово, покатые плечики, широкую горловину и отогнутый венчик. Поверхность сосудов была заглажена вертикальным лощением и орнаментирована налепными валиками и резными линиями, образующими горизонтальные и волнистые полосы в верхней части тулова. На могильнике Бай-Даг II в Центральной Туве А. М. Мандельштамом были раскопаны курганы, характерные для культуры хуннов. У этих курганов были уплотненные каменные насыпи трапециевидной в плане формы с треугольным каменным выступом, напоминающим дромос. Внутри курганов, на дне глубоких могильных ям находились двойные деревянные камеры. В деревянные рамы были помещены дощатые гробы, обложенные по периметру камнями. Стенки гробов были обтянуты шелковой тканью и украшены обкладками из золотой и серебряной фольги [11, с. 197-198]. Несмотря на значительную ограбленность могил, исследователям удалось установить, что первоначально погребенные были уложены на спине, в вытянутом положении и ориентированы головой на юг. В могилах были найдены обломки клинков и рукоятки мечей и кинжалов, накладки луков, железные трехлопастные наконечники стрел со свистунками, железные пряжки, сосуды. В насыпях этих курганов были обнаружены впускные захоронения кокэльской культуры [12, с. 261-262]. Эти погребения свидетельствуют о более позднем существовании памятников кокэльской культуры и определенном хронологическом интервале между временем сооружения хуннских и кокэльских могил. Судя по находкам хуннской гончарной посуды и украшений на поселениях, городище и горной выработке, отряды хуннских воинов размещались в Туве в отдельных опорных пунктах, чтобы обеспечить власть шаньюев и лояльность со стороны местных кочевых племен. Хунны заняли некоторые крепостные сооружения в Центральной Туве. Они несли службу, занимались скотоводством, добывали железную руду и изготавливали железные изделия, производили гончарную керамическую посуду. Своих умерших соплеменников хунны хоронили на обособленных кладбищах. В дальнейшем, вероятно, уже после

падения хуннской власти их курганы были разграблены и использованы для совершения впускных захоронений кочевниками, пришедшими в Туву после хуннов. На территории Горного Алтая также были обнаружены отдельные памятники и находки, свидетельствующие о пребывании хуннов на данной территории. Находки отдельных фрагментов хуннских гончарных сосудов были обнаружены при раскопках курганов позднего этапа пазырыкской культуры на могильниках Узунтал I и Уландрык V [13, с. 53]. Эти фрагменты были найдены в насыпи и в заполнении могильной ямы, что свидетельствует об использовании хуннской керамической посуды для совершения поминальной тризны местным кочевым населением Горного Алтая. В долине р. Юстыд на берегу оз. Жалгыз-Урюк-Кель были обнаружены керамические печи для обжига хуннской гончарной посуды. Коллекция посуды с этого памятника представлена большим количеством находок и разнообразием форм. Среди них есть вазы, горшки, корчаги, баночные сосуды, разрезанные по вертикальной оси. Часть этих сосудов орнаментирована резными линиями и налепными валиками [14, с. 101].

В Минусинской котловине ко времени хуннского господства относится глинобитное здание китайской архитектуры, исследованное на р. Ташебе близ г. Абакана. Оно определено в качестве резиденции хуннского наместника, или его жены, знатной китайки. Высказывалось мнение о том, что оно могло принадлежать китайцам, которые не имели отношения к хуннской власти [15, с. 194-195]. По оценке Л. Р. Кызласова, в Минусинской котловине к числу находок предметов хуннской культуры должны относиться фрагменты гончарной керамической посуды с вертикальным лощением, орнаментированные горизонтальными волнистыми линиями и налепными валиками, нефритовая когтевидная подвеска, золотая серьга, медная бусина и обломок железной стрелы, найденные при раскопках Ташебинского, или Абаканского дворца. Аналогичные когтевидные подвески были найдены и в других пунктах Минусинской котловины [16, с. 51-58]. В материалах раскопок этого дворца были обнаружены и предметы китайского, ханьского ремесленного производства, которые могли попасть на Енисей вместе с китайцами, сопровождавшими знатных китайцев, выданных замуж за хуннских вельмож. Одной из них была Имо, супруга хуннского князя Сюйбудана, для которой, вероятно, был построен Абаканский дворец.

Влияние хуннской культуры на местное кочевое население Южной Сибири выразилось в широком распространении и использовании предметов хуннского военно-дружинного комплекса. Номадами, носителями саглынской, пазырыкской и тагарской культур у хуннов и подвластных им племен были заимствованы наиболее совершенные образцы оружия дистанционного боя и престижные элементы воинского убранства. Среди них были сложносоставные луки с костяными накладками, железные трехлопастные стрелы асимметрично-ромбической и ярусной форм с костяными

свистунками, костяные стрелы с раздвоенным насадом, пояса с бронзовыми ажурными пластинами и повесными кольцами, защитные пояса с железными пластинами. Через посредство хуннов в Южную Сибирь проникли некоторые импортные, китайские вещи, использование которых стало обычным для хуннов. Это были бронзовые зеркала и монеты, нефритовые украшения, шелковая одежда, лаковая посуда. В результате распространения хуннской власти в Минусинской котловине было построено здание китайской архитектуры.

Хуннское политическое, военное и культурное влияние способствовало крушению прежних архаичных форм культуры. В период хуннского господства на территорию Саяно-Алтая мигрировали значительные группы монголоидного кочевого населения из Центральной Азии, что положило начало процессам расовой метисации, языковой тюркизации и аккультурации южносибирских кочевников. В составе хуннской державы кочевые племена Саяно-Алтая вступили в новый период своего этнокультурного развития.

Ослабление и последующий развал хуннской державы способствовали образованию на ее развалинах сяньбийского объединения. Во II в. н. э. сяньбийцы овладели «всеми землями, бывшими под державою хуннов» [1, с. 154]. Во время правления выдающегося сяньбийского вождя Таньшихуа были покорены все кочевые племена Центральной Азии. Таньшихуа «на севере отразил динлинов», на западе «нападал на усуней» и подчинил все бывшие хуннские владения, протяженность с востока на запад 14 тысяч ли. Свои владения он разделил на три аймака, подобно прежнему делению хуннской державы. Западный аймак сяньбийской державы включал земли от Дуньхуана до владений усуней [17, с. 75-76]. Грозным противником сяньбийцев были динлинские племена, жившие в этот период в Восточном

Туркестане. В источниках нет прямых свидетельств о том, что сяньбийцы покорили кочевые племена Саяно-Алтая. Однако, в пользу того, что южносибирские кочевники испытали сильное политическое и культурное влияние сяньбийцев, свидетельствуют находки предметов сяньбийского облика в памятниках улуг-хемской культуры Тувы и таштыкской культуры Минусинской котловины. На могильнике Аймырлыг в Туве и на памятнике Салбык в Минусинской котловине были обнаружены предметы торевтики сяньбийской культуры, в том числе бронзовые позолоченные пряжки и пластины с изображением мифического сяньбийского «благовещего зверя», спасшего сяньбийцев в период скитаний, который изображался в виде крылатого коня-единорога, а также характерные сяньбийские бляшки с изображением бегущей лошади, стоящих ланей и переплетенных змей [18, с. 165]. Отдельные виды сяньбийских украшений вошли в моду у населения булан-кобинской культуры Горного Алтая [19, с. 54]. Под влиянием сяньбийцев у кочевников Саяно-Алтая получили распространение характерные для них виды оружия ближнего боя и средств защиты, в том числе ударные копья, длинные всаднические мечи и металлические панцири, а также тактика ведения ближнего боя в плотно сомкнутом конном строю [20, с. 42]. Как и в предшествующее хуннское время главным объектом заимствования были образцы наиболее совершенного для своего времени вооружения и престижные элементы военно-дружинной культуры, в том числе парадные наборные пояса и некоторые виды украшений.

В сяньбийскую эпоху в Саяно-Алтай мигрировали новые группы монголоидных кочевников из Центральной Азии, что способствовало дальнейшему ускорению процессов изменения расового облика, этнической и языковой тюркизации, культурной трансформации местного кочевого населения.

Библиографический список

- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. I.
- Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. №9.
- Бартольд В. В. Киргизы // Сочинения. М., 1963. Т. 2. Ч. 1.
- Баркова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в. н. э. М., 1989.
- Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Вайнштейн С. И., Крюков М. В. «Дворец Ли Лина», или конец одной легенды // Советская этнография. 1976. №3.
- Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. М., 1973. Вып. 2.
- Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.
- Щетенко А. Я. Раскопки средневекового городища Бажын-Алаак // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983.
- Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.
- Николаев Н. Н. Планиграфия могильника Бай-Даг II // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.
- Савинов Д. Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // Краткие сообщения института археологии. М., 1978. Вып. 154.
- Кубарев В. Д., Журавлева А. Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986.
- Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.
- Кызласов Л. Р. Гуннский дворец на Енисее. М., 2001.
- Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.
- Худяков Ю. С., Алкин С. В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4.
- Тетерин Ю. В. Серьги гунно-сарматской эпохи Южной Сибири (проблемы типологии и хронологии) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 4. Вып. 5. Археология и этнография. Новосибирск, 2005.
- Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. №5.

Yu. S. Hudyakov

THE INFLUENCE OF HUNNOV AND SYANBI AT HISTORICAL DEVELOPMENT NOMADIC PEOPLE SAYANO-ALTAI

In article, on the basis of published and archeological materials throw light the influence of hunnov and syanbi at historical development nomadic people Sayano-Altai.

Central Asia, Mongolia, South Siberia, Gorny Altai, nomadic people, memorial of culture

УДК 902

И. Г. Черлояков, Н. С. Модоров.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ (XIX — НАЧАЛО XX В.).

В статье, на основе опубликованных материалов освещены религиозные воззрения, присущие коренным народам Горного Алтая на рубеже XIX-XX вв.

Монголия, Тибет, буддизм, ламаизм, Горный Алтай, коренные народы, религиозные воззрения, язычники, христианство, шаманы, жертвоприношение

Судьбы и история народов мира (всех без исключения) так или иначе, но теснейшим образом связаны с религией (или религиями), которые бытуют у них с незапамятных времен. Не стали исключением в этом плане и коренные народы Горного Алтая, именуемых учеными, начиная с начала XIX столетия, общим этнонимом «алтайцы».

Согласно утверждениям исследователей, они с давних пор были шаманистами, т.е. основу их религиозных воззрений составляла вера людей в *духов*, населявших, по их представлениям, все три сферы: небесную, земную и подземную. Независимо от места обитания духи у алтайцев делились на две категории: *чистых* и *нечистых*. К числу первых (*небожителей*) они относили *духов-покровителей рода* (такового имел каждый род). В пантеоне *чистых духов*, обитавших на земле, значились также *хозяин горы* («*кырдын эзи*»), *хозяин огня* («*оттын эзи*»), *хозяин воды* («*суунын эзи*») и др. Кроме этих, общих духов-покровителей, каждый род имел свою священную гору, реку, лес, а также духов передней двери, переднего угла и др. Верили алтайцы и в существование персонального духа-хранителя каждого человека, дававшегося ему вместе с рождением [1, с. 165].

К категории нечистых духов алтайцы относили обитателей подземелья. Главное место среди них занимал враг человека — *Эрлик* [2, с. 117]. Но, в последнее время эта точка зрения подвергается критике. Так, исследовательница В. А. Муйтуева, утверждает, что Эрлик не был злым, как это укоренилось в сознании людей. Более того, пишет она, что он нередко даже помогал живущим на земле [3, с. 8]. Поддержал в свое время такую трактовку и другой сибирский исследователь А. М. Сагалаев [4, с. 33-35].

Посредником между духами и человеком выступали, как правило, *шаманы*. У алтайцев они делились на три категории: а) *больших*; б) *средних*; в) *малых*. Первые считались всемогущими, ибо они могли сноситься с духами всех сфер, вторые — только с земными и подземными силами.

И, наконец, третьи могли совершать только лишь обряд очищения над больным [5, с. 159].

Шаманом у алтайцев, равно как и у других языческих народов, мог быть далеко не каждый человек, а только лишь тот, кого изберет верховное божество. Дело в том, что шаманский дар, как верили люди, да и это действительно так было на самом передавался по наследству (отец-сын-внук). Каждый шаман имел своего духа-покровителя и духов-помощников. Своими обрядовыми действиями («*камланием*»), шаман испрашивал у духов материального благополучия или здоровья людям, а коль не удавалось добиться этого мирным путем, то «*боролся*» за это со злыми духами [6, с. 309].

Кроме шаманизма, ведем был алтайцам (особенно южным) и ламаизм — тибетская разновидность буддизма. Основным его догматом является, как известно, представление о том, что смысл человеческого существования заключен в безропотном перенесении невзгод и лишений в этой жизни, в надежде на «спасение» в будущем. Возникнув и оформившись в Тибете, как идеология тибетских феодалов, ламаизм в XVI-XVII вв. распространился в Монголии. Отсюда он и пришел на Алтай [6, с. 311].

Появление ламаизма у алтайцев не было случайным. Оно, как отмечал А.М.Сагалаев, объясняется соприкосновением культуры алтайцев с буддийским миром [7]. С другой стороны, это был результат официального принятия ламаизма частью теленгитской знати в период пребывания алтайцев в составе Джунгарии [8, с. 46]. О существовании ламаизма на Алтае и ламаизации алтайской знати говорят и архивные документы. Так, в текстах обращений зайсанов Горного Алтая к русским властям в 1756 г. есть указания на то, что они давали клятву верности царю «пред бурханы», т.е. перед Буддой [9, л. 350-352]. Эти же документы учли в числе новоподданных, «писанных в Семипалатинском» и 25 служителей ламаистского культа [10, л. 220-221].

Первостепенную роль в спасении людей ламаизм отводит ламам. Без их помощи рядовому верующему, якобы, заказан путь не только в рай, но даже в достижении “нирваны” — абсолютного, не нарушаемого покоя [6, с. 312]. Ламы, как и шаманы, могли и лечить людей [8, с. 47].

Для ламаизма, как известно, характерны было пышное богослужение и театрализованные мистерии, проводимые в данзанах — монастырях, — и множество бытовых обрядов, магических приемов и заклинаний, направленных против гнева богов и козней злых духов. Обрядовая сторона на Алтае была более простой, поскольку здесь не было монастырей. Документы XVIII-XVIII вв. засвидетельствовали лишь несколько небольших буддийских часовен районе теленгитских кочевий [1, с. 130].

Наряду с шаманизмом и ламаизмом, знали алтайцы и христианство. Обращение их в “Христову веру”, началось еще в XVIII в. Однако после упразднения миссионерских должностей в 1789 и 1799 гг. алтайцы вновь возвратились к шаманству [11, с. 29].

Однако идея христианизации не была забыта церковью. И как только создалась благоприятная ситуация, она тут же воспользовалась ею. С этой целью в 1830 г. на Алтае была создана духовная миссия, деятельность которой по сей день неоднозначно оценивается некоторой частью алтайской интеллигенции. В пылу политических и конфессиональных дебатов недоброжелатели миссии неизменно оперируют только фактами и примерами “насилственной христианизации” аборигенов, края их “русификацией”. При этом они неизменно замалчивают о культурно-просветительской деятельности миссионеров (создание ими на основе русской графики алтайской письменности, распространение грамотности среди алтайцев, внедрение в их хозяйство земледелия, овощеводства и огородничества, а в бытовую жизнь — санитарно-гигиенических навыков [6, с. 310-311].

Причина такого замалчивания кроется, на наш взгляд, не только в их позиции и стратегии, но и в стереотипе, передавшемся им (да и всем нам) “по наследству.” В советское время наши религиозные чувства были, по сути дела, загнаны “в подполье”. Любое отклонение от “воинствующего атеизма”, если не преследовалось открыто, то общественному осуждению предавалось в обязательном порядке, хотя право граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой гарантировалось Конституцией СССР.

“Перестройка”, последовавшие за ней распад СССР, “парад суверенитетов”, единение (в условиях демократии) государства с церковью, кардинально изменили ситуация на “вероисповедном фронте”: россияне получили возможность исповедовать “все и вся”. Но сошедший на них “дух свободы” не пошел им на пользу. В новой ситуации мы (который уже раз) не смогли найти “золотой середины” и снова ударились в крайность, но теперь уже в противоположную той, что была до этого.

Выше уже упоминалось, что алтайцам с давних пор был присущ поликонфессионализм. При этом они никогда не ставили вопроса о главенстве какой-либо одной религии. Однако, с некото-

рых пор представители радикально настроенной интеллигенции стали высказывать мысль, о том, что “постоянной” (а следовательно, главной) религией алтайцев издавна был буддизм.

Не вступая в полемику относительно главенства той или иной религии в воззрениях алтайцев, скажем лишь пару слов о их взаимоотношениях между собой. Надо сказать, что до недавнего времени такой проблемы в нашем обществе не существовало, поскольку в Советском государстве любая религия рассматривалась не иначе как “опиум для народа”. Лишь на исходе XX века деятельность церкви была легализована и верующие — христиане, иудеи, мусульмане, представители других конфессий — получили возможность открыто демонстрировать свои религиозные воззрения, отправлять соответствующие им службы и обряды. Другой стороной этих преобразований явился рост национального самосознания людей, катализировавший их интерес ко многим вопросам своего бытия. Инициатором он и вряд ли реализуемое на практике стремление народов “разобраться” со своей “родной” религией. К сожалению, этот поиск у нас, как было отмечено выше, превратился в политическую “разборку”, которая наложила весьма негативный отпечаток на взаимоотношения народов, проживающих в Горном Алтае на этом переломном для нас всех хронологическом рубеже. А в нашем крае тогда, кроме алтайцев (31% от общего числа населения края), проживали русские (60%), казахи (5,6%), а также азербайджанцы, башкиры, белорусы, грузины, корейцы, литовцы, молдаване, немцы, татары и представители других наций и народностей (3,4%) [12]. Примерно то же соотношение (с небольшой долей колебания) сохранилась и по сей день. И хотя в официальной статистике отсутствуют сегодня данные, которые бы наиболее полно характеризовали конфессиональную картину населения Республики Алтай, тем не менее, мы можем предположить, что некоторая часть его исповедует мусульманство, восприняв его от проживающих рядом с ними казахов, предки которых появились в Чуйской степи в 80-90 гг. XIX века, а также буддизм (в форме ламаизма) и другие традиционные и нетрадиционные религии.

Но, несмотря на принадлежность населения нашего края к различным конфессиям, каких-либо “трений и споров” на этой почве здесь никогда не возникало.

Суммируя все вышесказанное, можно резюмировать: население каждого региона, страны в целом, и по сей день переживает не простую для себя ситуацию. Учитывая это обстоятельство, хочется искренне пожелать всем нам быть благоразумными, не бросаться из одной крайности в другую, спокойно и взвешенно подходить к решению любого вопроса, связанного с международными, межэтническими и межконфессиональными отношениями. Только при таком подходе к делу, нам удастся повсеместно сохранить подлинную гармонию интересов проживающих здесь наций и народностей, утвердить между ними подлинное братство, взаимопомощь и взаимопонимание.

Библиографический список

1. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953.
2. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л., 1990.
3. Муйтуева В. А. Эволюция религиозности и свободомыслия у алтайцев. Автореф. канд. дисс. СПб., 1991.
4. Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992.
5. Сатлаев Ф. А. Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1974.
6. Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: Политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII вв.). Горно-Алтайск, 1996.
7. Сагалаев А. М. Мифология и верования алтайцев. Новосибирск, 1984.
8. Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII—середине XIX в. Горно-Алтайск, 1991.
9. Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 113. Оп. 1. Д.4.
10. Там же. Д. 3.
11. Модоров Н. С. Горный Алтай в пореформенный период. — Горно-Алтайск, 1990.
12. Текущее делопроизводство Управления статистики Республики Алтай.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 17.09. 09.

I.G. Cherloaykov, N.S. Modorov

THE RELIGIOUS OPINIONS OF NATIVE PEOPLES OF GORNY ALTAI (XIX-BEGINNING XX CENTYRIES)
In article, on the basis publications throw light the religious opinitions of native peoples of Gorny Altai (XIX-biginning XX centyries).

Mongolia, Tibet, buddism, lamaism, Gorny Altai, native peoples, religious opinitions, pagans, Christianity, shamans, sacrificion

УДК 902

А. Ю. Юдина

ВОЕННЫЕ ГОСПИТАЛИ Г. БИЙСКА В 1941-1945 ГГ.

В статье на основе опубликованных материалов и фотоснимков рассказывается о расположении эвакуационных госпиталей в городе Бийске в 1941-1945 гг.

Великая Отечественная война, раненые, госпиталь, памятная доска, хирургия, терапия

Великая Отечественная война, разразившаяся в Европе в XX столетии, оставила свои следы повсюду. Мемориалы славы напоминают нам о погибших в боях, но нет памятников тем, кто умер от голода, от ран, от непосильной работы. Мало кто вспоминает сейчас тех, кто разрабатывал так называемую военную медицину, направляя все свои знания на то, чтобы спасти жизни солдат. В книжных магазинах можно встретить хорошо изданные книги о военных самолетах, о подводных лодках, но чтобы найти книгу о военных врачах - придется потратить немало усилий.

Между тем время уничтожает следы событий не только в хрупкой человеческой памяти, но и разрушает целые здания. Именно поэтому мы предлагаем современникам схему расположения эвакуационных госпиталей в городе Бийске во время Великой Отечественной войны.

Для удобства работы мы условно делим город на три част (схема города составлена нами — А. Ю.): старый город (часть Бийска, в которой располагаются здания дореволюционной постройки), новый город (часть города, начавшая активно развиваться во второй трети XX столетия) и заречье (часть города, находящаяся на левом берегу реки Бии). Сведения об эвакуационных госпиталях (фотографии в статье наши — А. Ю.) будут даны без разделения на периоды пребывания в Бийске.

Как известно, раненые поступали на наш железнодорожный вокзал, а откуда их развозили по госпиталям на конных подводах, предоставляемых предприятиями города. Развернутые в Бийске временные эвакуационные госпиталя, вместе с прибывшими сюда из других мест Советского Союза, составили целый медицинский архипелаг. Временно приспособленные под медицинские учреждения дома сохранились до сих пор, но внутреннее их устройство значительно изменилось, так как они активно используются городскими властями в ином качестве.

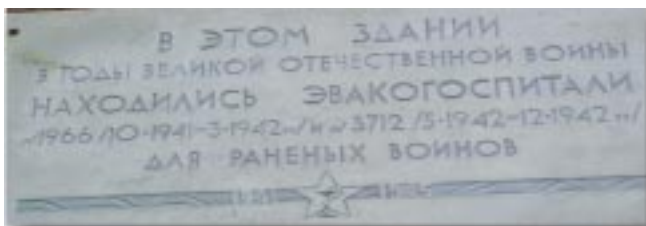
Итак, в старом городе берет начало ул. Советская, одна из самых протяженных улиц Бийска. По адресу: ул. Советская, 5, в здании, построенном по заказу купчихи Елены Григорьевны Морозовой в 1890 г., где до 1918 года размещался первый в Бийске банк, в годы Великой Отечественной войны находились два эвакуогоспиталя: №1966 (с 6 октября 1941 по 7 марта 1942 г.) и №3712 (с мая 1942 по декабрь 1942 г.). Вместе с указанным помещением для нужд эвакуогоспиталей были отданы также дома по ул. Советской, 3 (построено по заказу купца М. С. Сычева, изначально совмещало в себе функции жилого дома на втором этаже и магазина на первом этаже), и по ул. Л. Толстого, 140. Эвакуогоспиталь №1966 был общехирургического профиля, мощностью

4000 койкомест, эвакуогоспиталь № 3712 был того же профиля, но по мощности был на 200 коек больше. Сейчас в этом здании располагается факультет технологии и предпринимательства Бийского педагогического государственного университета имени В. М. Шукшина и один из читальных залов библиотеки университета.

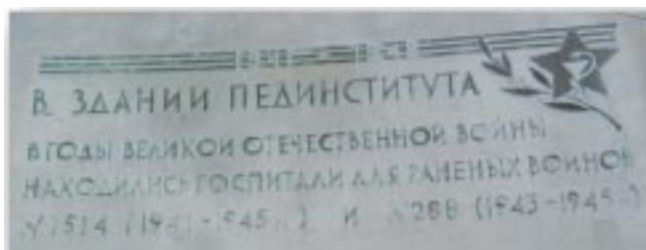

Памятная доска на здании по ул. Советской, 5 сохранилась в хорошем состоянии. Однако следует сделать одно замечание: в книге «Энциклопедия Алтайского края, в 2-х томах» указанные учреждения указаны по адресу ул. Кирова, 12 [2, с. 110-111]. Мы, опираясь на данные других исследований и мемориальные доски, указываем, что по этому адресу располагался другой эвакуогоспиталь.

1943 года из Гомельской области Белорусской ССР (бывший хирургический полевой подвижный госпиталь). Спектр оказываемых медицинских услуг в нем был достаточно широк, о чем можно судить по отделениям: наряду с общехирургическим, имелись терапевтическое, невралгическое, кожно-венерологическое, глазное, ЛОР, а с марта 1945 года — инфекционное. После войны эвакуогоспиталь был переформирован в госпиталь инвалидов Отечественной войны [1, с. 72].

Чуть ниже, по ул. Советской — в доме №11, где сейчас находится естественно-географический факультет ВПГУ, а до революции было реальное училище имени А. С. Пушкина (сначала деревянное, а с 1902 г. — кирпичное, — разместились эвакуогоспитали 1514 и 208 [1, с. 74]. По другим данным, эвакуогоспиталь № 1514 [2, с. 110-11] был по адресу ул. Советская, 14, а №208 — в списке не значится. По указанному адресу находится бывший до революции дом Михельсона — небольшое кирпичное одноэтажное здание (в данный момент перестраивается, поэтому фотоснимок не помещаем), которое по площади гораздо меньше дома №11, на котором и находится мемориальная доска. Эвакуогоспиталь №1514 находился в Бийске всю войну, а госпиталь №208 прибыл в наш город 1 декабря.

Замыкает здания эвакуогоспиталей по ул. Советской дом №21а, на котором находится памятная доска с номером госпиталя 1233, который располагался и в окружающих зданиях (с. 21-27). Дом №20 известен как дом Иванова (на фотоснимке справа, сейчас здесь Профессиональное училище №90) и был построен в 1904 году. На-

ходящееся рядом с ним здание — 21а — было построено в 1882 году на средства купца Рождественского как общественное городское собрание. С тех пор сменилось множество функциональных назначений здания (сейчас здесь филологический факультет и библиотека БПГУ).

15 августа 1941 года в Бийске был сформирован эвакуационный госпиталь №1233, общей вместимостью 500 коек, смешанного профиля. В нем имелись общехирургическое, терапевтическое и глазное отделения. В 1943 году он стал принимать и гарнизонных больных. Данный госпиталь функционировал до марта 1944 года.

У истоков ул. Советской берет свое начало и ул. Кирова и идет перпендикулярно ей. По адресу: ул. Кирова, 12 (бывшая гостиница Макарова) разместился в годы войны

эвакуационный госпиталь №3292, прибывший в Бийск 13 апреля 1941 г. из г. Купянска (Харьковская область) и убывший в марте 1942 г. на Калининский фронт (дальнейший путь этого эвакуационного госпиталя достаточно интересен, однако рассмотрение его истории — это тема специальной статьи). Вместимость его составляла 600 койкомест, имелись общехирургическое и глазное отделения. Теперь по данному адресу располагается городская стоматологическая поликлиника. Памятная доска на данном здании находится в отличном состоянии. В уже упоминавшейся «Энциклопедии Алтайского края» эвакуационного госпиталя под таким номером нет, а по этому адресу указаны, как уже было сказано выше, упомянуты эвакуационные госпитали №3712 и №1966.

Выше по ул. Кирова, в доме №27 (ныне это жилой дом без мемориальных «знаков», фотография его не приводится, так как здание долго не ремонтировалось) с сентября 1941 по март 1942 г. здесь располагался эвакуационный госпиталь №1819, хирургического профиля на 400 мест [2, с. 110-111].

Недалеко от ул. Кирова находится ул. Куйбышева, на которой, в доме № 106, находился сформированный в Бийске 15 августа 1941 г. эвакуационный госпиталь №1234. В 1944 г. он убыл в Харьков, где и находился до 1946 года. В этом же здании в 1942-1944 гг. обучались дети из блокадного Ленинграда.

Созданный эвакуационный госпиталь был рассчитан на 200 коек и до июня 1942 г. был смешанного профиля — раненые, соматические больные, туберкулезное отделение, — ситуация с туберкулезными больными была в городе не самой благоприятной: некоторых больных с активной формой туберкулеза за неимением мест в городских больницах просто отправляли домой.

Потом профиль госпиталя сменился: он стал инфекционным. Теперь в здании находится Профессиональное училище № 3 имени трижды Героя Советского Союза маршала авиации А. И. Покрышкина. К содержащимся в отличном состоянии памятным доскам наше время прибавило ещё одну: памяти Героя России Медведева Сергея Юрьевича, учившегося здесь с 1991 по 1994 гг., а 1 марта 2000 года погибшего в бою с чеченскими террористами.

Параллельно ул. Советской в «старом центре» Бийска идет ул. Льва Толстого. В дом №143 по улице 3 октября 1941 г. прибыл из г. Мерефы (Харьковская область) эвакуационный госпиталь №1339, а уже 6 марта 1942 г. он был передислоцирован в г. Торжок (где пребывал до 1943 г., а затем вновь сменил адрес). Вместимость эвакуационного госпиталя была 300 коек, профиль — общехирургический. Долгое время После войны здесь долгое время находилась городская средняя общеобразовательная школа №1. Когда же для нее построили новое здание, старое здание эксплуатировали различные ведомства и организации, а потом оно было заброшено. Около трех лет оно

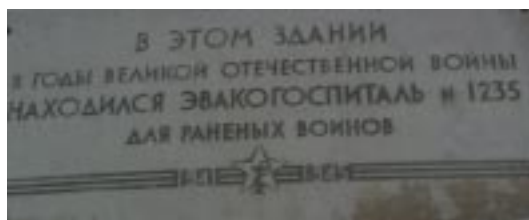
простояло «без окон, без дверей», однако теперь восстановлено (его помещения сдаются в аренду — здесь сегодня находится социальная защита, банк и др.). Восстановили архитектурный декор здания, даже сделали систему вечерней подсветки, при

которой здание очень красиво смотрится в вечернее время. Но при всех «новаторствах» исчезла со здания памятная табличка, находившаяся ранее на фасаде. Текст её был таков: «В этом здании в годы Великой Отечественной войны находился эвакогоспиталь №1339 для раненых воинов» [1, с. 73]. В «Энциклопедии Алтайского края» этот эвакогоспиталь — не значится.

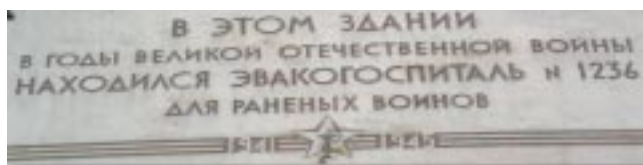

Однако, несмотря на ущерб, нанесенный истории здания потерей памятной таблички, глядя на другие здания по улице Льва Толстого, приютившие когда-то в своих стенах госпиталя, невольно думается, что здесь под угрозой находится не только историческое «лицо» зданий, но и сами здания.

Так, в доме № 144-146 по ул. Л. Толстого — здание построено до революции (в 1907 г.) по заказу купцов Второва и Фирсова, открывших здесь новые магазины, — размещался эвакогоспиталь №1235, сформированный в Бийске 10 июля

1941 г. (действовал до декабря 1944 г.). Профиль госпиталя был смешанный: в нем функционировали следующие отделения: сортировочное, общехирургическое, челюстно-лицевое, ортопедическое, восстановительной хирургии [1, с. 74]. Памятная табличка на здании сохранилась, но вот само здание сильно пострадало от времени, а недавно еще и от пожара. Впрочем, сгоревшая его часть вполне вписывается в общий архитектурный «облик» улицы: оно граничит с бывшим зданием Центральной городской библиотеки имени В. М. Шукшина — ул. Л. Толстого, 148, где находился в годы войны госпиталь для раненых воинов. Эвакогоспиталь №1236 был сформирован в Бийске 11 июля 1941 г., располагался в нескольких зданиях (ул. Л. Толстого, 119, 128, 148, пер. Базарный, 5) и был рассчитан на 600 коек. Имел следующие отделения: общехирургическое, терапевтическое, травматологическое. Третьего апреля 1943 г. госпиталь убыл на станцию Луза (Кировская область), где находился до 25 августа 1944 г. Памятная доска на здании сохранилась, но само здание представляет собой странную картину: в его отреставрированную часть переехала Центральная городская библиотека, а не отреставрированная часть — это кирпичный остов, с выбитыми стеклами и проваливающейся крышей. Из его окон в летнее время машут листьями новые деревья. Пресса города активно освещала открытие нового здания библиотеки и подготовку к празднованию трехсотлетнего юбилея города. Но в планах приведения города в парадный вид не нашлось места и денег для реставрации двух этих зданий. А ведь стоящее рядом здание милиции (по ул. Советской, 15) отреставрировали и заново покрасили, даже обвели белой каймой каждый кирпичик, а вот в здании, о котором речь, даже ничего не начинали, а потому ряд мероприятий проходил в сквере перед разрушающимися стенами. Мы помещаем фотографии домов в том состоянии, в котором они находятся сейчас хотя бы потому, что не надеемся в скором будущем увидеть их отреставрированными.

Непонятно, как такое состояние исторических памятников связать и с широко разрекламированными туристическими проектами. Закрадывается мысль, их «реализаторы» намерены проводить экскурсии по развалинам исторических памятников.

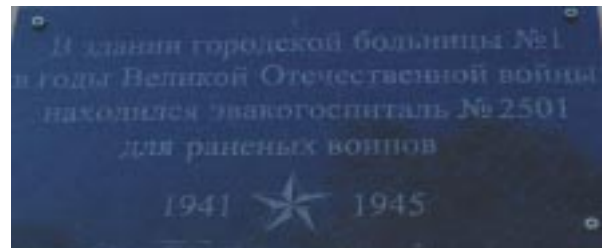
Оставляя исторический центр Бийска, обратим свое внимание на здание по адресу ул. Васильева, 4, находящееся на одной из центральных транспортных артерий города. 28 октября 1942 г. в него перехал из г. Ельца (Липецкая область) Гомельский военный госпиталь №425, а уже 11 ноября 1942 г. госпиталь убыл из Бийска в Калининскую область. Его мощность составляла 400 койкомест и он специализировался на лечении на нижних конечностях. В январе 1942 г. при нем было создано отделение «для лечения хирургических, кожно-венерологических, невралгических терапевтических, ЛОР, больных» [1, с. 72]. Памятная доска на здании хорошо сохранилась, но прилегающая территория огорожена и подойти ближе для фотосъемки было невозможно.

В новой части города по адресу ул. Докучаева, 9 (бывшее здание школы №22) с 3 ноября 1941 г. был размещен эвакогоспиталь №1969, который имел общехирургическое и терапевтическое отделения. Убыл эвакогоспиталь 7 марта 1942 г. в г. Калинин. Сейчас здание перестроено под жилой дом, близлежащая к нему территория огорожена. Памятной доски нам увидеть не удалось. Местные жители говорят, что она была снята. Как и в случае со зданием по адресу ул. Толстого, 143, мы помещаем только текст: «В этом здании в годы Великой Отечественной войны находился эвакогоспиталь №1969 для раненых воинов» [1, с. 73].

Поэтому приятно было увидеть отличную памятную доску на здании городской больницы №1 (ул. Тургенева, 82, заречная часть Бийска), где в годы войны располагался эвакогоспиталь

№2501, сформированный в Бийске 16 августа 1941 г. Потом он сменил свой адрес. По указанному адресу он находился до 20 марта 1942 г., затем он переехал на ул. Кузнецкую, 63. Профиль госпиталя был — общехирургический, его мощность составила 300-450 койкомест [1, с. 71].

Говоря о госпиталях, размещавшихся в годы войны в Бийске, следует отметить, что медицинский персонал каждого из них делал все возможное для того, что спасти жизни поступавших к ним раненых, но спасти всех — задача непосильная. Кроме того, в Бийск пребывали военнослужащие с очень серьезными ранениями. Все госпитали города приняли свыше 200 тысяч раненых. Скончалось от ран — 179 чел. Они были захоронены на Заречном кладбище, в братских могилах. В 1977 г. на месте захоронения была установлен обелиск, а в 1980 г. — фигура коленопреклоненного солдата. Через год обелиск был реконструирован [1, с. 70]. Но сегодня мы уже не увидим на Заречном кладбище, коленопреклоненного солдата. Памятник изменен, указателей и сторожа на территории кладбища нет (нам пришлось все выспрашивать у людей, пришедших сюда почтить память своих близких). Единственное, что указывает в сторону братской могилы, это небольшая неровная асфальтовая тропинка. Найдя захоронение, мы были вынуждены отмыть плиту, так как что-либо прочитать на ней было невозможно. Текст, выбитый на камне, был таков: «Вечная Вам память. 1941-1945» Над текстом выбита звезда. Единственным украшением памятника служит ваза с искусственными цветами (она сделана отдельно от постамента и сделана не из камня. Полагаем, что её принесли сюда те, кто приходил сюда вспомнить тех, кто не дождал до победы).

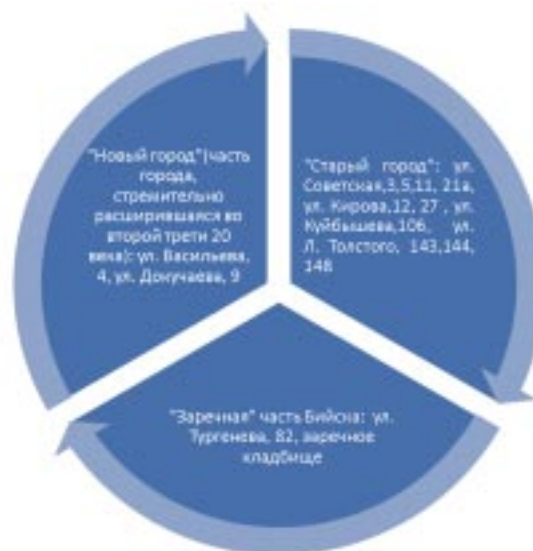
Информацией о памятнике умершим в госпиталях от ран мы и заканчиваем наше сообщение об эвакуационных госпиталях, располагавшихся в годы Великой Отечественной войны в Бийске.

Всего в городе находилось 25 эвакуогоспиталей (без учета времени их прибытия и отбытия), занимали они в общей сложности 43 здания (объем статьи не позволяет нам привести их все) [1, с. 70]. Для удобства мы предлагаем перечень адресов, затронутых в данной статье, приведенный в схеме соответственно району части города, в которой он находился.

Библиографический список

1. Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры / Ред. Ю. Ф. Кирюшин, В. А. Скубневский. — Бийск, 1992.
2. Энциклопедия Алтайского края. В 2 т. / Ред. В. Т. Мищенко. — Барнаул, 1996. Т. 2.
3. Атлас города Бийска. — Бийск, 2008.

Бийский государственный педагогический университет им. В. М. Шукшина
Получено 25.10.09.

A. Yu. Yudina

THE SITES OF THE EVACUATED HOSPITALS IN BIYSK IN 1941-1945

The article, based on published materials and photos, tells about the sites of the evacuated hospitals in Biysk during the Great Patriotic war.

hospitals, memorial plaque, surgery, therapeutics, neuralgia

Учебно-методический комплекс (УМК) «История России (1855—1917 гг.)», (автор — профессор кафедры Горно-Алтайского государственного университета д. и. н., профессор Н. С. Модоров) являет собой учебное пособие, которое написано с учетом новейших тенденций в области преподавания курса «История России» в высшей школе. Одной из таких тенденций является гуманитаризация учебного процесса, которая направлена на активизацию познавательной деятельности студентов, развитие у них умений и навыков самостоятельной работы по приобретению ими новых знаний, их систематизации, оперировать базовыми понятиями, теоретическими и ценностными конструкциями учебного курса, решать познавательные задачи, логично выстраивать устные и письменные тексты. Именно на это ориентирует студентов приводимый в УМК перечень навыков и умений (компетенции), которыми они обязаны овладеть по завершению изучения курса «История России (1855—1917 гг.)». Решению этих образовательных задач в значительной степени способствуют и приводимые в УМК задания по различным видам работ, которые студенты обязаны выполнять самостоятельно. В этом перечне присутствуют контрольные, курсовые работы, доклады, рефераты по той или иной, но определенной теме, предложенной студенту на самостоятельное изучение по базовому курсу «История России (1855—1917 гг.)». Наряду с этими видами самостоятельных работ, предлагаются студентам (чтобы проверить себя) контрольные задания и тестовые вопросы.

Чтобы облегчить решение студентами стоящих перед ними задач, в УМК приводится не только перечень обязательной, но и широкий список дополнительной литературы.

Не продолжая дальше перечень достоинств рецензируемого учебно-методического комплекса, сделаем положенный в таких случаях итоговое заключение. Он же будет вполне закономерным: написанный проф. Модоровым Н. С. учебно-методический комплекс «История России (1855—1917 гг.)» для студентов, обучающихся по специальности 030401 «История» (II курс заочной формы обучения, IV-V семестры) в полной мере соответствует, требованиям Государственного стандарта по высшему профессиональному образованию, направленного на гуманитаризацию образования, на нравственное воспитание подрастающего поколения через изучение прошлого своей родины. Материалы УМК (учебного пособия — поскольку оно содержит тезисы лекций по базовому курсу, планы семинарских занятия, справочную литературу и вопросы для контрольных проверок и зачета и т. д.) способствуют развитию не только учебно-методической, но и творческой активности студентов.

Руководствуясь всем вышеизложенным, можем констатировать, что рецензируемая работа, вне сомнения, должна быть опубликована, так как она, и это вне всякого сомнения, явится неплохим подспорьем в приобретении студентами знаний по истории России соответствующего хронологического периода, но окажет соответствующую помощь преподавателям, работающим в других высших учебных заведениях страны.

*Профессор кафедры отечественной истории
Барнаульской государственной педагогической
академии д. и. н., профессор М. А. Демин*

Модоров Н. С. Учебно-методический комплекс «История России (1855—1917 гг.)» для студентов, обучающихся по специальности 030401 «История» (II курс заочной формы обучения, IV-V семестры). — Горно-Алтайск: РИО Универ-принт ГАГУ, 2009. — 84 с.

РЕЦЕНЗИЯ

Кушнерик Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII– 50-е гг. XVIII вв.): монография. — Барнаул: Изд-во АГУ, 2008. — 240 с.

История Джунгарского ханства (1635–1758), этой, по выражению академика В. А. Бартольда, «последней большой кочевой империи в Центральной Азии», издавна привлекала внимание ученых России. И этот их интерес был не случаен, поскольку она в течении ста с лишним лет сумела сохранить свою независимость, противостоя одновременно двум великим державам — России и Китаю. Гибель Джунгарского ханства под военным натиском последнего ознаменовала собой закат эры кочевников, господствовавших в степях Центральной Азии в течение нескольких тысячелетий.

В период своего расцвета Джунгарское ханство, как известно, играло значительную роль в центрально-азиатском и соседних регионах. На всех этапах своего развития оно поддерживало достаточно активные дипломатические и торговые отношения с Русским государством, о чем свидетельствуют многочисленные документы, отложившиеся в российских архивах, которые дают возможность реконструировать историю внешнеполитических связей этих двух государств, их место и роль в системе межгосударственных отношений в Центральной Азии.

Выше уже отмечалось, что история Джунгарии и русско-джунгарские отношения с давних пор привлекала внимание исследователей. Однако с момента советско-китайского идеологического противостояния эта тема, «благодаря усилиям» китайских историков, приняла ярко выраженную «политическую окраску». Они, и тогдашняя китайская историография (не исключение и сегодняшняя) почти без изменений восприняла традиционные китаецентристские представления о Центральной Азии и о народах, ее населявших, как о «сфере влияния китайской цивилизации», «периферии» Поднебесной империи. В связи с этим, китайскими историками откровенно искажается история Джунгарского ханства и крайне негативно освещается роль России в истории Центральной Азии. После распада СССР тема экспансии цинского Китая в Центральной Азии в современной российской историографии оказалась, к сожалению, на «задворках» истории. И как закономерный результат этого — отсутствие исследовательских работ, которые дали бы отпор апологетической трактовке вышеозначенной темы современными китайскими исследователями.

Обращение автора рецензируемой монографии к дипломатической истории русско-джунгарских отношений весьма своевременно и с научной, и практической точек зрения: без скрупулезного и объективного рассмотрения этой темы невозможно создание подлинно научной истории Джунгарского ханства и в целом Центральной Азии XVII—XVIII вв. Источники ойратского или джунгарского происхождения практически не сохранились. До нас дошло только то, что сохранилось в российских архивах. Именно на них и оперся автор рецензируемой монографии, что делает ее особенно значимой, ибо ныне, к сожалению, мало кто обладает навыками чтения документов XVIII, не говоря уже о XVII в. Включенные в монографию материалы содержат, порой, ценную и уникальную информацию о Джунгарском ханстве. К числу ее достоинств, следует отнести и исчерпывающий источниковедческий анализ использованных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Не останавливаясь на разборе глав монографии, каждая из которых заслуживает многих добрых слов, можно

отметить, что в целом они дают возможность поэтапно проследить хронологию истории установления и развития русско-джунгарских отношений, убедиться в том, что в добрососедстве были заинтересованы обе стороны.

Вполне убедительно отражена в работе и роль «казахского фактора» в международно-дипломатических отношениях в Центральной Азии и русско-джунгарских в частности.

Подводя итог всему вышесказанному, можно однозначно утверждать, что с выходом моногра-

фии Р.А.Кушнерик специалисты по данной проблематике, вне сомнения, получили неплохой документальный источник, который поможет им пересмотреть и уточнить многие положения и оценки из наших прошлых представлений об истории Джунгарского ханства, а особенно по теме русско-джунгарских отношений.

Зав. лаборатории по изучению истории и культуры коренных народов Южной Сибири ГАГУ, д. и. н., профессор Н. С. Модоров

Информационное письмо

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОЛТОРАК

*доктор исторических наук, профессор, действительный член РАЕН
президент Международной ассоциации исторической психологии*

*Международная ассоциация исторической психологии
им. проф. В. И. Старцева*

Отделение Санкт-Петербургского философского общества

Уважаемые коллеги!

Международная ассоциация исторической психологии им. проф. В.И. Старцева, издательство «Нестор» и издаваемые им журналы «Клио» и «История Петербурга» 14–15 декабря 2009 г. проводят XXVI научную конференцию

«Методология и методы исторической психологии».

Работа конференции будет освещаться телевидением и Радио России.

Начало конференции 14 декабря 2009 г. в 11 часов. Регистрация 14 декабря с 10 до 11 часов. Место проведения конференции: Санкт-Петербург, Гражданский проспект, д. 11, здание института «Гипроникель», конференц-зал.

Проезд до станции метро «Площадь мужества», далее — автобус № 40, троллейбус № 6 или маршрутное такси № 150, 50, 175а до остановки «Агрофизический институт».

Приглашаем принять участие в конференции историков, психологов, философов, социологов, филологов, культурологов и других ученых, специализирующихся в сфере этой проблемы. Материалы докладов и сообщений будут изданы к началу работы конференции.

Организационный взнос в размере 300 руб. может быть перечислен участниками по Почте России на адрес: г. Санкт-Петербург-251, ул. Политехническая, 29. Полтораку С. Н. Участник считается зарегистрированным после оплаты организационного взноса.

Оплата за сборник научных статей конференции производится после получения его на отделении Почты России.

Проезд, проживание в гостинице за счет участников конференции.

По вопросу бронирования места в гостинице обращаться к Ильиной Анастасии Витальевне (Служба бронирования гостиниц Find Hotel 191036, Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 29, т/ф (812) 603 — 20-95, 991-02-92, www.findhotel.ru). Для бронирования мест в гостиницах в декабре просьба обращаться предварительно за две-три недели.

Заявки на участие в конференции и материалы выступлений принимаются до 25 ноября 2009 года по адресу: 195251, Санкт-Петербург-251, издательство «Нестор», оргкомитет конференции «Методология и методы исторической психологии». Сборник будет издан к началу конференции.

Адрес:

Россия, 195251, г. Санкт-Петербург-251, Политехническая ул., 29
Тел./факс: (812) 534-28-28 e-mail: poltorak2006@yandex.ru

В заявке необходимо указать:

1) сведения об авторе(ах): фамилия, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученая степень, звание;

2) адрес (с индексом) и телефон (с кодом города) для связи, e-mail;

3) предполагаемую форму участия (очная, с указанием необходимости бронирования места в гостинице, или заочная).

Текст выступлений (без рисунков, графиков, таблиц, чертежей, диаграмм, схем) должен быть представлен на дискете и в распечатанном виде (1 экз.). Электронный вариант статей и заявок может быть выслан по e-mail: poltorak2006@yandex.ru, в этом случае отправлять статьи обычной почтой не надо.

Оформление текста: объем — от 3 до 5 страниц; формат — rtf или doc; шрифт — Times New Roman; кегль — 14 (для сносок — 12); интервал — одинарный; абзацный отступ — 5 знаков; поля — справа и слева по 2,5 см, остальные по 2 см. Тексты библиографических ссылок должны быть оформлены в соответствии с ГОСТом и располагаться в конце статей.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

в журнале «МИР ЕВРАЗИИ»

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20 — 40 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождается рецензией доктора (кандидата) исторических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал — 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см. Статья оформляется следующим образом:

- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на английском языке (до 300 знаков);

- УДК;

- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на русском языке (до 300 знаков).

- Ключевые слова (на русском и английском языках)

- Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.

- Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.

- Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.

- Библиографический список (в порядке цитирования) оформлять по ГОСТ 7.1.-2004. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].

- В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию.

Статья (бумажный вариант и электронный вариант на дискете) вместе с заявкой и рецензией, должна быть выслана обычной почтой на адрес редакции или электронной почтой по адресу (E-mail: mns@gasu.ru. Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к публикации приниматься не будут.

Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1 Университет, Редакция международного журнала «Мир Евразии» Главному редактору.

Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-62-33, 2-68-15. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

Образец оформления статьи

Sidorenko D.I. Realization the decree SNK «About separating of church from State and of school from church» on the Altay (1917-1921). In the article, on the basis of documentary sources for the first time introduced into scientific turn the religious policy of Soviet power on the Altay in 1920-1930 years.

Key words: revolution, church, decree, requisition, religious organizations, repression, board of justice, liquidation commission.

УДК 902

Сидоренко Д.И.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА АЛТАЕ В 1920-1923 ГГ.

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется конфессиональная политика Советской власти на Алтае в 1920-1930 гг.».

Ключевые слова: революция, церковь, декрет, реквизиция, религиозные организации, репрессия, коллегия юстиции, ликвидационная комиссия.

Претворение в жизнь нормативных актов Советской власти, касавшихся религиозных объединений, началось на Алтае только в начале 1920 г. Существовавшие же здесь (с декабря 1917 по июнь 1918 г.) ее органы власти вопросами конфессиональной политики практически не занимались [1, с. 86,88]. Это был результат ТЕКСТ...

Библиографический список

1. Будегечиева, Т.Б. Горловое пение в системе народной культуры тувинцев / Т.Б. Будегечиева // Мелодии «Хоомей» / Материалы I Международного симпозиума «Хоомей-92». — Кызыл: Изд-во КГУ, 1994.

и т.д.